

В номере: Зачем студенту трудовая книжка?
 Аттестация—в погоне за баллами...
 Стипендия: равенство или уравниловка
 Юлиан Семенов. Версия-II.



ISSN 0321—3803
**Студенческий
меридиан 10'84**



Фото В. Карева

«Необходимо более активно влиять на формирование вкусов молодежи», — подчеркнуто в материалах IX пленума ЦК ВЛКСМ. Своими мы-

слями на эту тему оелится член ЦК ВЛКСМ, лауреат премии Ленинского комсомола Грузии, певица Тамара Гвердцители.

«НАМ НЕЛЬЗЯ БЕЗ ПЕСЕН...»

Начну со слов благодарности моим учителям. Они учили не только музыке, пению, игре на музыкальных инструментах, но и умению работать. Знаете старую истину — дорожишь тем, во что вложил свой труд, что требовало усилий, напряжения, переживаний.

Тут есть некий парадокс. Да, песня должна быть трудным искусством для профессионалов и в то же время легким для каждого любителя. Песня должна жить в народе, а значит, легко и свободно петься. К сожалению, это происходит сейчас довольно редко. От своих слушателей я узнаю, что современные шлягеры скорее слушаются и «танцуются», чем поются. Меня этот факт огорчает.

Песня — творчество, доступное каждому. Мне трудно представить человека, которому не хочется, хотя бы иногда, петь. В песне слово, мысль, чувство как бы заново рождаются. Музыка дает им новую жизнь.

Стихи, прочитанные тобой вслух, или песня, спетая в кругу друзей, значат гораздо больше, потому что это уже твои стихи и твоя песня. Кажется, это ты сочинила их впервые.

Многим нравится, а многим и удается такое сотворчество. Но оно имеет границу. Не очень серьезно, по-моему, относятся к музыке те, кто, например, Бетховена переделывает в рок.

Я так сильно люблю музыку, что мое отношение к ней, наверное, не очень объективно. Например, ставлю ее выше всех искусств. Она дает людям столько прекрасного; мне кажется, мы все должны быть к ней как-то причастны... По-моему, никто не может быть равнодушен к музыке! Полюбить ее — значит стать счастливее. Но важно, чтобы это понимание не было искаженным, важно «не обидеть» музыку собственным невежеством, а часто такое, хотя бы и ненароком, случается. До глубины понятая музыка, особенно та, что прошла с людьми сквозь века, обогащает нас духовно, помогает преодолевать трудности. К рок-музыке отношусь неплохо, но печально все же, когда люди узнают о Пятой симфонии Бетховена по аранжировкам, судят о Моцарте и народных песнях по звучанию синтезатора. Это не значит, что я вообще против техники. Без нее сегодня не обойтись. Вот, например, микрофон. Хотя кое-кто считает, что «микрофонный голос» всего лишь «репродукция» живого, в эстраде микрофон просто необходим. Он не только усиливает голос, но и обнажает все его недостатки. Голос — своеобразный музыкальный инструмент, и если певец им плохо владеет, техника сразу это подчеркнет. Кстати, можно иметь великолепные певческие данные и при этом быть заурядным эстрадным исполнителем. А бывает и наоборот. Таковы особенности жанра. Хорошо, когда в пении и песне все совершенно — и голос, и чувство, и мастерство, как у Эдит Пиаф.

Но что же все-таки главное в искусстве?

Талант. Индивидуальность. Ею нельзя быть, подражая кому-то. С копирования можно начинать, но не стоит делать это все время. К сожалению, наша эстрада иногда грешит подражателем. В таких случаях, как мне кажется, ее воздействие на зрителя, слушателя скорее отрицательное, чем какое-то иное. Ведь радуешься, когда узнаешь что-то новое, плохо, если перестаешь чувствовать музыку. Увлечение становится привычкой. Появляется желание без конца слушать одну и ту же, подчас весьма заурядную песню, ансамбль. Следование моде слепо; такая мода ничему не учит. Музыкальный вкус — это ведь не только то, что нам прививают извне. В большей степени — результат самовоспитания. Лучше всего при этом самому участвовать в музыкальном творчестве — играть, петь, сочинять. Еще нужно помнить о той почве, на которой создается любая музыка. Это национальная культура. В будущем, кем бы мне ни довелось быть — певицей, пианисткой, ком-

позитором, не мыслю себя без национальной грузинской музыки.

Конечно, нельзя представить серьезного музыканта без глубоких знаний мировой и национальной культуры. Современность вырастает из прошлого. Мне кажется, что, как только человек, работающий в искусстве, теряет связь с культурой, его вскормившей, он теряет почву под ногами. Ничего худшего для художника, артиста представить нельзя. Непонятно тогда, чей ты, откуда. Слушателя волнует правда. Если я пою о Родине, то это о своей земле, своем народе. И это значит, что пою о всех и для всех, во всяком случае, слова о Родине звучат одинаково. Пой по-русски, по-грузински, по-итальянски, под симфонический оркестр или с синтезаторами и электрогитарами, но пой так, чтобы люди почувствовали, узнали ту землю, где ты родился, вырос, откуда ты пришел. Нельзя терять свой голос. Когда песня для всех и это твоя песня, тогда она необходима людям, радует их.

Вы спросите: что значит «не терять своего голоса»? Ведь так можно сказать про любого человека, который не только поет, но, допустим, занимается физикой или работает на заводе.

Я имею в виду гражданскую позицию. Ее нужно вырабатывать не для кого-то, а для себя. Для художника она имеет особое значение. Ведь в какой-то степени он воспитывает, определяет вкусы окружающих его людей: своих зрителей, слушателей, читателей. Давно известно — художник ответствен не только за себя, но и за других. Скажу снова о песне. Сегодня многие из них лишены отчетливой гражданской позиции, в них нет настоящего героя, а значит, и нет души, на голос которой люди готовы откликнуться. А искусство на то и создано, чтобы не развлекать, но учить и воспитывать, звать к хорошему, доброму. И если ты выходишь на эстраду для того, чтобы что-то сказать другим, всегда волнуешься, потому что песню, которую сейчас споешь, ты пережила, она теперь частица твоего разума и сердца.

Чтобы донести все богатство песни до слушателя, необходима огромная работа, своя доверительная интонация. И не всегда удается ее найти. Бывает, пою и чувствую, что зал воспринимает песню не так, как я. Очень трудно передать это ощущение словами, но, поверьте, оно не из приятных. После концерта мучаешься: почему так произошло? Понимаешь, что-то недоделано, ищешь новое решение, что-то меняешь. Одним словом, работа над песней, даже той, которую исполняешь давно, никогда не кончается. Но очень многое зависит и от аудитории. Всегда ждешь встречи со слушателем, зрителем, который тебя лучше поймет. Для меня такая аудитория — наш тбилисский молодежный клуб «Амирани». Это клуб студенческий, организован ЦК комсомола Грузии. Там чаще всего проводят свои вечера три творческих вуза: театральный, Академия художеств и консерватория. Мне очень нравится там выступать. Уютно, хорошие люди. Из нашего клуба вышли многие прекрасные режиссеры, художники. Там особая атмосфера дружбы, тепла, взаимопонимания, творчества. Вспомнила об этом еще и потому, что «Амирани», как мне кажется, пример хорошей организации досуга. Для студента, целые дни занятого в институте, это отличное место отдыха. В «Амирани» приходят студенты, наверное, всех вузов Тбилиси. Дело тут не только в какой-то эмоциональной разрядке, которую дает любой отдых... там получаешь нечто большее. И конечно, пусть это известная истина, но нельзя о ней не вспомнить: лучший отдых тот, что бывает после хорошо сделанной работы, той, которую ты любишь. Равновесия между тем и другим всегда хочется достичь. Успеха в этом хочу пожелать всем читателям «Студенческого меридиана».

Студенческий меридиан

Издается с мая 1924 года.
1984, № 10, 1—48.

Ежемесячный общественно-политический и литературно-художественный журнал ЦК ВЛКСМ и Министерства высшего и среднего специального образования СССР

В НОМЕРЕ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Тамара Гвердцители. «Нам нельзя без песен...» 1

ПИСЬМА ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛЮДЕЙ 2, 44

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Стремление к новому! 3

ОРИЕНТИР

Владимир Крупин. Волшебная сила 4

ВСО НА МАРШЕ

Александр Иванов. Зачем студенту трудовая книжка? 7

УЧЕБА — ГЛАВНЫЙ ТРУД СТУДЕНТА

Иван Богачев, Владимир Толстой. Тяжба 10

КАК ЖИВЕШЬ, ГРУППА?

Александр Донсков. В погоне за баллами 12

БЫТ: ЭТАЖ ЗА ЭТАЖОМ

Наталья Сергеева. Учиться или жениться? 14

ВМЕСТО ФЕЛЬЕТОНА

Ольга Боброва, Владимир Слуцкий. Приказ! Еще приказ! 15

ПРОЗА

Юлиан Семенов. Версия-II. Повесть 18

ПОЭЗИЯ

Николай Дмитриев 25

ПАРАЛЛЕЛЬ

. 26

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

Дмитрий Орешкин. Страна Берингия. 30

АВТОГРАФ

Алексей Поликовский. «Джорджи Марьянович — с любовью!» 32

С ДИПЛОМОМ СТРАНЫ ОКТЯБРЯ

А. Минеев. Помощь друзей не забывается 33

НАШИ УЧИТЕЛЯ

Алексей Лосев. Бороться со скукой 34

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

Василий Казаринов. Гнездо на ветру 37

АЗБУКА ДЛЯ ДВОИХ

Юрий Орлов. О любви сказано много 40

СПОРТ, СПОРТ, СПОРТ

Петр Плиев. Двенадцатый чемпион 46

Виталий Мелик-Карамов. «Уже не мальчик — муж...» 46

Олег Чечин. Великолепная пятерка 48

**Главный редактор
Владимир Попов**

Редколлегия: Генрих Волков, Феликс Волков, Ирина Голванова, Владимир Грошев, Николай Егоров, Алексей Елисеев, Александр Жуганов, Егор Исаев, Василий Казаринов, Анатолий Карпов, Виталий Крикуненко (ответственный секретарь), Эдуард Макаревич, Олег Михайлов, Юрий Ростовцев (заместитель главного редактора), Сергей Суятинов, Илья Толстой, Игорь Цыбульский, Вячеслав Шостаковский

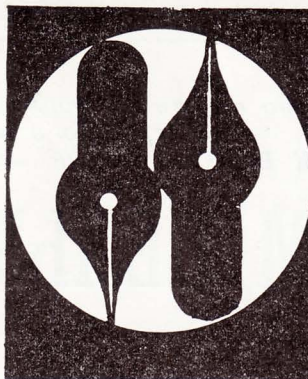
На первой странице обложки: Аяма-Ата, Всесоюзный слет участников студенческих строительных отрядов. Митинг-концерт.

Главный художник **В. Попов**
Художественный редактор **К. Кухтин**
Технический редактор **Ю. Шабынина**

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д. 5а, редакция журнала «Студенческий меридиан». Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан» обязательна. Телефон для справок: 285-80-71.

Сдано в набор 10.07.84. Подп. в печ. 14.09.84. А08165. Формат 60×90¹/₈. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,5. Усл. кр.-отт. 16,0. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 551 000 экз. Цена 30 коп. Заказ 1223.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30, Сущевская ул., 21.



Письма заинтересованных людей

В день рождения любимому учителю

Позвольте мне сегодня в этот день
Преподнести Вам скромный мой подарок,
Частицу сердца теплоты своей,
Пусть он не так уж красочен и ярк...
Спасибо Вам за Вашу доброту,
За щедрость сердца, за любовь, за строгость,
За все хорошее, ведь мы у Вас в долгу,
Вы дарите любовь, а мы Вам гордость —
За нас, за то, что мы не подвели,
Что оправдали мысли и надежды.
Спасибо, Вы мне в этом помогли,
Вы мой учитель и сейчас, как прежде...
Пусть счастье Ваш не покидает дом
И озаряет светом ярким, чистым,
Пусть люди платят Вам всегда добром
За то, что дарите Вы им частицу своей жизни.

*Людмила Жучинская,
студентка,
г. Николаев*

Учение — с увлечением

Как сделать, чтобы студент был лично заинтересован в изучении предмета, относился к этому не формально, а творчески, чтобы студент любил предмет и душой, и сердцем, и умом? Можно расценивать мои предложения как мнение определенного круга студентов. Точнее, заинтересованных студентов.

Итак, наши предложения:
1. Задачу преподавателя вижу в умении заинтересовать аудиторию предметом, научить студентов думать, работать творчески, а не формально, изучать темы,

предусмотренные программой.
2. Задачу студента можно сформулировать так: найти наиболее интересное для себя направление в будущей профессии.
3. Основная задача администрации института — создать условия для наиболее плодотворного решения двух вышеуказанных задач.

Краткие пояснения к каждому из перечисленных пунктов:

1. Нельзя заинтересовать студента тем, что самому тебе скучно и неинтересно.
2. Варианты поиска нужного направления в будущей профессии:

- увлечение прикладными предметами;
- увлечение теоретическими предметами;
- нахождение стимулов;
- личная симпатия к преподавателю.

3. Необходим пересмотр организации учебного процесса. Инициатива должна принадлежать кафедрам.

Многие мои товарищи говорили, что такое большое дело студентам не под силу. Получается, что нам не под силу решать свою же судьбу? А может быть, все же попробуем?

*Владимир С., студент
5-го курса Львовского
политехнического института*

А если так?

Сейчас у стройотрядовцев время подведения итогов трудового семестра, время, когда строятся планы на будущее. Хотелось бы сказать о проблемах, которые нас волнуют.

Более тысячи студентов Иркутского университета ежегодно выезжают в ССО. В основном с четырех факультетов. Часть первокурсников не попадает в отряд по возрасту, из-за академической неуспеваемости. На втором курсе летом — ознакомительная практика. На третьем — практика. Отряд формируется в основном на базе четвертого курса.

Получается, что три года студенты не могут выехать в ССО. Но ведь во многих вузах есть вычислительные центры, СКБ, где студенты могут проходить ознакомительную практику в течение года. Это позволит высвободить время для участия в ССО.

*Вячеслав Усов,
заместитель секретаря
комитета ВЛКСМ ИГУ,
депутат горсовета*

Сколько стоит тройка?

В бригадном подряде в промышленности, на стройке уже давно используется коэффициент трудового участия. А что, если в качестве эксперимента в каком-то вузе ввести студенческий КТУ?.. Успешно сдав сессию, мы «зарабатываем», допустим, 240 рублей (6 месяцев по 40 рублей). Значит, каждый из четырех экзаменов «стоит» 60 рублей. Не сдав один, студент получает уже не 40, а 30 рублей в месяц; не сдав два экзамена — 20 рублей, а не сдав на «хорошо» и «отлично» ни одного экзамена, не получает ничего. То есть я предлагаю избавиться от «уравниловки», дифференцировать оплату студенческого труда.

*Атис Пошейко,
студент Латвийского
университета*

Письмо снято
с контроля

В журнал поступило письмо от студентки Ижевского механического института Светланы Шастинной, в котором она сообщила нам следующее: «После окончания третьего курса в связи с рождением ребенка я ушла в академотпуск. Все экзамены в летнюю сессию сдать не смогла, так как ребенок болел и пришлось долгое время пробыть с ним в больнице. За то, что я ушла в академический отпуск, не сдав все экзамены, меня лишили стипендии». В заключение письма С. Шастинна попросила оказать ей содействие в разрешении этого вопроса.

Редакция журнала обратилась в Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР с просьбой рассмотреть факты, изложенные в письме С. Шастинной и принять необходимые меры. Ответ на редакционный запрос дал заместитель министра высшего и среднего специального образования РСФСР А. Г. Лебедев, где говорится:

«В соответствии с приказом Минвуза СССР от 26.08.81 г. № 860 при наличии оценок не ниже «удовлетворительно» стипендии назначаются всем студентам, имеющим детей.

В связи с этим ректору института дано указание выдать стипендию т. Шастинной С. В. и не допускать подобных нарушений впредь».

Стремление к новому!

На учебе комсомольского актива вузов города Калининна, куда пригласили и представителя журнала (с калининцами у нас установилась хорошая деловая дружба), пошел серьезный разговор об авторитете комсомольского вожака. Я рассказал о том, как наука — социальная психология — всерьез занимается изучением закономерностей формирования и функционирования авторитета различных социальных институтов, в том числе и авторитета личности. Назвал ряд публикаций на эту тему. Ребятам это очень заинтересовало. Работая постоянно с людьми, они понимали, что сегодня уже нельзя работать как вчера, метод проб и ошибок обходится им дорого. Развернулась дискуссия. Поступали и записки. Одну из них не могу не привести: «Если бы я была... (допустим, ректором), то ввела бы в вузе дисциплину — психология человеческих отношений. Чувствую, и не только в себе, большую нехватку именно этих знаний для лучшего руководителя». Подпись: студентка 4-го курса Калининского сельскохозяйственного института Лариса Иванова. Заметим слово «чувствую». Интуиция и опыт комсомольской работы — работы со сверстниками, с людьми, с коллективом — обнаружили вакуум в знаниях «психологии человеческих отношений».

Политбюро ЦК КПСС особо подчеркнуло, что для возрастания роли комсомола требуется дальнейшее организационно-политическое укрепление его рядов, усиление боевитости и самостоятельного характера всех его звеньев. А для этого во главу угла следует поставить качественное улучшение стиля, форм и методов работы, подбора и воспитания комсомольских кадров. «Формы работы не могут быть застывшими, окостеневшими», — отмечал К. У. Черненко. — Они нуждаются в постоянном развитии. Нельзя к тому же не учитывать и присутствующее молодежь стремление к новому». А стремление молодежи к новому требует и от комитетов комсомола работы по-новому. Для этого необходимо, если хотите, новый тип комсомольского работника. Его должна отличать высокая культура: политическая, экономическая, правовая, этическая, нравственная и т. д. И непременно — культура педагогическая, социально-психологическая, или, другими словами, высокая культура работы с людьми. Сегодня требуется интеллигентная мыслительная и практическая работа в комсомоле, деятельность на уровне искусства, а не кустарного ремесла. К сожалению, не редкость, когда комсомольскими работниками игнорируются научные методы работы с молодежью со ссылкой на то, что «пустить теоретизируют ученые, нам же делом надо заниматься...». Как раз у таких-то и проявляется увлечение «яркими» лозунгами, пустыми призывами, надуманными починами, ибо отсутствует умение схватить суть, уловить новую политическую ситуацию.

Жизнь выдвигает необходимость учить комсомольские кадры, актив наряду с другими и наукам «о человековедении», в особенности социальной психологии. Здесь я полностью согласен с Ларисой Ивановой. К сожалению, некоторые даже «маститые» комсомольские работники считают эту науку ненужной, так как большинство выпускников вузов о ней вообще не слышали. О социальной педагогике — то же самое. А ведь именно эти науки дают ключ к «очеловечиванию обстоятельств», к пониманию всей сложности и важности проблемы превращения знаний в убеждения и поступки людей, путей и способов завоевания авторитета среди молодежи, умения формировать здоровый морально-психологический климат в группе, во всей организации, учитывать настроения и потребности комсомольцев в данный момент времени, изучение общественно-политического мнения. Очевидно, пришла пора ввести в вузах, особенно инженерных, хотя бы факультативно, курс по социальной психологии.

Есть две составляющие производительной силы: человек и техника. Техника и технология в вузах серьезно изучаются. А человек и технология человеческих взаимоотношений, проблемы создания в коллективе хорошего настроения, состояния комфорта, удовлетворенности? Разве мы этому меньше должны учиться? Или другой вопрос: как и где учиться будущие руководители, комсомольские работники овладевать хотя бы основами ораторского искусства, умением словом увлечь, зажечь, а не усыплять людей монотонным чтением (пусть даже самых грамотных) речей по бумажке? И здесь требуется определенная подготовка, умение владеть аудиторией, схватывать реакцию, быстро анализировать ситуацию и вносить коррективы в свое выступление. И этой «частности» тоже надо учить комсомольский актив. А этика общения, культура взаимоотношений между руководителем и подчиненным в комсомоле? Пока здесь также преобладает метод проб и ошибок. Отсюда, видимо, кажутся «естественными» и такие формы наших взаимоотношений: зашли мы в один комитет комсомола в городе Донецке, так секретарь даже со стула не удосужился подняться, продолжая что-то писать, только жестом препроводил нас, очевидно, к «ответственному» за приемы иногородних. Посещая один московский вуз, решил в обычном порядке (маленький эксперимент) встретиться с секретарем (а точнее, с «первым» секретарем, как мне было подчеркнуто). Долго сидел с представителями низовых организаций в очереди на прием к «первому». Вдруг открылась заветная дверь, и с видом важного доцента вышел из кабинета секретарь, хлопнул дверью и со словами «Лена, я в райком», не обратив на нас внимания, быстро удалился.

Говорили мне потом его коллеги, что он очень деловой, партийный человек. А для меня и пришедших на прием эта деловитость представилась не более как барским гонором вперемежку с делячеством, ибо в этом «деловом» человеке не было главного — человечности. Ведь партийность сродни человечности.

Владимир Попов

Конкурс «Слово об учителе»

Память обязывает

Год назад переступили мы порог Омского государственного университета, самого лучшего, самого желанного — филологического — факультета. Неожиданно, приятно и загадочно было на душе у каждого и страшно одновременно: смогу ли, сумею ли доказать свое право на учебу в университете. Наши судьбы сложились удачливо, потому что мы встретили Александра Борисовича Мордвинова. Любимый учитель — студенчество так просто не присваивает это высокое звание своим преподавателям.

Он не убелен сединами, он молод, красив и умен, умеет говорить, а еще лучше слушать. Если тихонько заглянуть на его лекцию, даже постороннему человеку уже невозможно уйти. Он в совершенстве владеет самой большой аудиторией. Музыка и математика, литература и искусство, медицина и биология, кино и театр — это далеко не все из того, что знает Александр Борисович. И конечно же, его любимейшее языкознание — с какой нежностью и страстью, любовью говорит о зарождении языка, о языках мира и законах их развития, о проблемах человеческой коммуникации.

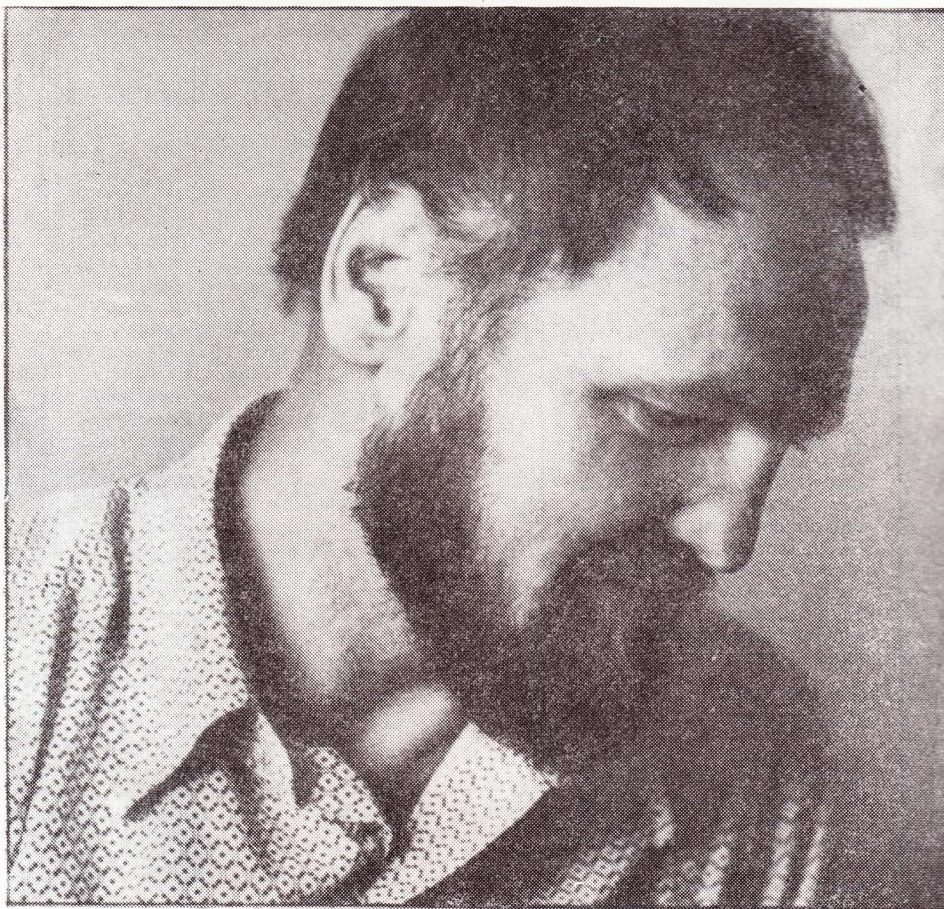
Так уж получилось, что мои первые шаги в университете были очень трудными, и однажды не выдержала, твердо решила уйти и ушла бы. Ушла, если бы не Александр Борисович. Но почему он? Неужели мало ему собственных забот, и учебных и общественных? Их много, слишком много для одного человека, но он справляется. Он не может только одного — оставаться равнодушным, не прийти на помощь.

И вечером, на ДНД, где он командир дружины, не смолкают споры о важнейших проблемах языкознания, литературы, жизни, а еще к выходу готовится факультетская газета — он главный редактор. Каждый четверг, вечером, когда погружаются в темноту наши аудитории, на кафедре горит свет — здесь собираются единомышленники. А как читает Александр Борисович Пушкина и Блока, Тютчева и Цветаеву!

Любимый учитель — это человек, который горит сам и зажигает других, вкладывает в каждого себя. Он непримирим к лени, ханжеству, высокомерию, лжи, подлости, ко всему скверному. Он не читает морали, не ругает и не ворчит, но одного его взгляда достаточно, чтобы понять собственные ошибки и недостатки, чтобы почувствовать, что что-то делаешь не так. И самые строгие наказания ничто по сравнению с этим взглядом.

Он знает все наши слабости и секреты, он знает ту музыку, которую любим мы, и тех писателей и поэтов, которые сегодня наши кумиры. Он горячо спорит и доказывает свою правоту, внимательно вслушивается в наши мнения. Говорят, что незаменимых людей нет, может это и так, наверное, за кафедрой можно заменить и Александра Борисовича, прекрасных специалистов у нас немало. Но кто же заменит человека, которому доверен тот самый «ключ без права передачи», доверяем и знаем, что он в надежных руках?

Любовь Сичко



Ориентир

О книгах и чтении, о читателях и писателях размышляет прозаик и публицист Владимир Кругин.

Волшебная сила

Человека не должно покидать чувство собственного несовершенства. До старости, до седых волос он должен помнить, что успел сделать еще очень мало. Лев Толстой не из кокетства говорил, что перед самой смертью только-только начал понимать, как надо жить и как надо писать. То же самое каждый из нас может сказать о своем чтении. Сколько бы книг мы ни прочитали, это все равно будет ничтожно по сравнению с тем великим, чего мы не прочли или не поняли.

Настоящее чтение — нелегкий труд. Это мучение даже, но мучение через радость. Можно ведь прожить и не читая. И ничего. Жить спокойно и пожимать плечами на какие-то чужие искания. Служить вещам и заставлять вещи служить себе. Жить, не читая, я думаю, проще всего. Вдумайтесь, легче или труднее становится, когда читаешь, например, повести Распутина «Живи и помни» или «Последний срок». Конечно, труднее. Душа наша взывает к состраданию, мы переживаем, мучаемся за судьбы героев. Нам тяжело даются их страдания. Волшебная сила этой прозы та-

кова, что не дает возможности остаться безучастными к происходящему на страницах, слепыми к чужому горю. Всех этих переживаний легко можно избежать, не читая таких книг. Но человек нечитающий проживает одну жизнь — свою, к тому же слишком бедную духовно. А читающий (особенно хорошую литературу) проживает вместе с героями любимых книг несколько жизней. Это и есть, наверное, та самая полная жизнь, о которой мы часто говорим и так мало печемся на деле.

Особенно важны книги в детстве. Детское чтение — это прежде всего разграничение добра и зла. В сказках и мифах всех народов есть символы добра и зла.

С особым теплом вспоминаю я книги своего детства. Не знаю, какой судьбой занесло в наше вятское село первое послевоенное издание сборника «Родные поэты», но книгу эту я зачитал, что называется, до дыр. До сих пор помню, на какой странице и как она была залита чернилами...

Потом мне под руки попала книжка стихов Косты Хетагурова. Глубоко

в душу запали мне его стихи о бедности. Мы тоже жили бедно, ходили в лаптях, бывало, ели лебеду. Особенно меня поразили строки Хетагурова о том, как мать укладывает голых детей спать и говорит: «Спите, спите, я вам сварю похлебку». Дети засыпают успокоенные, а в котелке варились камни. Мне было до слез жалко этих детей. Жалость, сострадание, я думаю, одно из главных качеств славянской, русской души.

Следующее чувство, которое должен понять подросток, научившись различать Добро и Зло, — это чувство Родины Отечества. Только проникаясь любовью к родной земле, природе, людям, он становится человеком.

Для русского человека, читающего Маркеса, Фолкнера, Сервантеса, Акутагаву и восхищающегося ими, думаю, должен все-таки быть ближе Пушкин и Гоголь, Толстой и Достоевский, Шолохов и Леонов, роднее глубина и открытость их души. А прекрасные писатели, которых я перечислил, интересны нам прежде всего тем, что один из них настоящий колумбиец, другой — американец, третий — испанец, четвертый — японец... Они полнее и художественно ярче, чем другие их соотечественники, выражают суть своей родины и своего народа.

В наш век прогресса, когда техника достигла почти безграничной силы, особенно важно, чтобы люди, которые ею управляют, сознавали ответственность перед природой, оставались человечными. Инженер, ломающий голову над тем, как осуществить тот или иной свой проект, всегда должен помнить, как его мысль отзовется в природе. Так и хочется ему сказать: прочти или перечитай повести Распутина, «Царь-рыбу» Астафьева, рассказы Шукшина. Должно, не может не наступить прозрение под действием волшебной силы их прозы. Я считаю, что в технических науках литература, чтение не менее важны, чем математика и физика. Книги должны привить людям с индустриальным мышлением человеколюбие и гуманность, любовь к природе и ее законам.

А чуть раньше, в школьные годы, в пору юности, книги дают постиженные любви, душевного порыва. Вместе с их героями молодые читатели переживают состояние совершения подвига. Я, помню, в этом возрасте очень увлекался Грином, его романтикой. Это сейчас я могу рассуждать о его наивности, об оторванности его героев от реальной жизни. Но все же без них моя юность была бы намного беднее. Мне кажется, всякой девочке нужно мечтать об Алых парусах, а мальчишкам восхищаться благородством гриновских персонажей. Без этого души их будут чуточку черствее и грубее.

Читал я в те годы лихорадочно, за поем. Чаще то, что шло случайным потоком, что попало под руку. В школе книги передавались под партами. Редко, к сожалению, мы читали то, что нам рекомендовалось школьной программой. В основном искали что-нибудь поувлекательнее, поинте-

реснее. Так, из-под парты попала ко мне книга Митчела «Брат мой, враг мой», «Мартин Иден» Джека Лондона — они произвели на меня тогда очень сильное впечатление. Позже я понял, вернее, стал чувствовать их американизм, разобрался в принципиальной разнице между понятиями сильной личности в русской прозе и западной. У Джека Лондона сильная личность живет для себя. В итоге все жизненные искания, вся борьба сводится к одному — золоту Клондайка. А понятие сильной личности в русской литературе гораздо ближе к образу князя Мышкина, чем Рогожина. Это *духовно* сильная личность.

В зрелые годы нужно укрепиться в правильности выбранного пути и уже более тщательно выбирать из моря литературы что-то полезное и стоящее. К этому времени должно выработаться своеобразное чутье. Как у животных, которые знают, какая трава спасет, какая погубит. В литературе тоже есть и спасительное и пагубное.

Я сейчас в основном перечитываю. Уже прочитаны те тысячи, из которых нужно отобрать сотню книг для своей «золотой полки». Перечитывать тоже занятие мучительное, часто приносящее разочарование и горечь. Иногда думаешь: до чего же я был глуп и наивен — мне это нравилось. Но здесь все зависит, конечно, от силы прозы. Настоящая литература никогда не приносит разочарования.

В молодости многие думают: вот выйду на пенсию, будет много свободного времени — тогда и прочитаю. Жалко так думать и так говорить, ведь есть огромная разница в том, когда прочитать ту или иную книгу. Хорошие книги больше нужны организму растущему, душе не до конца сформировавшейся. Конечно, жизнь наша такая суетливая, судорожная, нервная, но нужно все-таки выбирать время для чтения, его ничто не заменит. Ни кино, ни театр, ни тем более телевидение.

Книги, которые удавалось достать, читали всей семьей, вслух. Дети забирались на печку, туда, где теплее. Кто-нибудь начинал читать — остальные слушали. Когда читали родители — стелили на стол чистую скатерть: читать, лежа в постели, было не принято. К сожалению, сейчас потеряна традиция семейного чтения.

Современный человек, глава семьи вечером приходит домой: телевизор, газета, ужин, чай, опять телевизор. Читает он в основном в транспорте, иногда перед сном, принимая текст как снотворное.

Я не понимаю людей, которые оправдывают чтение детективной литературы, Дрюона или Дюма желанием пощекотать нервы, скоротать или, что еще хуже, «убить» время — само сочетание этих слов какое-то страшное, тунеядческое. А чтение только таких книг чаще всего просто признак отсутствия вкуса у читателя, признак дремлющей души.

Не забывайте, как много уже сделано и как много нам еще предстоит сделать. Мы несовершенно и давайте не будем терять золотое время. Лучше прочтем еще одну настоящую книгу.

Анкета

Размышлениями писателя Владимира Крупина мы начинаем новую серию публикаций, в которой победом разговор о книге, чтении, литературе; затронем проблемы домашних и общественных библиотек, выбора круга чтения и многие-многие другие вопросы. Вам предстоит встретиться с известными писателями, литературоведами, критиками, философами, учеными. Чтобы начать разговор, просим ответить на некоторые наши вопросы:

1. Что для Вас чтение (*нужное подчеркнуть*):
 - отдых
 - источник информации
 - возможность задуматься над чем-то
 - затрудняюсь ответить
2. Вы читаете:
 - каждый день
 - в выходные дни
 - редко
3. Что предпочитаете читать?
 - классику
 - современную советскую литературу
 - современную зарубежную литературу
 - фантастику
 - детективно-приключенческую литературу
 - поэзию
4. Ваша любимая книга
Ваш любимый писатель
5. Какие книги, на Ваш взгляд, должен прочесть каждый (*назовите 5—7 книг, которые имели в Вашей жизни особое значение*)?
6. Записаны ли Вы в библиотеку?
 - вузовскую
 - районную
 - городскую
 - какую еще
7. Сколько приблизительно книг в Вашей библиотеке?
8. Как Вы их подбираете?
 - целенаправленно
 - подбор случаен
 - по совету знакомых
9. Что, по-Вашему, может заменить книгу?
 - телевидение
 - театр
 - кино
10. Какую книгу Вы читаете сейчас?
11. Немного о себе:
 - сколько Вам лет?
 - где учитесь, работаете?
12. Если Вам хочется что-то добавить, напишите.



Круглогодичный студенческий отряд: хроника, факты, цифры

В большинстве высших, в каждом третьем среднем специальном учебном заведении сформированы общественные бюро по трудоустройству. Руководителями многих вузов и техникумов изданы приказы о порядке направления на работу студентов и учащихся.

В вузах страны более 800 научно-производственных КСО. Среди них более 350 строительных, около 100 сельскохозяйственных, почти 300 исследовательских общей численностью 19,3 тысячи человек. Лишь за два года эксперимента они выполнили объем работ на сумму 46 миллионов 260 тысяч рублей.

В среднем свыше 24 процентов студентов, временно совмещающих учебу с общественно полезным трудом, работали в составе 270 студенческих производственных отрядов. С учетом пожеланий студентов утверждается скользящий график их выхода на работу. Трудятся два-три дня в неделю, как правило, по 4 часа.

Больше юношей и девушек стало работать в сфере материального производства. Так, если в 1981/82 учебном году здесь было занято около 24 процентов студентов и учащихся от общего числа трудоустроенных, то в 1982/83-м — 56 процентов. Итоги нынешнего года пока не подведены, но, судя по всему, отрядов, работающих в сфере материального производства, стало еще больше.

Бойцы КСО предпочитают, как правило, работать на предприятиях и в организациях, схожих по профилю с получаемой специальностью. Так, за последние два года число специализированных коллективов возросло с 75 до 143. Этот рост особенно заметен в политехнических, строительных и медицинских институтах. Наиболее распространенные профессии — станочника, штамповщика, отделочника, плотника, мотальщика, упаковщика готовой продукции. До двух-трех дней сократилось время поиска подходящей работы. Прежде на это уходило в среднем до двадцати дней.



Фотоконкурс-84

Фото С. Панина

«Как и где устроиться на работу студенту? В отделе кадров предприятий обычно отвечают: да, люди нужны, пусть даже временные, но на полный рабочий день, а со студентами одна морока. Я здоров и силен, чувствую, что могу в свободные от занятий дни или по вечерам трудиться 3—4 часа. А в государственном масштабе от таких, как я, может быть немалая помощь народному хозяйству, верно?»

Хорошо бы задуматься над этим. С уважением — А. Гурский, студент КПИ».

Надо сказать, об этом уже думают — в Ленинграде, Воронеже, Одессе, Челябинске, Иваново. Здесь проводился эксперимент по трудоустройству студентов, желающих работать в свободное от учебы время.

Наш корреспондент побывал в Ленинграде.

ЗАЧЕМ СТУДЕНТУ ТРУДОВАЯ КНИЖКА?

Около пяти лет назад в комитетах комсомола ленинградских вузов появились люди, которые прекрасно разбирались в вопросах, как правило, от обычного студента весьма далеких: лимиты численности работников заводов и фабрик, фонды заработной платы, тарифы, расценки и так далее. В отделах кадров предприятий и учреждений они представлялись начальниками общественного бюро по трудоустройству студентов.

Зарождалось важное дело. Вскоре в заводские и фабричные цехи, на стройки, в магазины и больницы стали приходить на работу тысячи студентов.

Что же показал опыт этих лет?

Юрий Федотов — руководитель группы по проведению эксперимента при Ленинградском областном штабе студенческих отрядов: «Статистика такова. В 1979/80 учебном году на стройках, в составе медицинских отрядов, в торговых предприятиях, трудилось 3 тысячи студентов. Это было начало. Спустя год число работающих студентов увеличилось вдвое, а сейчас в круглогодичном отряде — более 23 тысяч человек. В 34 институтах города созданы общественные бюро кадров. Размах? Но проблем много. Ведь нужно каждого студента устроить трудиться по удобному для него графику. Во-вторых, добиться, чтобы участие в круглогодичном отряде помогало формированию профессиональных навыков. Всех желающих трудно устроить по профилю. Но стремиться к этому необходимо. Кроме того, нужно так организовать работу студентов, чтобы не отнимать времени от учебы. И отрегулировать вопросы заработной платы...»

...Комитет комсомола ЛИАПа. Три дня в неделю здесь дежурит начальник общественного бюро по трудоустройству, студент выпускного курса Александр Боткин. Людей приходит достаточно — в основном со второго по четвертый курс. Боткин едва успевает отвечать на вопросы и просьбы.

— Сань, звони на хладокомбинат — нас там встретили, мягко говоря, без энтузиазма. Поручили в основном погрузочно-разгрузочные работы, некоторых поставили на конвейер...



— Начальник, нашей бригаде с забработком намудрили. Разберись.

— Ребята, надо бы позвонить на «Ксминтерн» и поблагодарить от имени комитета. Они там постарались, для полного счастья только оркестра не хватало... Одновременно происходит перепалка с итерпеливыми новичками: «Вот вам бланк, заполняйте. Здесь должен расписаться декан факультета и наш кадровик». — «Ну и бюрократию вы тут развели!» — «Пойми ты, направление — это документ, по нему тебе выдают трудовую книжку». — «Ты нам лучше скажи, где можно прилично заработать? Детей не на что содержать...» — «Ну раз дети, тогда посоветую высокооплачиваемое место грузчика на хлебокомбинате. Согласны?» — «Идет!»

К пяти часам поток посетителей прекращается, и можно поговорить спокойно.

— Как видите, в основном мы занимаемся индивидуальным трудоустройством, но есть у нас и отряды и бригады, которые работают на самых различных предприятиях, — объясняет начальник бюро. — Здесь такая трудность. Заводу или фабрике не всегда выгодно, чтобы студенты работали вместе, в одном цехе. Чаще всего нас ставят на пустующие по тем или иным причинам места.

— Иначе говоря, «затыкают дыры»?

— Бывает и так. Но стараемся, чтобы наши люди были поближе друг к другу или трудились бы в одном коллективе. Конечно, при поточном производстве, на конвейере это организовать легче. Несколько таких небольших отрядов у нас работают на гормолокозаводе, в домостроительном комбинате. Работа посменная и через день. Ребятам это удобно, предприятию тоже. Именно в отряде можно внедрить столь необходимую нам взаимозаменяемость. Самый лучший вариант — это работа бригадным методом по скользящему графику. Командир и комиссар обычно поддерживают тесный контакт с комитетом ВЛКСМ предприятия, контролируют работу своих подчиненных и, конечно же, защищают их интересы.

— А есть необходимость защищать?

— Случается...

В этом я мог убедиться, когда бывал на одном из предприятий. Несколько ребят с четвертого курса политехнического перекуривали у раздевалки. В руках у них были метелки.

— Как работаем? — усмехнулся старший группы Олег Чуприн. — Не перегруждаемся. Разве незаметно?

Для будущих механиков не нашлось дела посOLIDнее, нежели метение полов?

— Станки свободные есть. Но не подпускают. Мы невыгодны. Заводу надо, чтобы мы по восемь часов работали, а у нас такой возможности нет.

В отделе кадров подтвердили:

— Да, нам нет никакого резона давать студентам станки... Допустим, они имеют навыки, ну и что с того? Во-первых, не исключено, что они поломают технику или получают травму... А кто будет отвечать? И вторые. Заводу не нужны так называемые

почасовики — лучше возьмем временных рабочих, но на полный день. Потому и направляем студентов на подсобные работы.

Ситуация нередкая. С холодком встретили студентов на Ленинградском хладокомбинате, в объединении имени Козицкого. Но дело не только в производственных. Недорабатывают и вузовские комитеты комсомола. Просто «сосватать» студентов на завод — этого мало, необходимо наладить прочные контакты с комитетами ВЛКСМ, профкома и администрацией предприятий, суметь за-

интересовать людей, настроить на долгосрочное содружество. Такого взаимопонимания удалось добиться со многими предприятиями.

Начальник отдела кадров химико-фармацевтического производственного объединения «Октябрь» Л. И. Ганибал: «У нас трудятся свыше 200 студентов из 1-го медицинского, санитарно-гигиенического, химико-фармацевтического и других вузов. Ребята работают фасовщиками, отборщиками проб в лабораториях, укладчиками, упаковщиками и транспортными рабочими. Они заняты по



Бойцы круглогодичного ССО 1-го Ленинградского мединститута на работе в Петропавловской крепости.

4—5 часов в день, причем режим труда очень гибкий. Смог студент приступить к делу в 16.00 — хорошо, смог часом позже — мы тоже не в претензии».

Заместитель директора швейного объединения имени Володарского П. П. Ветрова: «С приходом на предприятие студентов мы перестали испытывать острую потребность в кадрах. И очень ценно, что у нас работают будущие инженеры и технологи швейного производства из института текстильной и легкой промышленности. Для обучения новичков мы выделяем специальных инструкторов. Да, студенческий труд приносит ощутимую выгоду предприятию. С другой стороны — будущие специалисты на производстве учатся работать в коллективе, общаться с людьми. Сегодня к нам приходят выпускники ЛИТЛПА, обладающие основательной практической подготовкой, которую они получили в круглогодичном отряде».

А вот мнение преподавателей:

«Полагаю, что к организации студенческого труда нужно относиться с некоторой осторожностью, — считает заведующий кафедрой ЛИТЛПА В. Е. Романов. — Давать направление на работу в основном студентам старших курсов. Надо так спланировать их работу на предприятии и прохождение производственной практики, чтобы эти процессы дополняли друг друга».

Проректор ЛКИ В. А. Чистяков: «Нас волнует, что подчас круглогодичные отряды заключают договора с предприятиями, которые не могут дать студентам сколько-нибудь полезной профессиональной подготовки. Конечно, это неплохо, что студенты приобщаются к общественно полезному труду — развозят хлеб по магазинам, разгружают овощи или убирают мусор со стройплощадок... Но отдача от студентов, особенно стар-

ших курсов, может быть несравнимо большей, если они будут работать непосредственно по своему профилю».

И ответы на эти вопросы уже имеются в институте авиационного приборостроения. Здесь действует круглогодичный научно-исследовательский отряд «Мысль», созданный из числа наиболее способных студентов. На его творческом счету более 40 разработок различных приборов, в том числе и для Всесоюзного кардиологического центра.

Силами отряда «Монитор» из института инженеров железнодорожного транспорта были разработаны и внедрены телеустановки на Октябрьской железной дороге.

✓ Большую пользу производству дало внедрение автоматических линий, использование роботехники, разработанной конструкторским бюро КСО «Механик» из ЛМИ. ✓

В вузах города на сегодняшний день действуют 33 отряда внедрения. Конечно, для Ленинграда с его многочисленной студенческой армией это «капля в море». Впрочем, эксперимент еще только набирает силу, нарабатывает опыт... Неформально подошли к делу в медицинском педиатрическом институте.

— Круглогодичный отряд у нас действует четвертый год, — рассказывает заместитель секретаря комитета комсомола Андрей Савин. — В основном ребята выполняют работу младшего персонала в медицинских учреждениях. Разумеется, это очень нужное дело, но оно по силам даже первокурсникам. А как быть с теми, кто занимается на пятом-шестом курсах, кто уже считается «без пяти минут» врачом? У них уже есть хорошая теоретическая подготовка и кое-какой практический опыт. И тут в комитете комсомола подумали: а что, если организовать студенческую поликлинику на «колесах» и выезжать для оказания медицинской помощи в

сельские районы? Ребята восприняли идею на «ура». Поддержали ее и в ректорате, и в облздраводеле. И вот, снаряженная необходимым оборудованием, наша поликлиника отправилась в северные районы Вологодской области.

Больше двух месяцев колесили по проселкам завтрашние доктора, проводили осмотр детшек в школах и яслях-садах, оказывали необходимую помощь. Многие сотрудники поликлиники на колесах после института решили непременно работать на селе...

В комитете комсомола ЛМШИ основательно взялись за разработку программы круглогодичной поликлиники на «колесах». Это бюджет своего рода КСО. О результатах пока говорить преждевременно. Осуществление замысла связано со многими проблемами — сменность работы, транспорт, средства...

Итак, подытожим. Эксперимент показал, что создание круглогодичных студенческих отрядов — дело нужное, своевременное и перспективное. Тем важнее урегулировать ряд проблем. Приближение характера работы к профилю будущей профессии. Для студентов технических, естественных вузов она в принципе разрешима. Не сразу, конечно, не вдруг, но разрешима. А как быть с гуманитарными?

Велись споры: нужен ли КСО командир? Теперь уже все пришли к единому мнению: нужен. Но как оплачивать его труд? Может быть, стоит обратиться к опыту Ленинградского молокозавода, где руководителю КСО выделили ставку работника среднетехнического персонала?

— Еще одна любопытная проблема — трудовая книжка студента, — рассказывает Юрий Федотов. — Человек, отработавший не менее пяти дней на предприятии, может получить трудовую книжку. Но в таком случае их можно накопить за годы учебы до десятка. Это вносит неразбериху в учет трудовых ресурсов. Появляются лазейки для ловачей: возможность устроиться на работу в двух-трех местах одновременно.

У нас есть предложение: ввести для студента единую трудовую книжку, которая бы заводилась при поступлении в институт и которой студент мог бы пользоваться в течение всех лет учебы. А по окончании института записи из студенческой книжки можно было бы перенести в обычную. И вообще пришла пора выработать устав КСО.

Да, начатый эксперимент поставил немало вопросов и проблем. Много, конечно, зависит от их своевременного решения. Но уже сейчас ясно, что опыт ленинградского студенчества нужно перенимать.

На активное улучшение работы студенческих отрядов нацеливает постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи».

Александр Иванов

Фото В. Ивлевой



Талья Кириченко, студентка 1-го Ленинградского мединститута, медсестра на кафедре факультета хирургии.

Мы продолжаем разговор, начатый в № 9 материалом «Лишние деньги». Судя по письмам, затеянная нами «тяжба» задела за живое многих читателей журнала. Находятся сторонники разное точек зрения. В одном из писем какая-то сардобольная бабушка предлагает вообще отменить стипендию, потому как студенты ее все равно не на то, что нужно, тратят. Подрывают свое здоровье и тягу к знаниям. Другие читатели думают совсем наоборот.

Тяжба

Иск третий. Равенство или уравниловка?

Институтскую дверь толкает сытый, по-пижонски одетый тип. По лицу его, по походке, по манере говорить видно, как он хорошо живет, как мало у него житейских, обыденных проблем. Даже кажется, что в его беззаботных, бездумных глазах застыл коллективный портрет его семьи — мамы, папы, а если взглядеться — еще и бабушки и дедушки. И у всех главная забота — накормить, одеть, ублажить сыночка любыми способами...

Этот тип открывает институтскую дверь и оказывается в стенах Alma mater. Он пришел сюда учиться. Он — студент, а потому обязан посещать лекции, семинары, обязан два раза в год сдавать экзамены. За нарушение этих обязанностей администрация вуза обязательно накажет его. Как? Наверное, снимет со стипендии, в последнее время эта форма наказания стала популярной.

Допустим, он (студент) пропустил пару дней: конечно, променял учебу, получение знаний на праздные развлечения. Потом заснул на лекции декана, потом пять раз чихнул во время курсового собрания, потом... Впрочем, поводов достаточно. Стипендия теперь ему не грозит по крайней мере в течение месяца.

Заглянем в эти сытые глаза. Что там изменилось в отсутствие стипендии? Ничего. Там мама, папа, бабушка и дедушка — все с подношениями, с утешениями. Сытость этих глаз настолько сильна, что у нас даже мысли не возникло: с какой это стати администрация прибегает к подобным наказаниям? Вероятно, облик этого студента потряс не только нас. Вероятно, он заслонил собой всех других, и теперь при слове «студент» администрация и не мыслит себе никого другого — именно эти джинсы, эта дубленка, эти глаза с портретом семьи. Собирательный образ всего студенчества. И, лишая некоторого абстрактного студента стипендии, администрация рассуждает, наверное, примерно так:

— Что она ему? Лишние карманные деньги. Так вот — обойдется, раз он такой недисциплинированный!

Не все в подобных рассуждениях так гладко и логично, как кажется с первого взгляда. Во-первых, если для подобного студента лишение стипендии то же самое, что потеря двадцати копеек в автобусе, почему адми-

нистрация полагает, что эта «воспитательная» мера чему-нибудь его научит? Или администрация так наивна? Или настолько ей неприятен этот обеспеченный студент, что она хоть чем-нибудь насолить ему хочет, хоть ерундой какой типа снятия со стипендии.

А во-вторых, студент студенту — разнь...

Стипендия голосованием Лауреат Ленинской премии, академик Н. П. Дубинин

В 1923—1928 годах я учился в Московском университете. Вспоминаются общие комсомольские собрания, посвященные предоставлению стипендий. Их получали те студенты, которых поддерживали эти собрания. Помню огромную аудиторию, шумливую, веселую толпу, которая заполнила ее целиком, трибуну, куда вызывались по очереди студенты, претендующие на стипендию. Каждый должен был рассказать, кто он, как попал в университет, почему ему нужна стипендия, каковы его общественные дела и успехи в учебе.

Взволнованный, однажды взшел и я на эту трибуну. Стоял, пронзенный сотнями глаз. Рассказ мой был встречен шумным согласием, и я стал получать стипендию, сначала 7 рублей в месяц, затем 15 — до окончания университета... Шумно и весело проходили комсомольские собрания факультета. Обсуждение вопросов университетской жизни сопровождалось пением любимых песен: «Мы — кузнецы», «Варшавянка» и других чудесных песен молодежи тех лет. Комсомол был душой всего университета.

Вот дверь открывается опять и впускает в институт другого студента. Другого во всех отношениях. У него, представьте, нет всего того, что есть у первого. Нет даже мамы и папы. Нет сытости и беззаботности в глазах. И нет стипендии. Он тоже два дня пропустил, заснул, чихнул. Он тоже студент и страдает за это наравне со всеми студентами. То есть страдает-то он больше, так как ему в буквальном смысле бывает нечего есть. Так как он, вместо того чтобы учиться, судорожно подыскивает себе работу, а тем самым сознательно идет на новые пропуски занятий, на бессонные ночи и, следовательно, сон во время лекций. На то, что его снова лишат стипендии...

Двенадцать лет назад студенты принесли в деканат справки о материальном положении семьи. Эти справки обязательно учитывали при распределении стипендии. В 1972 году, когда вступила в действие новая Инструкция, пункт, предусматривающий учет материального положения, был исключен.

Но сейчас, перебирая студенческие письма, все чаще задумываешься: а не был ли этот шаг немного преждевременным. Посудите сами:

«Я студент 3-го курса УПИ. По тя-

желым семейным обстоятельствам был вынужден отсутствовать на месячных сельхозработах. За это я был лишен стипендии на весь семимесячный семестр.

У меня умер отец, и я обеспечиваю материально семью. В настоящее время на моем иждивении находится больная мать и сестра-школьница.

Ходатайство группы, куратора перед деканатом, ректором положительного решения не имело.

Прошу вас помочь мне преодолеть эту стену бездушия.

А. Кулемин».

Добавим, что автор письма — отличник, хороший общественник: член студенческого театра, педагогического отряда, научного общества при кафедре общественных наук. Одним словом, студент по всем показателям благополучный. И стипендию был лишен несправедливо. Доказав это, он все же получил часть причитающихся ему денег.

А вот случай более сложный. И студентка далеко не такая благополучная. Но, по крайней мере, в желании учиться ей не откажешь. Неужели не заслуживает она этим хоть маломальской поддержки.

«В мае 1982 года я попала в больницу, где пролежала три с половиной месяца. Сессия прошла без моего участия. Обратилась в деканат с просьбой продлить мне сессию в июле. Мне было отказано. В сентябре декан дал десять дней на сдачу восьми зачетов и трех экзаменов, но после сдачи первого экзамена отказался дать направления на остальные, мотивируя тем, что мои больничные справки недействительны. На мою просьбу проверить я получила отказ в грубой форме. В тот же день опять попала в больницу (я была в положении). Меня хотели оставить на повторный год, но в конце концов восстановили и продлили сессию, чтобы я смогла сдать оставшиеся экзамены. Но вся эта история не прошла даром. Я родила недоношенного ребенка. Когда я вышла из роддома, шла зачетная неделя зимней сессии. Все, кроме одного зачета, я успела сдать вовремя. У меня грудной ребенок, живу я в частной квартире. Муж скрывается от алиментов.

Мои заявления об оказании помощи в ректорат и профком так и лежат там бесполезными бумажками. Я прошу вас помочь мне разобраться в этом вопросе, так как с такими препятствиями я могу никогда не закончить свою учебу.

С уважением, Кафтарова А. Б., студентка ДГПИ».

Согласитесь, находясь в таком положении, действительно сложно хорошо учиться. И самое главное — из него очень трудно выйти самостоятельно. Без помощи комсомола, деканата, профкома. Нуждающийся студент обрекает себя на поиски дополнительных средств существования, а значит — на пропуски занятий и т. д. Получается замкнутый круг. И здесь опять-таки решающим фактором может оказаться позиция группы. В ее силах, если она считает необходимым поддержать такого студента, добиться справедливого решения, ходатайствовать за него перед стипендиальной комиссией и деканатом.



Часто в эти пресловутые сорок рублей упирается вопрос: продолжать обучение на дневном отделении, переводиться на вечернее или вообще бросать учебу. Тут есть о чем подумать руководящим работникам. Страдает не только сам студент, но и столь необходимый государству уровень его профессиональной подготовки, его знаний.

Мы попросили старшего экономиста отдела финансирования, труда и заработной платы Минвуза СССР Людмилу Ивановну Соловьеву высказать свое мнение по поводу начисления стипендии студентам, находящимся в затруднительном материальном положении. Вот что она нам сказала: «Администрация вузов вправе решать этот вопрос положительно в каждом конкретном случае. Здесь руководителям вузов необходимо брать на себя некоторую ответственность — никто их за это не накажет и тем более не осудит. Такое право им предоставлено.

Может быть, выходом в данной ситуации стало бы создание дифференцированной системы назначения на стипендию. Пусть троечник получает, к примеру, 15—20 рублей, хорошо успевающий — 25—40, отличник, как и сейчас, — 40—50. При тех же материальных затратах больший процент учащихся был бы обеспечен государственной помощью».

А вы как думаете? Предлагаем всем принять участие в заочном читательском собрании по злободневному вопросу: «Как распределять стипендию в вузах?»

Иск четвертый. Стипендия и демография

В студенческой семье родился ребенок. Расходы возросли вдвое. А доходы? Еще четыре года назад студенты-родители не имели никаких гарантий на получение стипендии и при назначении рассматривались стипендиальной комиссией наравне со всеми. В августе 1981 года их исключительное право на получение стипендии (при условии удовлетворительной успеваемости) было документально закреплено в Дополнении к Инструкции. Но, видимо, Дополнение это дошло не до всех руководителей вузов. И не до всех студентов. До сих пор к нам приходят письма с жалобами на то, что маме-студентке или папе-студенту не назначили стипендию. Заметим, что ее должны давать обоим родителям, независимо от того, где

они учатся — в одном институте, в одной группе или в разных.

Полнейшая неразбериха творится при переводах студенток из одного вуза в другой в связи с изменившимся семейным положением. Деньги им отказывается платить и институт, в котором они учились до замужества, и новый.

«Невестка, Хакимова Зульфира Сабировна, все экзамены за четвертый курс сдала на «отлично». Но Уфимский медицинский институт ей не дал стипендию за летние месяцы. Стипендии она лишена по непонятным причинам.

Не зачислена она в список стипендиатов и в Горьком, куда она перевелась по месту службы мужа. Хотя опять же по оценкам зачетов и экзаменов имеет все права на получение стипендии. К тому же скоро она станет матерью.

Дорогая редакция! Помогите молодым».

Это письмо мы направили в Горьковский областной комитет ВЛКСМ с просьбой разобраться и принять меры. Через месяц редакция получила ответ секретаря Горьковского ОК ВЛКСМ О. Куликовой:



«Факты частично подтвердились. В начале января 1984 года у Хакимовых родился ребенок. Его жена находится под наблюдением врача, но прописки до настоящего времени не имеет.

Вопрос с пропиской и выплатой стипендии по-прежнему не решен. По слухам официальные письма в Горьковский и Уфимский медицинские институты с просьбой объяснить факты неназначения на стипендию «хо-

рошо» и «отлично» успевающей студентке с ребенком».

Выходит, не частично, а полностью подтвердились факты. Надеемся, что принятые меры помогут молодой семье Хакимовых восстановить справедливость. Им, может быть, даже вернут невыплаченные деньги. Но будет ли это достаточной ценой за те ненормальные условия жизни и ту нервотрепку, которую пережили Зульфира и ее муж?

Предлагаем на ваш суд еще одно письмо, автор которого Павел Горюцкий из Старополя, к сожалению, не указал свой вуз: «В нашем институте провели месячник по борьбе за дисциплину. Ежедневно проводились проверки посещаемости и опозданий. Результаты этих проверок учитывались при назначении на стипендию. Я понимаю, что наравне со всеми заслужил наказание, но у меня двое детей, и 40 рублей стипендии играли не последнюю роль в бюджете нашей семьи. Я подрабатываю грузчиком, по ночам разгружаю вагоны. Но денег все равно не хватает».

За что же лишили стипендии отца двух детей? Да, за пропуск трех дней занятий и тройку в сессии. В один из этих дней Павел сидел дома с младшенькой, потому что жена ходила со старшим сыном в поликлинику. В другой раз он отводил сына в садик. В третий... Да что там говорить. Как будто работники деканата не знают, сколько забот у молодых родителей! А может быть, они уже забыли об этом? В таком случае пусть хотя бы вспомнят, что в инструкции есть специальный пункт, согласно которому Павел обязан получать стипендию, несмотря на тройку и злополучные три дня пропусков.

Писем таких приходит в редакцию очень много. Большинство с Украины и из республик Средней Азии. Поток жалоб и в Минвуз СССР. Начальник отдела финансирования, труда и заработной платы Анна Семеновна Вахрушева просила нас особенно выделить в публикации именно это новое Положение инструкции: «О нем должны знать все студенты, имеющие детей, чтобы благополучие их семейной жизни не зависело от лишней тройки или выговора за дисциплинарный проступок».

Иван Богачев,
Владимир Толстой

В следующих номерах мы продолжим разговор по проблемам, связанным с назначением стипендий в вузах и средних специальных учебных заведениях. Просим вас принять участие в этом разговоре. Ждем ваших писем.

Необходимо было работать...

Известный организатор промышленности, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент АН СССР В. С. Емельянов в 1923—1928 годах был студентом Московской горной академии. Он вспоминает:

— Посещать все лекции оказалось практически невозможно: стипендия мала, на продовольственный паек не прокормиться, и необ-

ходимо было работать. Те, кто устраивался на такое место, которое позволяло учиться даже в дни работы, считались счастливыми. Как-то мне с восхищением говорил один из студентов, Колесниченко:

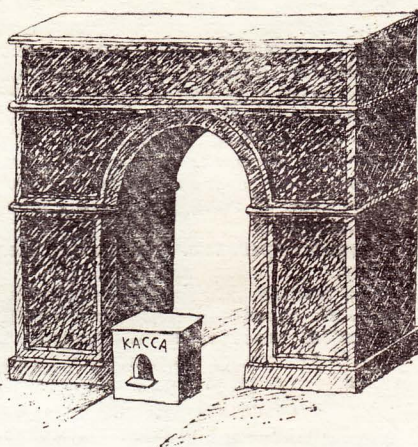
— Устроился ночным сторожем в магазине. Когда продавцы уходят, я запираю все двери и сажусь за книги. Тихо, тепло, никто

не мешает, и за ночь можно часа два-три даже поспать. Самая подходящая для студента работа...

Вследствие того, что студенты не имели возможности регулярно посещать лекции, а знать читаемый курс было нужно, существовало неписаное правило: на лекции ходить в порядке очередности, и тот, кто пришел, подробно записывает ее содержание.

В ПОГОНЕ ЗА БАЛЛАМИ

На втором курсе по факультету поползли упорные слухи: в деканате собираются вводить новое положение об аттестации по общественно-политической практике с начислением баллов за конкретную работу. Скажем, чтобы аттестоваться на «отлично», надо набрать 80 баллов, на «хорошо» — 60, а чтобы за-



работать «удовлетворительно», достаточно и 40 или 30.

Пройдет немного времени, и новую систему утвердят. Казалось бы, возрастет активность студентов. Больше станет пропагандистов, агитаторов, политинформаторов, ФОП переполнится слушателями. Но вдруг у системы нашлись противники.

Трудно сказать, что повлияло на общий настрой группы. Кто-то считает, что сплотила их первая студенческая картошка. Как-то в дождливый, скучный вечер решили устроить силами группы концерт.

Маленький сельский клуб не смог вместить всех желающих. Старики потом шутили: «И в город незачем ездить. У нас теперь своя студенческая филармония».

За что бы группа ни бралась, какую бы работу ни выполняла, все делалось от души. Организовали сектор внимания. Делать каждому ко дню рождения подарки, устраивали чаепитие в кафе или у кого-нибудь дома...

Так продолжалось до середины второго курса, до тех пор, пока не ввели систему с начислением баллов за общественную работу.

Что ж, любая инициатива приветствуется. Но комсору Тане Меркушевой тогда показалось, что пользы от этой системы будет мало.

Предчувствие ее не обмануло. После первой же аттестации ребята перессорились.

Возмутился Андрей Павлов: «Что же это получается? Оформляя групповую стенгазету — мизер начислили, а девчонкам за заметку в факультетскую «Эру» вон сколько отвалили».

Отнесла на университетскую выставку прикладного искусства связанную затейливым узором салфетку Ира Кудряшова, получила за это два десятка баллов. Даже на «отлично» потом аттестовали. Но вот охота работать в культмассовом секторе у нее напрочь пропала.

Обстановка в группе осложнилась.

Меркушева предприняла попытку увлечь группу. Вспомнила просьбу секретаря факультетского комитета комсомола Лены Юкальчук: «Тань, испеки пироги ко Дню студента?..»

Ох, и намучилась же она с этими пирогами! Зато они получились румяные, душистые.

Но подошло время майской аттестации. Ее, как комсорга, поблагодарили за неформальную работу, начислили баллы... за пироги. Аттестовали на «четыре».

Доводы были, прямо скажем, неубедительными. «Что вы выпустили к Восьмому марта? Плакат какой-то.

Поздравления, вырезки, рисунки... А надо было стенгазету: цифры какие-нибудь привести, факты из студенческой жизни...» «Не участвовали в весеннем кроссе...»

Таня не оправдывалась. Собственно, оправдываться было не в чем. Ведь мартовская газета должна быть живой: веселой и праздничной. Не выступили в кроссе? Но по расписанию в тот день группа занималась до шести часов. А старт был назначен в три.

И вот это письмо:

«Дорогая редакция!

На нашем экономическом факультете Горьковского университета введена странная система оценки общественно-политической практики. За каждое выполненное поручение начисляется определенное количество баллов (от 5 до 25). По сумме выставляется оценка. Скажем, для отличной надо набрать 80 баллов, чтобы получить четверку — 60 и т. д. Неудивительно, что на факультете сложилась нездоровая обстановка погоня за баллами. Студенты стараются выполнить те поручения, которые оцениваются большим количеством баллов. Вместо живой, интересной работы...»

Но часто 80 баллов не дают гарантии отличной отметки по ОПП. Дело в том, что после предварительной аттестации (в группе) проводится окончательная, на которой присутствуют комсорг, секретарь бюро ВЛКСМ курса, председатель факультетской комиссии... В итоге оценка может быть занижена, и реже — завышена. Из-за чего часто возникают ссоры, конфликты. Кроме того, оценка входит в общеуниверситетский курс и идет в зачетку, а следовательно, влияет на стипендию. Учитываются и знания общественных дисциплин.

Не хотим, чтобы у вас сложилось впечатление, будто мы вообще против оценки по ОПП. Но то, что наша общественная работа, политическая сознательность оценивается определенным количеством баллов, — просто недопустимо...»

Письмо подписали студентки-четверокурсницы 745-й и 746-й групп. Всего 20 подписей.

— Все правильно ребята написали, — сказала мне студентка 746-й группы, заместитель секретаря факультетского комитета ВЛКСМ Н. Исполинова. — Встретьтесь, конечно, с ними. Поговорите. Кстати, — добавила Наташа, — факультет в университетском соревновании по воспитательной работе вышел... на первое место.

В просторной 502-й аудитории, той самой, где обычно проходит аттестация, доверительного разговора у нас с ребятами не получилось. Маринэ Лебедевой устроит позже, как она скажет, «промывание мозгов» за мысли, высказанные вслух, критику балльной системы ОПП.

Однако на мой вопрос: «Кто же конкретно из студентов гоняется за баллами?» — Света Алямова тихо ответит: «Все».

И хотя члены факультетского комсомольского актива: ответственная за ОПП Наташа Корнилова, секретарь комитета комсомола Лена Юкальчук, отдельные комсомолы пытались поначалу отстаивать «жизненность» системы, затем все же вынуждены были признать ее несовершенство.

— Не нравится — предлагайте что-то свое, — раздраженно бросила Н. Корнилова.

Пройдет несколько дней, и ребята выскажут свое предложение.

Я же предложил студентам встретиться еще раз. Пришли лишь ребята 745-й. Из 20 человек, подписавших письмо в редакцию, 17 учатся именно в этой группе.

— Групповая комиссия аттестовала меня на «четыре», — рассказывает Андрей Павлов. — И вот окончательная аттестация. Последней мне задавала вопросы бывший заместитель декана по воспитательной работе Людмила Федоровна Суходоева — решающее слово было за ней (прямо скажу, мнение группы, секретаря комсомольского бюро курса ее мало интересовало). «Какую общественную работу выполняли?» — «Оформлял стенгазету». — «Маловато. А еще что делали?» — «Участвовал в областных соревнованиях за университет. Я первокурсник по штанге. Ездил в Москву на республиканский турнир». — «Слабовато, Павлов. На троечку работали». — «Как же так, Людмила Федоровна, ведь я...» — «А еще в каких-нибудь соревнованиях участвовали?» — «В университетской спартакиаде выступал за факультет». — «В университетской, за факультет?» — «Точно. И показал неплохой результат». — «Ну что же вы сразу об этом не сказали. Павлов! Считаю, что на «четыре» вас вполне можно аттестовать».

— В аттестационных протоколах персональных поручений можно прочитать и такое: «составил список дежурства в ДНД», «составил список идущих на субботник...» — рассказывает Гая Пухарова. — За это тоже начисляются баллы.

Обо всем этом факультетский комсомольский актив прекрасно осведомлен.

Е. Юкальчук: «Активному студенту нечего опасаться этой системы. Он эти баллы всегда наберет».

«Наберет», «заработает»... Что-то

Неформальный
подход

мелочное проскальзывает в этих словах. Какая-то нездоровая жажда погони за баллами. Любуй ценой. Слово вещь дефицитная приобретается. Создается лишь видимость активности. Не от сердца студенты стараются, подталкивает их к работе страх: поскорее набрать эти баллы...

Заместители декана экономического факультета Николай Александрович Шерегов (по воспитательной работе) и Юрий Александрович Лебедев (по научной), когда расписывали «благотворное влияние» новинки, говорили примерно одно и то же: «На факультете высокая успеваемость. До 80 процентов отличных оценок. На аттестации раньше ставили почти одни пятерки. Даже тем, кто их не заслужил. Система начисления баллов за выполненную работу дает возможность строго ее контролировать. Студенты раньше были инертными, пассивными. Бывало, в кружки на аркане не затащишь. Сейчас же резко возросло число агитаторов, лекторов». Мои собеседники, однако, признали, что система не без изъянов. Проник в нее, мол, и элемент формализма.

Ю. А. Лебедев: «Пацан у меня в школе учился. Встречаю на улице педагогов: «Юрий Александрович, большое спасибо за лекции по профориентации. Зачастили к нам ваши студенты. Многие школьники загорелись стать экономистами».

— А может, ходят, чтобы баллов больше набрать?

— Может, — соглашается Лебедев. — Раньше-то вовсе не шли...

— Понимаете, группа, написавшая письмо в редакцию, у нас особая, — разводит руками Н. Шерегов. — Все-то их не устраивает. Разозлился на весь свет. А у самих дисциплина хромает. Думаю, эта группа — единственная недовольная балльной системой.

Да. Были у ребят нарушения в колхозе, есть пропуски занятий. Впрочем, при желании недостатки можно найти в любой группе. Идеальных групп, как и людей, не бывает.

Что же касается недовольства системой аттестации, группа эта не единственная.

Разыскал меня Володя Локасов, студент-третьекурсник экономического факультета, секретарь курсового комсомольского бюро, чтобы высказать наиболее интересные мысли об «эксперименте».

— Так дальше не может продолжаться, — сказал он. — Преподаватели, кураторы иной раз пригрозят: «Смотри, если не сделаешь, что тебе говорят, на аттестации припомнится...» Ручаюсь, под этим письмом подписалась бы вся наша группа.

В который раз листаю факультетское «Положение об аттестации...». Каких только мероприятий нет в таблице начисления баллов! Вот лишь некоторые: за участие в ШМЛ (1-й, 2-й курсы) — от 5 (на «удовл.») до 20 баллов; прочитанные лекции — за одну — 5, 10, за две — 10, 15 баллов... Участие в ССО — от 5 до 20. Участие в ССХО — то же самое. Шефская работа — от 5 до 30. И т. д. и т. п. Да, все вроде бы есть. Полный порядок. А копнуть поглубже, разобраться досконально: не более чем пресловутый вал, погоня за показателями любой ценой. В ущерб главному — живой, творческой работе.

Впрочем, формализму в ОПП на экономическом факультете я не удивился. И вот почему. Об интересном,

неформальном опыте работы лучших вузовских комсомольских организаций тут знают понаслышке. Во время нашего разговора комсомольских активистов не заинтересовали ни проблемы студенческого самоуправления, ни тульский эксперимент о путях повышения идейного воздействия преподавания общественных наук, ни опыт работы лучших групп Калининского мединститута, заключивших коллективные договоры с администрацией. Интересный опыт комсомольской работы накоплен в Харьковском и Челябинском политехах. Не заинтересовали по простой причине — здесь привыкли работать «по готовенькому», сложившемуся стереотипу, предложенному деканатом: кто наберет больше баллов. А живая индивидуальная работа предана забвению.

Не хотелось бы сгущать краски. Чисто по-человечески Лебедева и Шерегова понять можно. Идея балльной системы в принципе неплохая — повысить активность студентов. Но вот беда: не было ее детальной, проработанной проработки.

Ввели новую систему, и точка! С согласия, разумеется, университетского руководства. Не посчитавшись и с мнением комитета комсомола ГГУ.

— Да, мы выступили против этой системы на экономфаке, но ее все же ввели. Нисколько не осуждаю студентов, написавших в редакцию, — говорит секретарь комитета ВЛКСМ А. Чиняев, — просто они хотят работать. И не формально. Но все же в этой системе есть и плюсы: заставляет работать пассивных. Минусов, правда, куда больше — формализуется воспитательный процесс. Мы против этого «новшества».

— Саша, в факультетском комитете комсомола, в деканате мне говорили, будто комсомольцы экономического факультета завоевали первое место в социалистическом соревновании?

— Это не так. Они не лучшие. Хорошо, к примеру, работают комсомольцы радиофака... — включается в разговор заместитель секретаря по идеологии Людмила Воробьева. — Я тоже решительно против формализма в ОПП. Такой пример. Кто-то на факультете не может поехать в колхоз, в стройотряд. Но баллы-то нужны. Идут договариваться со знакомыми учителями в школы. Наватают справок за фиктивные лекции. Главное — набрать побольше баллов...

Что же предлагают ребята? Оценить общественную деятельность не только каждого студента, а и группы в целом. Распределить работу можно по душе: одни оформляют стенгазету, другие пишут заметку, кто-то участвует в самодеятельности...

— Вспомните бригадный подряд, — говорит студентка 745-й Алла Быкова. — Заработок распределяется с учетом КТУ. А разве не может отразить истинных заслуг каждого коэффициент общественного участия?

Предложение действительно довольно интересное.

...Накануне отъезда в Москву я еще раз зашел на факультет. На доске объявлений прочитал: «Внимание! В 214-й аудитории состоится университетский конкурс чтецов. Спешите услышать и поддержать своих товарищей».

Что ж, дело неплохое. Только вот нужна ли она им, эта поддержка?

Я знал: каждый из этих ребят получит «заветные» баллы. Даже если и не победит в конкурсе...

Александр Донсков, наш спец. корр.

Рис. И. Копельницкого

В № 11 за прошлый год журнал рассказывал об инициативе комсомольцев Калининского мединститута. Лучшим группам предоставляется право заключать с администрацией факультета коллективный договор. Группа берет на себя обязательства по учебе, НИРС, общественной работе, деканат, со своей стороны, гарантирует контроль за качеством лекций, за удобным для студентов расписанием занятий, выделяет определенный стипендиальный фонд и дает возможность студентам самостоятельно распределять стипендию а также доплату из фонда материального поощрения в рамках действующих положений.

Что показал эксперимент? Об этом шла речь на выездной учебе комсомольского актива.

В Качина, комсорг 207-й группы стоматологического факультета: Когда нам предложили заключить договор, разногласий не было. Сомневались, правда, — сможем ли выполнить обязательства? Осенью разработали план, прикинули возможности каждого. Зимняя сессия показала: успеваемость улучшилась, и существенно. Если до заключения договора у нас на экзаменах были и двойки, то теперь лишь у двоих тройки. Провели комсомольское собрание по подведению итогов. Двум студентам повысили стипендию на двадцать пять процентов, пяти — на пятнадцать. Разбирали такую ситуацию. Как поступить? Дать стипендию активному студенту с одной тройкой или распределить ее четверью, с одной-двумя четверками, как повышенную. Решили выдать тому, что с тройкой. Почему так? Просто человек по данной дисциплине при всем желании, усидчивости на большее не способен, зато активно занимается общественной работой. Другому — тоже с тройкой — за определенные личные достижения выделили сорок рублей из фонда материального поощрения. Как аванс на будущее. Впрочем, суть не в этом. Главное, коллектив стал намного сплоченнее. И еще. Деньги для нас не самоцель, право справедливо их распределить группа заслуживает своим авторитетом. Гарантируя качество студенческого труда, мы самостоятельны в поощрении лучших ребят.

И. Березовский, секретарь бюро ВЛКСМ 3-го курса лечебного факультета, студент 304-й группы: Хорошо бы заранее обговаривать с деканатом не только сумму стипендиального фонда, но и примерное число студентов, которые могут получать стипендию с тройкой.

М. Прокина, 219-я группа стоматологического факультета: Надо распределять стипендию более гибко, с учетом трудового участия каждого студента во всех видах деятельности.

Е. Ферцлер, 304-я группа, член бюро ВЛКСМ потока: А еще, по-моему, коллективный договор воспитывает нас. Нельзя быть нейтральным, равнодушным. Полнее выявляются личные качества каждого студента.

Н. Свиридкина, 207-я группа: Хотелось бы, чтобы таких групп у нас было больше. В институте и других вузах.

Публикацию подготовил А. Максимов

УЧИТЬСЯ ИЛИ ЖЕНИТЬСЯ?

Поощрять ли студенческие браки? Этот вопрос все еще дискутируется, хотя зафиксированная социологами устойчивость студенческой семьи и, наконец, острая демографическая ситуация в стране дают все основания для утвердительного ответа.

А как относятся к молодой семье в крупнейшем вузе Карелии — Петрозаводском университете? Какие проблемы возникают? Что бы получить ответы на эти вопросы, в один из субботних вечеров я отправилась в общежитие на улице Анохина, где каждой молодой семье, как мне сказали, выделена отдельная комната.

...Распахнулась дверь, в комнату вошла белокурая девочка двух с половиной лет и требовательно сказала отцу:

— Дай маме муку!

— Жена готовит ужин на общей кухне, — пояснил Михаил. — Аня-та ей помогает.

Семейный стаж Субботиных более трех лет. Полтора года назад в общежитии историков и филологов сделали капитальный ремонт. И одна за другой здесь получили отдельные комнаты все семь факультетских семей. А до этого Субботиным пришлось помываться. Три частные квартиры сменили, потом жили в разных комнатах общежития.

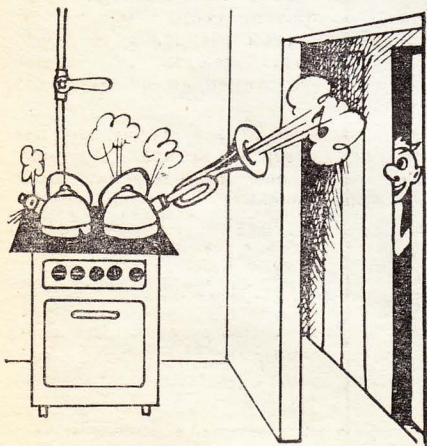
— Нынешний вариант — идеальный: горячая и холодная вода, прачечная.

Ну а если образуются новые студенческие семьи — где им жить? Повременить со свадьбой, пока не освободят комнаты семейные старшекурсники? Вообще, влияет ли перспектива получить отдельную комнату на образование семьи?

— Студенческих семей стало бы больше, если б каждой сразу предоставляли комнату. Но вообще-то жилье не решающий фактор. — Это мнение Михаила Субботина.

Татьяна с мужем не согласна:

— Мужской взгляд! Конечно, влияет...



Галина и Игорь Ефремовы были откровенны:

— Мы поджидали общежитие.

Их свадьба была минувшим летом. Молодым сразу же вручили ключи от комнаты. Они постарались сделать ее уютной.

— На каникулах ездили к родителям. Так, верите, скучали по своей комнате, — признались Галина с Игорем. — Теперь здесь для нас дом.

Дом, добавлю, гостеприимный.

...Главный аргумент противников студенческого брака звучит примерно так: «Учиться надо, а не семьей обзаводиться!»

Помеха ли в действительности семья учебе? Все мои собеседники ответили на этот вопрос отрицательно.

Вроде бы у семейного студента забот, обязанностей прибавляется, тем более с появлением ребенка. Но, с другой стороны, возрастает цена каждой минуты. (Обычный поход в кино, говорили мне, воспринимается как подарок, а не как средство убить время.) Появляется ответственность перед семьей. Игорь Ефремов и Александр Апокин единодушны:

— К экзаменам женатый студент с большей ответственностью готовится — семье нужна стипендия.

Вот факт: все семейные студенты ИФФ занимаются успешно, некоторые на «отлично». Например, так сдал последнюю сессию Михаил Субботин.

— Прежде успехи были куда скромнее, — смеется он.

Михаил — комсорг факультета, участник университетского хора. Татьяна занимается на ФОПе, на отделении художников-оформителей. Иногда их занятия совпадают. С кем оставить на вечер ребенка? Это тоже проблема.

— Приходится по очереди жертвовать своими интересами, — говорит Михаил. — А если у одного день получится более насыщенным, значит, за счет другого...

Пожалуй, в студенческой семье нагрузка на каждого побольше, чем в обычной. Особенно у женщины. Можно ли как-то им помочь?

— Нужны в яслях хотя бы группы для детей студентов и преподавателей, — предлагает Михаил. — И чтобы они были открыты по субботам.

Возможно, и режим в таких груп-

пах должен быть иным: ведь студенты занимаются целый день.

...Еще одно дельное предложение: необходим в вузе клуб молодой семьи. В таком клубе хорошо бы отмечать, у многих здесь появится возможность получить необходимую молодежи информацию.

— Я бы с удовольствием послушала беседы по уходу за ребенком, — говорит Галина. — Книг на эту тему не достать, мама далеко, а я ничего не знаю...

Одной хочется шить научиться, другая не знает, как борщ сварить, кто-то бюджетом семейным не умеет распорядиться...

Понятно, что такой клуб на базе одного общежития не создать: он должен быть общеуниверситетским.

Крепкая, здоровая семья укрепляет общество. Именно такой, по выводам специалистов, является семья студенческая. По утверждению моих собеседников, на их памяти еще не распался ни один студенческий брак. Общность интересов помогает лучше понимать друг друга. Если б студенческой семье уделялось больше внимания, она могла бы во всех отношениях стать примером для других молодых семей, которые, увы, так часто не выдерживают испытания на прочность.

Наталья Сергеева

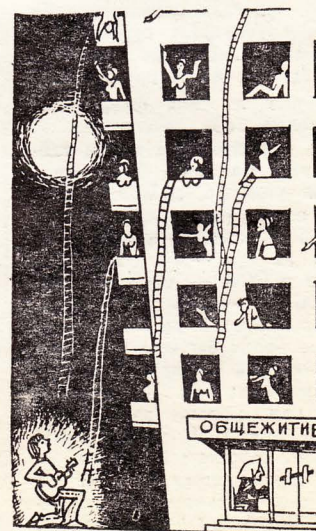


Рис. Б. Софрина

Приказ! Еще приказ...

История, которую мы хотим вам рассказать, невероятна. Она настолько удивительна и неправдоподобна, что если бы писатель решил взять ее в основу сюжета для рассказа, то ему бы пришлось назвать его фантастическим. И все-таки все эти события имели место в действительности, все действующие лица — реальны.

Итак, перенесемся в солнечный Баку, на 1-й курс художественно-графического факультета Азербайджанского педагогического института имени В. И. Ленина. Именно здесь учится в общем-то самая обыкновенная студентка Оля Макаровская...

А началось все с брюк. Да, да, с обыкновенных брюк, которые давно уже заняли прочное место среди повседневной женской одежды.

И вот надо же случиться такой неприятности — декан факультета как-то встретил Ольгу Макаровскую в институте в брюках.

Любой другой декан не придал бы этому событию никакого значения. Любый другой, но... не тот, который, да будет вам известно, ненавидел женские брюки страшной ненавистью. Увидев Макаровскую в брюках, декан подошел к ней и, сдерживая закипающий в нем гнев, как можно мягче порекомендовал ей больше их не носить.

Первокурсница Оля в ответ только улыбнулась, расценив замечание декана как неудачную шутку. Не могла же она всерьез предположить, что современный руководитель факультета отстал от моды на 10—15 лет...

Как же ошибалась еще неопытная первокурсница! Когда декан снова увидел Макаровскую в брюках, он показал себя человеком слова. Сказал, что ей несдобровать, — значит, так и будет. И действительно, к концу того же дня у деканата висел приказ. Он настолько уникален, что мы приведем его полностью:

Приказ № 52

Несмотря на неоднократные замечания, студентка 1-го курса Макаровская О. систематически нарушает правила внутреннего распорядка и тем самым оказывает разлагающее действие на поведение других студентов.

С начала учебного года она неоднократно предупреждалась за опоздания на уроки и за ношение формы одежды, не соответствующей внешнему виду советского студента.

Учитывая вышеизложенное, объявить строгий выговор студентке 1-го курса Макаровской О. и учесть ее поведение при распределении стипендии. Если с ее стороны не будут сделаны соответствующие выводы, то перед ректоратом поставить вопрос об ее отчислении.

Видите, так с легкой руки декана брюки превратились в «форму одежды, не соответствующую внешнему виду советского студента». Курьез, конечно, но Макаровской было не до смеха. Выговор, да еще с предупреждением об отчислении — это всегда серьезно. И все неприятности из-за брюк. Опоздания в приказе упомина-

лись, так сказать, к слову. Пропусков занятий без уважительной причины не было, а опоздания... Ну что ж, иногда случались, но не больше, чем у остальных.

Несмотря на то, что зимнюю сессию Оля сдала без троек, стипендию в новом семестре ей не начислили. Этого не ожидали даже самые закоренелые скептики. За ношение брюк строгий выговор с предупреждением об отчислении, да еще лишение стипендии!.. Нет, это невероятно. Тем не менее Оля не получила стипендию ни в феврале, ни в марте, ни в апреле...

Приехав в Баку, мы в первую очередь решили встретиться с деканом факультета. Уж больно удивительным показалось нам на первый взгляд письмо Оли в редакцию.

Такая встреча состоялась. На ней присутствовало, помимо декана, все руководство факультета: заместитель декана, секретари партийной, профсоюзной и комсомольской организаций. Беседа оказалась крайне полезной, хотя ситуация от этого менее удивительной не стала. Мы узнали, что, оказывается, девушки носят брюки из-за желания выделиться. Что, по их мнению, в педагогическом вузе на студентах должна быть простая, не привлекающая внимания одежда. И вообще, если студентки будут в институте ходить в брюках, то они, чего доброго, и к ученикам в школу в брюках придут. А более страшного преступления руководство факультета просто представить себе не могло.

В ответ на столь пламенную речь мы могли бы сказать многое. Например, то, что желание выделиться для девушек вполне естественно, хотя брюки никак этому не способствуют, так как давным-давно из разряда модной перешли в разряд удобной, но повседневной одежды. Мы не видим причин, почему студенты педагогических вузов должны носить исключительно простую, незамысловатую одежду. Наоборот, нам кажется, что будущие педагоги должны одеваться модно, элегантно, проявляя в своих нарядах индивидуальность. Ведь пройдет немного времени, и умение одеваться современно, со вкусом они должны будут привить школьникам. Мы могли бы также сказать, что та или иная форма одежды еще не повод, чтобы лишать студентку стипендии.

Все это мы могли бы сказать, но не сказали. Ведь если профессиональные педагоги не понимают столь очевидных и простых вещей, можно ли их убедить в короткой беседе?!

Поэтому один из авторов материала отправился в группу Оли Макаровской, желая узнать мнение студентов. Его любезно согласился сопровождать секретарь комитета ВЛКСМ института Кярам Байрамов.

Собрание группы началось очень неожиданно. С места поднялась комсорг и попросила ее переизбрать, так как она чувствует, что не сможет возглавлять комсомольскую организацию группы. На вопрос, почему же согласилась раньше, девушка ответила, что ее никто не спрашивал — избирали, и все.

Затем с места поднялся профорг группы. И... тоже попросил его переизбрать.

В тот момент корреспондент подумал, что в учебных группах художественно-графического факультета существуют куда более важные проблемы, чем форма одежды. И проблемы эти, как он успел заметить, пока еще не решены.

Узнав о цели приезда, ребята заговорили все сразу. «Все правильно. Случаем с Макаровской возмущены. В деканате скорее простят, если мы три «хвоста» в сессию получим, чем один раз брюки наденем. Нам даже обыкновенные пластмассовые клипсы носить не разрешают. Если бы все девушки факультета надели бы школьные форменные платья, то, наверно, это был бы самый большой подарок для нашего декана...»

Ну что ж, ситуация понемногу прояснилась. Недаром же говорят: декан — хозяин факультета. И он эту фразу понимал буквально.

Поразмыслив, что лишение Макаровской стипендии на весь семестр (а это было именно так, поскольку нам вообще не смогли показать приказа о назначении Оли на стипендию) может получить неприятную огласку, декан решил исправить дело с помощью ректората. И тогда на свет появляется еще один уникальный приказ, подписанный на этот раз ректором:

Приказ

За примерное поведение и активное участие в общественной жизни факультета наградить студентку 1-го курса Макаровскую О. денежной премией в размере месячной стипендии.

Да, да. Ту самую Макаровскую, которой недавно объявили выговор за «систематическое нарушение правил внутреннего распорядка и за разлагающее действие на поведение других студентов», теперь уже награждают премией за «примерное поведение»!..

Но можно ли таким приказом загладить обиду, нанесенную Макаровской в самом начале учебы в институте? Ведь перед ней никто не извинился, не признал своих ошибок, не отменил странных распоряжений относительно формы одежды. Да и положенной Ольге стипендии ей тоже никто не вернул.

Ну, пожалуй, и все. Такая вот невероятная история, которая, на наш взгляд, пока еще не окончена. Еще предстоит выснить, как могло произойти, что нелепое распоряжение одного человека в течение длительного времени имело силу приказа.

Надеемся, что заинтересованные организации в этой истории поставят точку над «и», дадут принципиальную оценку происшедшему, сделают все, чтобы подобные события не повторились впредь.

Ольга Боброва,
Владимир Слуцкий

МИХАИЛ АБАКУМОВ ПИШЕТ ТИШИНУ

«Природа только перед тем раскрывает свою душу, кто идет к ней не ради эффектов и красивых мазков, а ради глубокого откровенного выражения больших человеческих чувств». Это слова большого художника М. В. Несетерова.

— Люблю работать в самые ранние рассветные часы, когда во всей природе покой и тишина, и чтобы душе тоже было тихо и спокойно. Стараюсь передать переходное состояние природы — от утра к дню, от зимы к лету; в этом есть тонкость, живописная и душевная, здесь простор мысли, ожидание наступающего знакомого чуда, которое каждый раз видишь иначе.

...Миша начал рисовать лет с четырех, но лишь в пятом классе учитель рисования Николай Иванович Бодрягин «открыл» этого мальчика. Преподаватель повел свой класс за город, на лесные поляны под Коломной, и предложил написать пейзажи. Мишин пейзаж оказался незаурядным. Значит, в стенах школы не проявлялось то, что под открытым небом сразу обрело образность и настроение, своеобразие композиции и игру света.

Бодрягин водил своих школьников в походы по местам Шишкина, Поленова, Левитана, они писали в Плесе, Елабуге, Абрамцеве, они видели те же поля и лесные дороги, которые открывались великим русским пейзажистам, — это не могло не отразиться в их душах, сознании, художественном восприятии жизни. Вот так рядовой учитель рисования в обычной школе небольшого среднерусского города стал главным человеком в начале судьбы многих ребят, с одним из которых, повзрослевшим, возмужавшим, набирающим опыт и мастерство, мы и встречаемся сегодня на страницах журнала.

Лил дождь, но Миша Абакумов, выглядывая из-под полога палатки, писал очередной этюд. И это тоже отметил Бодрягин. Учитель был уверен в том, что не ошибается, когда посоветовал Мише поступать в художественное училище.

Родители Михаила, люди рабочие, верящие в надежность «металлической» специальности, не сразу смогли понять, почему сын бросил машиностроительный техникум. Отец, Георгий Андреевич Абакумов, ворчал:

— Что же ты, до тридцати лет будешь к оврагу ходить, свои этюды рисовать?..

А овраг близ их дома в Коломне был хорош! Живописный овраг, просто клад для пейзажиста. И вообще,



вся Коломна была для Михаила Абакумова таким кладом — утренняя и вечерняя, сумеречная и ночная, зимняя или знойная, в распутицу ли, в гололед, оттепель... Впрочем, кладом и источником творчества она остается для Абакумова по сей день, родная русская Коломна, ее занесенные снегом крыши и дворы, ее березки под осенними дождями, отцовский сад, тихие проулки, негромкий воскресный базар, макушки скромных церкочек, современные белобашенные здания на фоне неменяющегося пейзажа. Бывая в далеких краях, рисуя грозные утесы Енисея, крутые склоны Горного Алтая, плоты на реках среднерусского Севера, прибалтийские дюны и готику, Михаил Абакумов всегда оставляет немалую часть души и сердца в Коломне: «Увидеть родные места издалека — какой бесценный ракурс! Коломна — сколько в этом звуке для сердца моего слилось... Где родился, там и пригодились».

Цельная он натура, Михаил Абакумов. Окончил художественно-промышленное училище имени М. И. Калинина, поступил на художественный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии. Открывались реальнейшие возможности офор-

млять игровые кинофильмы, ездить в киноэкспедиции, а потом и на кинофестивали. Но не по Абакумову шумная и многокрасочная кинематографическая круговерть. После ВГИКа он три с половиной года трудился в творческой мастерской А. П. Ткачева, и отнюдь не многообразными были для него эти три с половиной года учебы, учебы, учебы; не «в вихре вальса» они прошли. Искусность обретается упорством и трудолюбием; мастерская живописца — своего рода каменоломни, где труд тяжок и монотонен, а отдых краток.

Проблески — выставки, на которые принимают одну-две твоих работ. Выставка творческой группы «Алтай» в Барнауле. Выставка дипломных работ выпускников художественных вузов. Всесоюзная молодежная в залах Академии художеств. Зональная «Подмосковье», республиканская «Советская Россия», всеююзные — «Голубые дороги Родины», «50 лет Комсомольска-на-Амуре», «Молодость страны»... Первые выходы за рубеж — выставки молодых художников в Дании, Финляндии, ФРГ, Италии. И снова работа. Размышление, сравнение, поиск, неудовлетворенность собой. Терпение.

— К чему же ты стремишься, Миша? Какой рубеж поставил впереди и должишь к нему приблизиться?

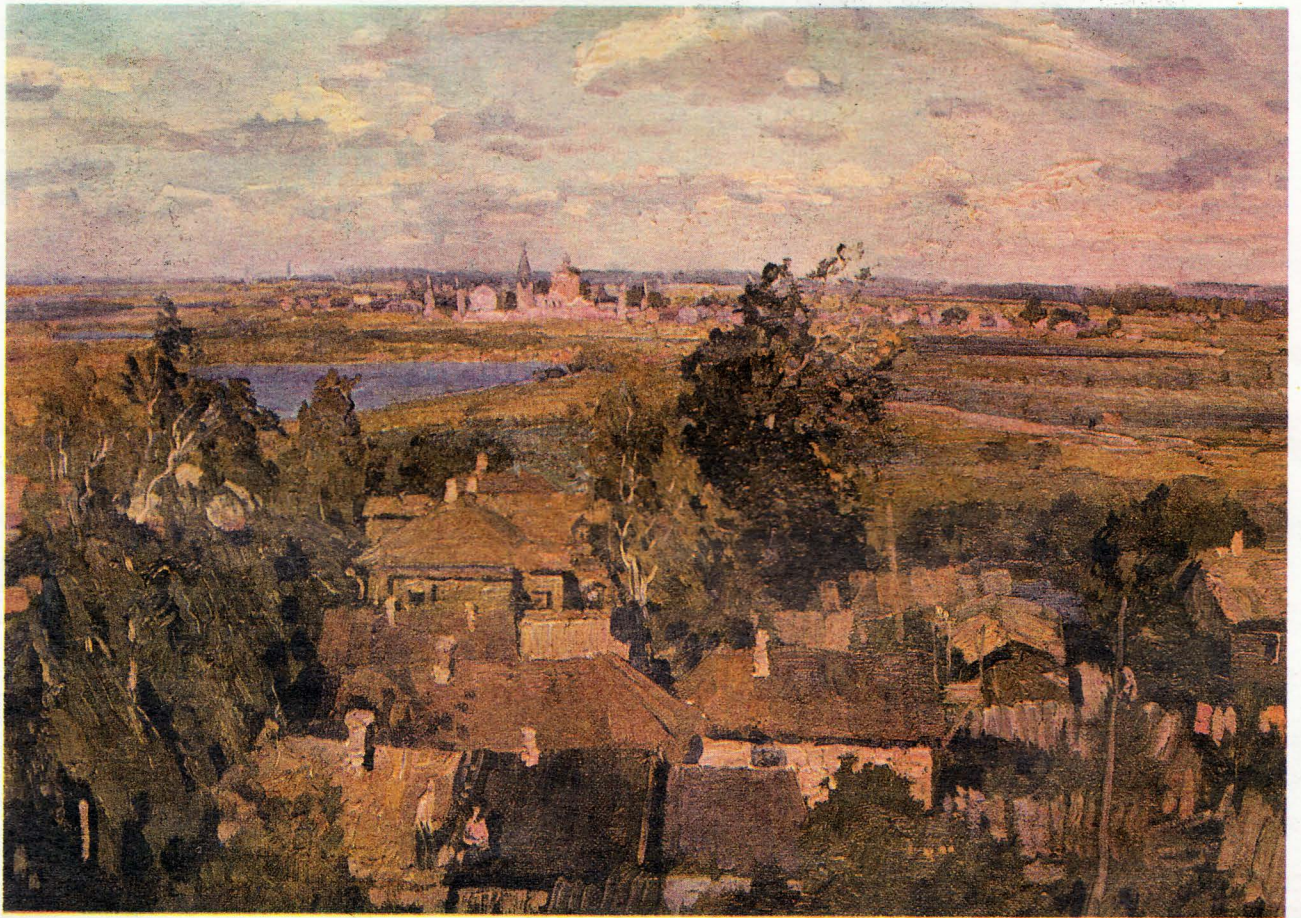
— Нет рубежа. Хочу и буду писать. Особенно родные места, тишину моей предрассветной России (что может быть прекраснее, не знаю). Надеюсь на возраст и, чем черт не шутит, на мудрость, которая придет с годами. Может прийти. И я увижу по-новому зиму в Коломне, лето в Коломне, воскресный день или вечер в Коломне. Разве это мало?

У Михаила Абакумова нет пышного шлейфа почетных званий. Он лауреат премии комсомола Подмосковья. Самобытный, оригинальный художник не остается незамеченным. Остаются весомыми и зримыми (зримыми с волнением, с удовольствием) свидетельствами его пути и роста полотна, запечатлевшие увиденные им образы родной страны.

Эдуард Церковер

Рис. В. Попова

М. Абакумов. «Солнечный день». «Лето».





Пойми, о чем рассказал экран...

Рок-музыка, драматургия, танец, театр — столь разные области творчества. Но, оказывается, все они могут соединиться в одном искусстве. Имя ему — кинематограф, — но не совсем обычный, особый. Какой? Об этом вам расскажут актриса Алена Беляк и кинорежиссер Владимир Грамматиков.

С ними беседует корреспондент Александр Басс.

Корр: Алена, пожалуйста, расскажите, как вы выбираете своих героинь, иначе говоря, какие люди вам нравятся?

— Меня привлекает необычность героев. Внутренняя их чистота. Сейчас многие отказываются от бытовых удобств. Покидают столичные города. Едут на новостройки. Хотят, особенно молодые, испытать себя. Сегодня люди, как никогда, стремятся быть выше духовно. Только надо правильно сделать выбор — определить главную цель в жизни.

— В этом поможет искусство...

— Конечно. И вряд ли стоит ждать, когда тебя возьмут за руку и покажут хороший фильм, дадут книгу. Искать надо самому. Раньше ты не интересовался Пикассо, ни разу не видел Ван Гога, но однажды приходит понимание. Для этого нужно только усилить собственной воли. Я не читала Ибсена, и мне было стыдно, когда у нас в училище вдруг заходила речь об этом великом драматурге. Теперь наверстала упущенное и поняла, как много дало мне знакомство с ибсеновскими героями: Норой, Брандом. Наверное, не нужно думать, что те или иные вещи открываются нам с возрастом. Наоборот, мне кажется, нужно всегда стараться опередить время, стремиться к знаниям самому.

— Алена, что вы, как актриса, хотите сказать своими ролями людям, которые видят вас на экране или сцене?

— В каждом человеке обязательно больше хорошего, только порой оно глубоко спрятано. Даже если не очень хорошему человеку показывают что-то чистое, светлое, может случиться так, что он переменится на глазах. Тогда он видит не то, что на экране, он смотрит словно бы в глубь собственной души и открывает себя заново. Если в этом преображении есть «вина» актера, то он может считать себя счастливым человеком.

Теперь мы обращаемся к режиссеру Владимиру Грамматикову.

— Владимир Александрович, расскажите, как вы выбирали актеров для фильма «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты»? Почему доверили главную роль Алене Беляк?

— Выбор актера — важный момент. Он во многом определяет успех фильма у зрителей. Для картины «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» поиск актера был особенно сложным, потому что это музыкальная драма, рок-опера. В ней характеры выявляются не только драматургически, но и в песне, танце. Образ главной героини с самого начала я определил для себя двумя словами — «чистота», «род-фрагменты из фильма «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты»

ник». Нам повезло. Мы нашли Алену Беляк — тогда она еще была студенткой второго курса Щукинского училища.

— А как вы пришли в кино?

— Долгая история. Сначала учился в техническом вузе, потом в актерском и только потом во ВГИКе. Вот так надолго затянулись мои студенческие годы. Но я не жалею об этом. Три моих диплома, считаю, необходимы в главном — работе режиссера. Таков путь многих в кинематографе. Сюда чаще приходят зрелыми людьми. Наверное, в этом есть смысл. Кино — очень ответственное дело. Опыт приходит со временем. Так же как и творческая свобода, независимость мышления. Они должны подкрепляться опытом. Среди молодых бывает разное понимание свободы. Я против той, что превращается в отсутствие жизненных правил авторитетов, тогда вместо независимости мысли у человека лишь пустая бравада.

— Владимир Александрович, расскажите, почему вы решили поставить музыкальный фильм?

— Я искал кратчайший путь к своему зрителю. На сегодняшний день, мне кажется, популярна рок-опера. Путь музыки к сердцам, умам молодых, наверное, самый короткий.

Я не ратую за всю ту музыку, что сегодня нравится молодежи. Шумный, бессмысленный, а порой и пошлый рок — сущее бедствие. И его, к сожалению, немало. Я за лучшие образцы музыки. Содержательной, умной, несущей в себе глубокие идеи. Пример — та же «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» А. Рыбникова. Эта рок-опера — хорошая музыка и драматургия. Вот почему показать ее средствами кино стало для меня так заманчиво.

— Какие проблемы сегодня перед молодежным кино?

— Остро не хватает хороших фильмов для ребят 14—16 лет. Видимо, нам надо быть смелее в выборе тем. В кино нужно брать за основу то, что действительно волнует молодежь, да и не только ее.

— Как обстоят дела с фильмами для студентов?

— Они смотрят взрослые фильмы. Нет смысла выделять эту группу. Что же мы будем говорить им — это хорошо, а это — плохо? В их возрасте, наверное, все жизненные проблемы уже пора решать без нянек, пап и мам...

Студенческие кино клубы есть в Москве, в Перми, Казани. Их уровень весьма высок. Причем это не просто знания о кино, вопрос решается шире. Ведь кинематограф нельзя понять, не разобравшись во многих областях искусства, литературы.

Молодой поэт Сергей Хомутов из города Андропова привлёк внимание светлым мироощущением, подлинной поэтичностью, умением подсмотреть в людях и в природе то главное, что волнует и запоминается.

Владимир Фирсов

Сергей Хомутов

Соловьи

Внезапность чуда — всех чудес основа.

От расписаний всяческих устав,
В лесу, не доезжая до Сонкова,
Замедлил ход...
И замер наш состав.

Измучен за день духотой густою,
Я тотчас поспешил открыть окно,
И тут над толкотней и суетою
Оно внезапно и взорло...

Оно!

Сперва негромко.
Все сильней... Полнее...
В томлении свободы и любви.
И, от догадки солнечной пьяней,
Воскликнул я:
«Да это ж — соловьи!»

Вливалась песня в тесноту вагонов —
Неповторимый дар творцов лесных.
Сердца людские нежностью затронув,
К дверям и окнам подзывала их.

То высоко взлетала, то пониже,
Подобьем удивительной волны.
И даже тем, кто спал, ее не слыша,
Наверно, снились голубые сны.

Состав пошел... Колеса загремели...
Все громче на отлогом вираже.
А соловьи все пели, пели, пели,
Ничем не заглушаемы уже.

И вдоль пути черемухи кипели,
Выбрасывали ветви в высоту.
А соловьи все пели. Пели! Пели!
Россию слава. И творя весну!

Щука

Она метнулась одержимо —
Подводных зарослей гроза,
Но сеть надежная,
Пружиня,
Отбросила ее назад.

Она порвать пыталась пути,
Мutilа воду все сильней...
Но вдруг затихла и —
Как будто
Смирилась с участью своей.

И рыбаки, лишь на мгновенье,
Уже слегка устав тянуть,
Поверили в ее смиренность,
Натяг ослабили чуть-чуть.

Миг...

И зубастая плутовка,
Рассыпав брызг веселый след,
Взлетела высоко и ловко,
Трос, как барьер, преодолев.

И, награжденная спасеньем,
Нырнула в глубину реки.
С досадою п... восхищеньем
Вослед глядели мужики.

ВЕРСИЯ — III

Юлиан
Семенов

(Хроника одной провокации)

Продолжение. Начало см. в № 8, 9.

Заговор (май, 1911). Богров

1

Более всего на свете начальник Киевской охраны Кулябко любил лошадей.

Он часто приезжал на конюшни ипподрома. Подолгу простаивая у стойла, чесал своим любимцам плюшевые ноздри: тайком от служителей кормил сахаром и вглядывался в таинственную, цыганскую жуть громадных глаз.

Особенную радость доставляли ему те минуты, когда конюхи выпускали молодняк на пробежку. Тот момент, когда жеребята, чуть привстав на пороге, выбрасывали свои тела на улицу, под лучи солнца, казался Кулябко заключительной музыкальной фразой любимого им Вагнера.

Он до сих пор ничего не мог толком понять из странного разговора со Спиридовичем, не мог и делиться опасениями со своим, а опасаться ему было чего, ибо последние два года траты стали велики. Переехал в новый дом, пришлось взять из кассы охраны: пока на коне, никто не обратит внимания на какие-то пять тысяч, выданные по фиктивным распискам несуществующей агентуре, а ежели, упаси бог, начнется шум?

«Ну как, — думал Кулябко, — я скажу Саше: «Деньги взял из кассы по липовым распискам!» Он же после этого руку мне перестанет подавать. Объяснить, что, мол, для твоей же сестры старался? Не проймешь его, в нем сердце с ногот!»

Жеребенок каурой масти, весь в игре, остановился перед Кулябко, опасливо потянулся к руке. Знает, кто сахаром кормит, но все равно отпрыгнул, когда заметил, как человек полез в карман: это так полагается, надобно свой испуг показать, ушами поводить, человек тогда еще ласковее делается, он страсть как охоч до того, чтоб приручить, очень ему нравится властвовать...

Кулябко отчего-то вспомнил первый приход Богрова: тоже вроде жеребенка, молод, пуглив, но себе на уме, все с ладони слизнет, только торопить нельзя.

Представился он тогда Дмитрием, даже «Димитрий» сказал, по-старорусски, а сам-то выкрест. Кулябко его дело пролистал, как только он позвонил и попросил о встрече.

Дрянь поганая, барченыш. Отец тысячи проигрывал в Дворянском собрании губернатору, только б тот помогал ему в процессах, где он правозаступничал, выгораживая денежных тузов. В поместье под Кременчугом в вышитой косоворотке ездил, от картавости у доктора Шазень в Ницце лечился, камнями рот набивал.

«А работал классно, — продолжая думать теперь уже о Богрове-младшем, вспоминал Кулябко. — Артистично подводил дружок своих под каторгу. Я на нем в восьмом году «Владимира» заработал, когда взял «Южную» и «Интернациональную» группы анархистов-коммунистов. Он тогда весь план ликвидации разработал, во все мелочи вник, такого бы адьютантом держать, а не секретным сотрудником — спать можно спокойно, знай крути дырочки в кителе да на погоне».

Действительно, Богров работал классно, считался одним из лучших провокаторов. За деньги не торговался, довольствовался ста пятьюдесятью рублями в месяц, — к тем пятидесяти, что давал на карманные расходы отец, вполне хватало. Пить не пил, девицы и так любили, без денег.

Кулябко помнил, как однажды Богров срочно попросил свидание и они уговорились встретиться на конспиративной квартире. Пришел разгоряченный, глаза блестят.

— Николай Николаич, помните Фриду Лурье из группы боевиков-анархистов?

Кулябко взял себе за правило никогда и никому не признаваться в познании. Поэтому многозначительно подвигал бровями, спросил:

— Как она ныне?

— Вернулась из Парижа под фамилией Савенко! И живет у Наташи Урбанюк! А за ней еще семь лет каторги осталось!

И тут Кулябко вспомнил: Лурье была связана с одним из главных эсеров-боевиков, Рыссом. Особо опасная преступница. Именно ею в прошлом году интересовался департамент в специальном циркуляре. Ай да выкрест, молодец!

Однако сыграл ленивое всезнание:

— Ее наши третий день пасут, Дмитрий Григорьевич...

Богров откинулся как от удара и ответил по слогам:

— Ее только вчера вечером Урбанюк встретила на вокзале... Впрочем, если она вас не интересует, то и бог с нею, тем более что она сегодня переезжает на другую явку.

Кулябко понял тогда, что Богров обидчив. Поскольку сам в охранку пришел, сам и уйдет.

— Дмитрий Григорьевич, — мягко сказал Кулябко, — не вашего она уровня, эта самая Лурье. Узнавая вас все больше и больше, я думаю, что вам по силам коронные дела... Вот если бы вы с помощью Лурье вошли в боевку эсеров в Париже, стали бы членом комитета, выдвинулись в руководство партии — это да! Я не знаю, кому такое по силам, кроме вас, Дмитрий Григорьевич. Поэтому я никаких рекомендаций вам не даю, но подумайте, не удастся ли вам с ее помощью подойти к Савинкову и Чернову? Удайся это, станете первым на нашем правоохранительном небосклоне.

— Вы хотите командировать меня в Париж?

— Коли у вас найдется время для этой поездки... Идеально бы заполучить письмо от Лурье, несколько других посланий от здешних и львовских боевиков мы вам организуем... Лурье возьмем в ваше отсутствие, так что подозрений не будет... Можем подготовить для вас встречу с группой, приведете туда Лурье, покажете свои возможности. Оружием группу снабдим, литературой тоже. Люди там вполне надежны, мы их организовали с помощью нашего приятеля Виноградова. Он работает неплохо, согласитесь... Чтoб в Париж не с пустыми руками, а с деловыми предлонами по террору...

Из Парижа Богров вернулся окрыленным, привез Кулябке множество адресов, явок, паролей. С его подачи было арестовано еще двенадцать человек. Трех закатали на Акатуйскую каторгу в кандалах, один повесился, один сошел с ума. Тот, что повесился, Игорь Желудев, считал Богрова одним из самых близких друзей, называл «Митечка», просил беречься, бранил за то, что Богров несдержан, задирист, слишком уж открыто бранит власть, не надо так, опасно, палачи этого не прощают. Среди тех, кому он отправил предсмертные записки, в которых просил прощения за слабость, был и Богров. Кулябко вовремя перехватил, боялся травмировать агента, тот стал незаменимым. Врагился в высших кругах. Гнал информаторов не только на анархистов и эсеров, но и на «Союз Михаила Архангела» — и к ним был вхож! Дружил с Пирятинским, их главою, играл с ним в карты и рассуждал о трагедии русского народа.

По окончании университета Богров отправился завоевывать северную столицу, приписавшись помощником к призначенному поберенному Самуилу Кальмановичу, защищавшему политических. Кулябко, скрепя сердце, отправил телеграмму начальнику петербургской охраны полковнику

Михаилу Фридриховичу фон Коттену, передал тому своего сотрудника, заручившись при расставании с Богровым обещанием, что тот, *разработавши* Петербург, вернется в Киев. Здесь Кулябко гарантировал ему сказочное будущее: «Мы сделаем специально для вас пару-тройку ликвидаций, вы возьмете на себя защиту, а мы поможем вам эти процессы выиграть. Тогда вы станете в первый ряд русских правозаступников, Керенского заткнете за пояс, Карабчевского с Плевако».

В Петербурге Богров не очень-то прижился. В салонах на него смотрели с долей презрения: провинциал, честолюбив без меры.

Фон Коттен встретился с ним в отдельном кабинете ресторана при гостинице «Малоярославец», пригласивши с собою помощника, полковника Владимира Иезекилевича Еленского, курировавшего работу по анархистам.

Богров рассказал за ужином, что анархистских групп в Петербурге, как он смог установить, практически нет.

— Актриса театра «Глоб» Мария Викторовна Стрелецкая, — улыбнулся он, — жаловалась мне, что никто не хочет брать всерьез ее идею анархобратства. Готова снять квартиру в личном доме на островах; общий котел; выявление «я» каждого «брата» и «сестры» в диспутах и физических соревнованиях; Полное игнорирование государства; Поскольку брак существует лишь до тех пор, пока есть любовь, — полный пересмотр семейных отношений; ревность есть не что иное, как выявление жажды владычества, столь распространяемое у мужчин; поскольку любовь есть сильнейший побудитель творчества, ее обязан познать каждый.

— Михаил Фридрихович, — колыхнулся тучный, вальяжный Еленский, — вы б внедрили меня в такую комму-ну, а?!

— Могу представить Марии Викторовне, — предложил Богров.

— Подумаю, — весело пообещал фон Коттен. — Дмитрий Григорьевич, ваш последний заработок в Киеве был каков?

— Сто пятьдесят в месяц.

— В столице траты больше, управитесь?

— Не деньги меня подвигли на то, чтобы пойти на службу по охране империи, — ответил Богров. — Настало разочарование в коллегам по партии, сплошное вырождение, экспроприация сделалась самоцелью...

Уговорились, что Богров займется социалистами-революционерами, благо присяжный поверенный Самуил Кальманович постоянно защищал членов этой нелегальной партии, да и сам числился их симпатиком, а оттого проходил по надзорному наблюдению охранки.

Жалованье Богров получал регулярно, особо интересных материалов не давал, *щипал* по мелочи сплетни в около-

революционных кругах, поменьку *закладывал* новых знакомых, принявших его в число приятелей; потом затосковал, не вынес петербургской слякоти и, встретившись с Коттеном в «Малоярославце», обговорил себе командировку на Лазурный берег, в Париж, Висбаден и Женеву.

Незадолго перед отъездом попросил о внеочередной встрече, притащил письмо.

— Просили передать Лазареву и Булату, — сказал он, — вполне тепленькое, прямиком от товарищей Чернова и Авксентьева.

Коттен взял письмо; симпатических чернил тут не было, вполне безобидный текст. Установили Егора Егоровича Лазарева — журналист, связан с эсерами, но к их боевой группе не принадлежит. Булата охранка знала прекрасно, член Государственной думы, трудовик, связан с эсерами, но до него не дотянешься, парламентская неприкосновенность.

Попросив Богрова задержаться с отъездом, Коттен письмо ему вернул, предложил отнести по адресу.

— И просбочка есть одна, Дмитрий Григорьевич... Не составило бы для вас труда как-то потеснее сойтись с Лазаревым, а? Он интересуется нас, волк третий-перетертый... У него есть два сызника — «Николай Яковлевич» и «Нина Александровна», оба выходят напрямую к руководству эсеровского ЦК. Они нам нужны... Не получилось бы у вас, а? Хоть какую-нибудь заценку к явкам?

— С пустыми руками к Лазареву нет смысла являться, Михаил Фридрихович, коли он третий волк...

— Предложите ему что-нибудь, — аккуратно посоветовал Коттен. — Вы ж в изобретательстве комбинаций дока...

— Эсера можно пронять только предложением террора...

— А почему бы нет?

Богров растерялся:

— Михаил Фридрихович, но ведь это... Это...

— Это подконтрольно, Дмитрий Григорьевич. Это комбинация... Естественно, фиксировать в делах мы ее не станем, а вдруг Лазарев клонет?

— Но ведь они в терроре делают ставку на центральный акт... У меня не повернется язык предлагать террор против государя...

— Упаси господь, сохрани и помилуй! Это ни в коем случае! Подумайте, кого можно назвать, только чтоб не из царствующего дома, вы совершенно правы, такое немислимо!

...Лазарев оказался седым великаном с детскими голубыми глазами. Прочитав письмо, сжег его в камине, деньги, лежавшие в нем, бросил в ящик, поднялся из-за стола, заваленного рукописями, — встреча происходила в редакции «Вестника знания» на Невском — и спросил:



— Нуте-с, а теперь представьте мне толком, милостивый государь.

Разговор был хорошим, добрым. Оказалось, что Лазарев прекрасно знает и Кальмановича, и старшего товарища Богрова по Киеву, идейного анархиста Гроссмана-Роцина, вместе сидели в тюрьме.

— Егор Егорович, — сказал в заключение Богров, — было бы очень славно, ответьте вы мне на один вопрос...

— Чего ж на один только? Я готов и на большое количество вопросов отвечать, коли смогу...

— Готова ли партия...

— Какую вы имеете в виду?

— Егор Егорович, я в революционном движении не первый год, вы, думаю, знаете об этом, да и легко проверите сегодня же... Мне прекрасно известно, что вы эсер, да и не мне одному, что ж из этого секрет полицианеля делать... Так вот, готова ли партия санкционировать покушение на Столыпина?

— Окститесь, милый, да кто ж на это пойдет?

— Я, — сказал Богров, помедлив малость, и побледнел даже оттого, что представил себе на самом деле, как он поднимает руку с бомбой и швыряет ее под колеса автомобиля, в коем следует председатель совета министров империи. Он явственно услышал глухой взрыв, почувствовал, как кровь прилила к щекам. Увидел стремительно шапки газет с его именем на всех языках мира и потянулся задравшей рукой за папирсой...

— Вы это бросьте, — сказал Лазарев, — еще бы на улице к первому встречному подошли с таким предложением, право! Вы мне лучше поподробнее объясните, каким образом это письмо с восемьюстами франков оказалось у вас?

— Я же объяснял, — нахмурился Богров. — Желаете выслушать еще раз?

— Да, будьте любезны.

— Вы не верите мне?

— Проверяю, — ответил Лазарев. — И не считаю нужным скрывать это.

— Женщина, которая привезла письмо из парижского ЦК, моя подруга детства, Егор Егорович... Она должна была вручить деньги для «деревни» Самуилу Кальмановичу, но он на тронцу был у себя на даче, в Финляндии... Ваш журнал тоже был закрыт... Я вызвал Кальмановича телеграммой, он прочитал эти письма, спросил Лину, кто их передал, какой идиот решился всучить девушке, далекой от политики, партийные документы... Она ответила то же, что говорила мне: сестра Кальмановича, курсистка Юля. Поскольку у Лины не было денег и она вполне благонадежна политически, Юля пообещала, что Самуил уплатит ей за это сто пятьдесят рублей... Вот, собственно, и все... Кальманович вернулся к себе на дачу, а мне сказал прийти к вам... Я пришел...

— Лина привезла одно письмо?

— Два.

— Кому адресовано второе?

— В Государственную думу...

— Булату?

— Да.

Лазарев протянул руку:

— Давайте, он в деревне, я отвезу ему.

Богров молча достал письмо, передал Лазареву.

Тот, не читая, положил в карман, кашлянул в кулак, хмуро поглядел на Богрова, покачал головой:

— Нельзя так, товарищ, право...

— Тогда хоть помогите мне увидаться с Николаем Яковлевичем или Ниной Александровной...

— Смысл?

— А вот на этот вопрос позвольте мне не отвечать... Впрочем, коли не верите, я просьбу свою снимаю...

— Сколько вам лет?

— Двадцать пять.

— Сколько лет в революции?

— Семь.

— Кто вас привел в кружок?

— Гроссман, а же говорил... В Киеве, в дом Сазонова...

— Ладно. — Лазарев поднялся. — Славный вы человек, только, если хотите служить революции, делайте это осмотрительно, иначе вы ей вред принесете, Митя, огромный вред... Закаживайте, коли будет время, а пока простите меня, полно работы...

...Лазарев вспомнил про «дом Сазонова», о котором говорил Богров, когда был в Киеве по делам журнала. Встретившись с товарищами, поинтересовался Богровым.

— Прекрасный человек, — ответили ему.

— Только уж больно горяч, в террор играет, — заметил Лазарев. — Так и до беды недалеко.

Эту фразу агент, присутствовавший на этой встрече, сообщил в охранное отделение.

...Наткнулся на это сообщение Кулябко в тот день, когда умиротворенным вернулся из конюшен и принял за повторный просмотр затребованных им материалов.

И в голове окончательный, до мелочи, выстроился жесткий план дела.

Темпоритм акта должен быть артистичным

2

Спиридон Асланов, бывший при Кулябко начальником уголовной полиции (и после арестантских рот уехавший в свой бакинский замок) связей с Киевом не прерывал. Его агенты в преступном мире, главные держатели «малин», через сложные, но хорошо отлаженные конспиративные ходы поддерживали с ним постоянные контакты, получали *наводки* на кавказских воротил, делились с покровителем по справедливости, что называется, «по закону».

Именно он и назвал Кулябко трех кандидатов для выполнения «особо тонкой работы». Так уж было заведено, что он, Асланов, не спрашивал о предмете работы, ибо в *кодле* существует свой, особый такт: надо будет сказать — скажут; не надо — ну и не возникай.

Кулябко же на сей раз запросил у своего приятеля не наемных налетчиков, чтобы пришить неудобного политика чужими руками, но людей, работавших по фармазонному делу. Киев, Волынь и Одесса издавна славились блистательными мошенниками. Именно здесь, на юге, в свое время блистал Николай Карпович Шаповалов, недоучившийся студент. После курса, прослушанного им в Страсбургском университете, выдавал себя то за профессора медицины, то за правозаступника, то за представителя «Лионского кредита». Надувши таким образом одесского помещика Лаврова, положил в карман без малого двести тысяч. Другой раз *работнул* киевского купца Схимкина, всучив ему заемных билетов лондонского банка на четверть миллиона, а билеты эти были напечатаны в маленькой типографии Василия Вульфа.

В отличие от других фармазонов, работавших *соло*, Шаповалов держал свою *школу*; ученики были ему бесконечно преданы — режь, ничего не откроют.

Одним из них был Игорь Афанасьевич Кузмин, с высшим образованием, ни дать ни взять товарищ министра. Работал в основном по спекуляциям зерном. Те играли рискованно, взвешивая цены на хлеб, постоянно думали о возможном крахе, а потому загода искали пути для помещения капитала в вечное — камни, западноевропейскую живопись, недвижимость на Лазурном берегу Франции. Кузмин продал несуществующий особняк в Ницце пермскому купцу Загвоздину, положил в карман девяносто тысяч. Учителю уплатил из них пятнадцать — да не оскудеет рука дающего!..

После двух встреч с Кузминым кандидатура его была отведена: в голове огромное количество блистательных комбинаций, но все настолько *торгово* по своей сути, настолько сориентированы на людей абсолютно свободных от каких-либо идейных позиций, что стало ясно — провалится фармазон: Богров парень головастый, вмиг разберется.

Отпала и Зоя Петровна Подкладкина, проходившая у Асланова по кличкам «Светозарова», «Ясная» и «Козочка». При том, что была обворожительна, умна, прекрасно образована, ее отличало одно досадное качество: невероятная скоропалительность решений. Как ни странно, именно это качество, казалось бы в ее профессии невозможное, обрело свою противоположность, а поскольку недостатки людей есть продолжение их достоинств, то Зоя Петровна научилась *доигрывать* свою скоропалительность до абсолюта:

— Вы пользуетесь тем страшным положением, в котором я оказалась... Боже мой, какое бессердечие... Но я надеюсь, вы найдете в себе остатки благородства? Молчите о сделке! Хорошо, я согласна на полцены, я не умею торговаться, долг чести на мне, поймите, только молю — ни слова, иначе мне вечный позор...

Купец получал граненую стекляшку вместо бриллианта, выкладывал несколько тысяч рублей, плакавшая очарованная смахивала деньги в сумку и уходила, играя раздавленностью и позор.

Кулябко посчитал, что Зоя Петровна не сможет проявить выдержки, бухнет раньше времени Богрову *задание*, не подведет его к этому, а постарается навязать — делу конец. Богров юрист, котелок варит.

Остановился на кандидатуре Шеколкина.

Решению этому предшествовало тщательное изучение от-

чета агента «Дымкина», отправленного к Богрову в Петербург после того, как тот передал фон Коттену записку о беседе с Егором Егоровичем Лазаревым. Заодно сообщил, что его посетил человек, представившийся другом «Николая Яковлевича», и в течение примерно пятнадцати минут расспрашивал о нынешней богровской позиции и особенно о том, готов ли он к активной революционной работе.

Хотя Богров, понятно, подтвердил свое желание работать «во имя борьбы с тиранией», друг «Николая Яковлевича» никаких заданий не дал, явки своей не оставил, запретил говорить кому бы то ни было, даже самым близким друзьям, о своем визите и пообещал найти, когда это потребуются в интересах «святого дела».

Для этого друга «Николая Яковлевича» истинно «святым делом» была служба у фон Коттена, сто двадцать пять рублей в месяц. Красиво выполнил операцию по проверке Богрова, не *шестерит* ли он. Естественно, он не мог предложить, что беседует с таким же, как сам, агентом охранки. Что с ним проводили такие же беседы другие агенты охранки, считавшие, в свою очередь, его эсеровским нелегалом или эмиссаром анархистов...

Фон Коттен ничего не сообщал Кулябке об использовании Богрова в работе против эсеров.

Тем не менее Кулябка знал о своей агентуре все, благо Спиридович сидел в Царском.

Кулябка рассчитал и дальше: пусть Богров уедет за границу, пусть там поколобродит, тогда и придет время для главной работы.

В работе главное — поспешать с промедлением

От Ниццы до Сан Поль де Ванс дорога была ужасна, размыта январским дождем; экипаж заносило то вправо, то влево, возница ругался по-испански до того витиевато, что, казалось, он не знает никаких других слов.

...Богров легко нашел ресторантик, про который ему сказали по телефону. Сел к окну, по которому наперегонки, будто слезы, катились быстрые струйки дождя. Положил перед собою, как его и просили, книгу Жорж Санд. Заказал кофе и только после этого осмотрелся: у стойки беседовали два местных крестьянина, разливали вино из бутылки темного стекла; вино было розовым, цвет его казался противоестественным в этом хмуром мире, где дождь и низкое серое небо, где все пронизано сыростью.

Богров достал из кармана часы-луковицу «Павел Буре», посмотрел на стрелки.

Щеколдин опоздал на две минуты. Сел за столик у входа, где стояла вешалка, заказал себе спagetти по-неаполитански, полбутылки «роз» и крестьянского сыру. Лишь после этого оглянулся, задержал взгляд на книге Жорж Санд.

— Не откажите в любезности глянуть на ваш томик, — спросил он, — я — книголюб, этого издания не видел.

— Парижское издание, — ответил Богров словами пароя, — с прелестными иллюстрациями художника, мне неизвестного.

Поднявшись, он взял свой кофе, книгу и пересел за столик к Щеколдину.

— Заждались, — хмуро улыбнувшись своей скорбной, располагающей улыбкой, сказал Щеколдин, — я замещаю в боевой организации «Николая Яковлевича», в его отсутствие обращайтесь ко мне именно так: «Николай Яковлевич»...

— Хорошо.

— Как отдыхаете?

— Я не отдыхаю, Николай Яковлевич, — ответил Богров. — Сейчас не время для отдыха, сейчас время для раздумья, для того, чтобы принять решение, окончательное для каждого честного человека решение.

— Будто в Петербурге нельзя думать. Или в Киеве... Ваш отец, кстати, сколько зарабатывает в год?

— Много.

— Это не ответ, товарищ Богров.

— Более пятидесяти тысяч, кажется.

Щеколдин знал от Кулябки, что Григорий Григорьевич Богров зарабатывает чуть менее двухсот тысяч, и Богрову-сыну это известно, он несколько раз выполнял посреднические функции по оформлению сделок.

— Как он относится к вашей революционной деятельности?

— Резко отрицательно.

— А ваш патрон Кальманович?

— Он не знает толком о том, что я думаю.

— Но ведь он помогает нашим товарищам?

— Это вполне легальная помощь, он ведет политические процессы, вам это известно лучше, чем мне.

— Он вам не родственником ли доводится?

— Десятая вода на киселе.

Щеколдин отметил и эту ложь Богрова.

— А разве Фриду Розенталь он не у себя прятал? — ударил Щеколдин. — Помните, из летучего боевого отряда?

— Первый раз слышу.

Фриду Розенталь выдал охранке Богров; девушка повесилась в Акатге после того, как была изнасилована тюремщиками.

— Что ж, значит, товарищ Кальманович настоящий конспиратор, — заметил Щеколдин. — Он не посвящает вас в свои дела. А может, у него есть основания не доверять вам?

Богров ответил не сразу: он не решил еще, как поступить — обидеться, сыграть недоумение или пустить в ход свое обаяние и юмор. Обижаться нельзя: вдруг Николай Яковлевич поднимется и уйдет? Тогда коронная его комбинация с вхождением в боевую группу провалится. Недоумение не *прозвучит*, боевик — люди однозначные, они шуточек не принимают, это с Кулябкой можно играть, охранка сентиментальна, агента бережет!

— Куда уж доверять мне, — усмехнулся Богров, остановившись на «версии юмора». — Жид крещеный что конь леченый, горя не хлебал, побегов с каторги не имею...

— Вы плохо ответили, — сказал Щеколдин. — Не рекомендую вас достойные товарищи, я бы мог заподозрить в вас двойное дно.

Богров дрогнул, но сдержался:

— Что вы подразумеваете под «двойным дном»?

— То самое, — еще круче нажал Щеколдин.

— Вы не имеете права оскорблять меня такого рода подозрением.

— Ответьте мне, — словно не услышав обиду Богрова, гнул Щеколдин, — при каких обстоятельствах была арестована киевская группа анархистов, интернационалистов-коммунистов во главе с товарищами Родиным и Нечитайло?

— Я думаю, их выдал провокатор.

Выдал их он, Богров. Именно поэтому вариант ответа у него готов, выверен интонационно, мотивирован.

— Вы были членом группы?

— Да.

— Значит, вы знаете всех, кто входил в организацию?

— Почти. За полгода перед провалом мы разбились на пятерки.

— У вас есть подозрения?

— Нет.

— Кто избежал ареста?

— Я, в частности.

— Чем вы это объясните?

— Благородством моих товарищей, никто не назвал меня.

— Кого еще не взяли?

— Не знаю... Точно, во всяком случае, не знаю... Кажется, два человека из пятерки Нечитайло ушли благополучно за границу.

— Их имена вам неизвестны?

— Нет.

— У вас в организации было обговорено заранее, чем карается предательство?

— Нет... Это, по-моему, само собою разумеется...

Щеколдин покачал головой:

— Отнюдь. Товарищи социал-демократы ограничиваются тем, что оповещают в своей прессе о провокаторстве открытого ими агента охранки... Мы караем измену смертью... Вы знаете об этом?

— Я слышал... Но Азеф жив, Николай Яковлевич.

— Татаров не ушел. Лысков не ушел. Потапчук не ушел. Гринберг не ушел... Азеф не спрячется, вопрос времени... Вы, кстати, готовы к тому, чтобы в случае, если мы примем ваше предложение о терроре, подписать добровольное обязательство казнить провокатора, коли возникнет нужда?

— Конечно.

— Как, по-вашему, товарищ Богров, кто сейчас в России является самым главным врагом революции?

— Столыпин.

— А отчего не царь? — медленно спросил Щеколдин. — Бойтесь поднять руку на помазанника божьего, Дмитрий Григорьевич?

— Я... Я не боюсь...

Щеколдин откинулся на спинку стула:

— Вы готовы на смерть, товарищ Богров, или думаете, что вам удастся избежать ареста после центрального акта?

— Конечно, я мечтал бы избежать ареста, Николай Яковлевич, не смею лгать... Но, думаю, коли чаша смерти уготована... Я найду в себе силы испить ее достойно.

— Почему вы назвали Столыпина, а не царя?

— Потому что Столыпин — ключевая фигура нынешней власти.

— И вы готовы к тому, чтобы убить его?

— Да, если партия социалистов-революционеров возьмет этот акт на себя, научит меня действию, организует слежение за премьером, выделит мне помощников и руководителя, продумает вопрос возможного спасения...

— Партия не приемлет такого положения, при котором ей ставят условия, товарищ Богров. Определенное «да» или «нет».

— Я ведь сам искал вас, Николай Яковлевич, я сам просил Егора Егоровича устроить мне встречу с вами...

— Молодость, порыв, желание революционного эффекта, всяко бывает... В казино играет?

— Ни разу...

— Зря. Сегодня в девять встретимся у входа... Успеете добраться до Монте-Карло?

— Конечно.

— Хорошо... В десять... Меня не ищите, сам вас найду.

...Он успел к девяти, постоял у входа, освещенного ярким светом газовых фонарей. Николая Яковлевича не было. По-прежнему моросил дождь, словно бы процеженный сквозь сито. Воробьи, однако, гомонили совсем полетным, как в мае на Крещатики. Пошел через мокрый парк к кафе, заказал перно, выпил, не разбавляя водой, ощутил во рту вкус и запах мятных капель, — как только можно хлестать такую гадость с утра и до вечера?

«Откуда он узнал про выдачу Рощина? — в который уже раз спрашивал себя Богров, наново анализируя разговор с Николаем Яковлевичем. — Они ничего не могут знать, я говорил только с Кулябко, рапорта в тот раз не писал, дело было срочное, вечером я рассказал, где будет сходка, а ночью всех взяли. Если бы возникло подозрение, оно бы родилось тогда, три года назад. А я потом встречался с Рощиным, после его побега, он по-прежнему верил мне. Нет, нет, у них не может быть подозрений. Кулябко говорил, что если он узнает об опасности, грозящей мне от «товарищей», сразу предупредит... Если я доведу операцию с проникновением в террор, я стану первым в политическом сыске, Кулябко прав. Хотя нет, это будет мое дело с фон Коттенем, а не с Кулябко. Жаль, Кулябко более искренний человек, в нем нет барства, а Коттен все-таки сноб, хозяин...»

Богров даже голову втянул от ужаса, когда ощутил у себя на плече тяжелую руку; стремительно обернулся: сзади стоял Щеколдин в мокром реглане; лицо доброе, глаза светятся улыбкой.

— Пошли, Дмитрий Григорьевич, простите, что опоздался, глядел, не топают ли за вами, тут ведь охранка тоже работает... Вы, к счастью, чистый, а для нашего дела сие самое главное.

До казино добрались быстро. Щеколдин не произнес ни слова. Умел давить не столько словом, но молчанием, сосредоточием, паузой.

Купив жетонов, Щеколдин спросил:

— У вас сколько с собою?

— Пятьдесят франков.

— Отец не субсидирует?

— Мне неприятно брать его деньги...

— Отчего?

— Покуда народ в нищете, стыдно барствовать.

— Барствуют иначе, Дмитрий Григорьевич... Покупайте жетоны, я хочу поглядеть вас в деле...

Они прошли в зал. Было здесь сумрачно, низкие зеленые абажуры высвечивали одно лишь изумрудное сукно рулеток. Вокруг каждого стола толпились люди. Все вроде бы и молчали, однако в огромном зале слышался постоянный тревожный гул голосов, будто на бирже, за момент перед тем, как начаться бум. Крупье восседал возле каждого стола, как на троне, расставлял по номерам жетоны.

Щеколдин протолкался к тому столу, где ставки были самые высокие, минимальная — двадцать франков. Три игры наблюдал — лицо каменное. Один только раз глянул на Богрова, когда дама с серебряными кудряшками сняла выигрыш, что-то около двадцати тысяч.

Когда до начала шестой по счету игры осталось не-

сколько мгновений и большинство ставок было сделано, Щеколдин сказал Богрову:

— Поставьте все свои деньги на цифру «четыре».

— Здесь я не выиграю, каждый живет своей методой.

— Так я не держу вас, идите к любому столу...

Богров отошел туда, где игра начиналась с пяти франков, а не с двадцати, и сделал сразу десять ставок. Щеколдин понял, играет давно. Лгал, будто ни разу не был в казино. Выиграл семьдесят франков, сел на освободившийся стул, достал из кармана блокнотик и карандаш, начал записывать те номера, на которые падали выигрыши. Так только профессионалы себя ведут. Дилетанты быстро проигрываются и отваливают восвояси, лишь мастак норовит выстроить схему.

Щеколдин видел отстраненное лицо Богрова и стремительные глаза, алчно следившие за бегом шарика.

«Костистый мальчик, — подумал Щеколдин, — ухватистый. Врет красиво, уверенно; внутри у него сомнения нет. Живет собою. Челюсти крепкие, но запутать его можно, слишком высоко о себе думает. А на донышке страх».

Богров выиграл еще два раза, снова по мелочи, потом собрался еще более, спружинился весь, начал кусать заусеницы, сделал крупную ставку, ошибся на одну цифру, проиграл и лишь после этого начал искать глазами Щеколдина: подошел к нему.

— Дайте в долг до завтра, Николай Яковлевич.

Щеколдин вытащил из кармана толстую, нескитанную пачку денег, протянул Богрову молча.

— Я должен вам четыре тысячи, — сказал Богров. — Когда нужно вернуть их вам, Николай Яковлевич?

— Не к спеху.

— Это долг чести, я не могу...

— Можете, — убежденно сказал Щеколдин. — Пить будем?

— Я бы выпил.

Они зашли в кафе, Щеколдин заказал водки «Смирнофф», официант, конечно же, не понял, принес две рюмашечки по тридцать граммов, Щеколдин несколько раздраженно дважды повторил:

— Бутылку, я прошу бутылку, понятно, бутылку!

По-прежнему раздраженно, проводив взглядом официанта, Щеколдин сказал:

— Мне этих паршивых денег не жаль, Дмитрий Григорьевич, мне жаль другого — вы мелко играли. Вы нервничали, вон даже на мизинце до крови кожу отгрызли... А ведь казино — шуточный риск в сравнении с нашим делом... Вы нравитесь мне, в вас есть задор и ум. Но, прошу, подумайте еще, время пока есть, в какой мере вы готовы к делу? После того как вы скажете «да» и узнаете объект, против которого надо будет работать, отказ выполнять приказ, уклонение от дела означает для вас смерть. Только поэтому я и повторяю вам: думайте, у вас еще есть время. Не скажу, чтоб много, но есть.

«А ведь я так и пропасть могу, — понял вдруг Богров. — Не заиграться бы... А что значит, вообще-то, заиграться? Этот итальянец, который сегодня снял банк в казино, играл ведь, но не заигрался? Почему? Фатум? Или был в сговоре с первым крупье, которого потом заменили? Какой смысл тогда было оставлять деньги на «четверке» в третий раз? Просто он знал, что будет выигрыш, он был над игрою, над нами, мелочовками, он делал главное дело жизни, его ж теперь все узнают, это поболее, чем вклад в банк...»

— Теперь, — усмехнулся Щеколдин, — этого синьора Энрике Грасиани вся Европа узнает, завтра же в газетах раструбят.

Богров дрогнул — так Щеколдин угадал его мысль.

— Да, память многого стоит.

— Она стоит всего, — подтвердил Щеколдин.

— Я думал о том же, — невольно признался Богров.

— Вы правы, человек, который сможет казнить Столыпина, станет главным человеком мира в двадцатом веке.

— Как мне найти вас завтра, Николай Яковлевич?

— Никогда не задавайте такого вопроса, — отрезал Щеколдин. — Никогда!

Официант поставил на стол бутылку водки, недоуменно поглядев на человека, заказавшего столь огромное количество алкоголя, пожелал хорошего вечера и поинтересовался, что будут заказывать себе гости на ужин.

— Спагетти, — ответил Щеколдин; Кулябко проинструктировал его: максимум скромности в трапезе на себя, щедрость по отношению к Богрову. — Мне — спагетти, а моему другу дайте самое вкусное из того, что у вас есть.

— Мы можем предложить великолепную мерлусу с лимоном, это наше фирменное.

— Хотите мерлусу с лимоном, Дима? — спросил Щекоткин, точно определив время, когда можно было переходить на дружество, отбрасывая отчество.

— О, спасибо, но это здесь ужасно дорого, я с удовольствием съем, как и вы, спагетти.

Тем не менее Щекоткин попросил принести мерлусу, разлил водку, чокнулся с Богровым и сказал:

— Дима, пока еще о вашем предложении знаю один лишь я, но не знает ни Виктор, ни Абрам... Лучше откажитесь, вы еще слишком молоды, мне, говоря честно, жаль вас...

Виктором был Чернов, вождь партии социалистов-революционеров, Абрамом был Гоц, брат погибшего Михаила, подвизник террора.

Кулябко инструктировал: «Главный козырь, имена вождей, выбрасывайте в конце, когда Богров устанет. Это будет лучшая проверка. По тому, как он среагирует, вы поймете его затаенные мысли».

И снова Кулябко оказался прав, потому что Богров спросил:

— Я увижу их перед началом дела?

— Вы увидите их потом, Дима, когда вернетесь сюда... Я спрашивал вас, готовы ли вы на смерть во имя нашего дела... Человек, который совершит ту *работу*, обязан остаться живым... Нашему движению нужно живое знамя... Скажите, Дима, вам хочется славы? Погодите, не торопитесь ответить мне, я очень боюсь услышать ложь, я боюсь ощутить неискренность... Скажите мне, обдумавши вопрос, ответьте честно, испеляюще-честно, как и надлежит говорить революционеру-террористу...

Богров кашлянул, чувствуя в себе остро вспыхнувший страх. «Меня затягивает, — понял он, — этот человек может затащить в такую пучину, откуда уж выхода не будет. Такой убьет, узнай про меня правду. У него иногда глаза останавливаются, как у маньяка».

Но, помимо его воли, словно бы кто-то другой, очень маленький и слабый, неуверенный в себе, быстрый, как зверек, алчущий ласки человека, ответил:

— Я не стану лгать, Николай Яковлевич, я испытываю ужас перед молчанием могилы, перед вечной недвижимостью, перед крышкой гроба и гвоздями, которые прожалеют, покроются черной плесенью... Да, я боюсь этого, а потому уловаю на память... О тех, кто отдает себя на алтарь революции... На ее кровавый, ужасный алтарь... Но я не могу и не хочу быть слепой пешкой в руке незведомых мне мастеров борьбы, против этого восстает мое существо. Я готов на все, но как равный! Как равный!..

— Сколько времени вы еще думаете пробыть в Ницце?

— Я изнываю здесь от тоски и одиночества.

— Научитесь отвечать на вопрос однозначно, Дима. Итак, сколько времени вы можете прожить здесь?

— Сколько потребно делу.

— Хорошо, этот ответ меня устраивает.

Щекоткин снова разлил по рюмкам, выпил не чокаясь: потер лицо, улыбнулся своей внезапной, располагающей улыбкой:

— Мне пора. Пейте, Дима. Вы весь издерганный, выпить как следует — единственный способ прийти в себя...

Долго запрягаем, но зато едем быстро!

На рауте у британского посла Курлов облобызался со старым знакомым — греческим генеральным консулом (не иначе как белгий армянин, слишком уж горазд по-русски), легко и достойно прокомплиментировал жене бельгийского посланника (действительно, душка, и глазенки умные), а затем, когда гости постепенно разбились на группы по интересам, присоединился к Триполитову и Дмитрию Георгиевичу Беляеву, тузам питерской и московской биржи. Триполитов, однако, торопился на день ангела к дочери, пригласил Курлова на свой островок в заливе. Посулив поразительную рыбалку, посетовал на то, что министерство внутренних дел до сих пор тянет с ответом на поправки к проекту по страховому вопросу, а рабочие из предпринимателей жилы тянут. С тем откланялся.

Беляев и Курлов отошли от стола, уставленного довольно скромными яствами (британцы вообще щедростью не отличались, особенно коли было загода известно, что не пожалует никто из членов августейшей фамилии. Правда, всегда вдовсталь прекрасного эля и джина), устроились возле широкого окна и, обсмотрев друг друга наново, рассмеялись.

— Кто начнет? — спросил Курлов. — Готов отвечать за моих волынщиков, я в курсе страхового вопроса.

— Ах, да при чем здесь страховый вопрос? — ответил Беляев. — Я что-то не возьму в толк, куда вообще дело идет, Павел Григорьевич?

— То есть как это так «куда»? — удивился Курлов. — По обычному нашему пути, Дмитрий Георгиевич, в никуда!

— За такие слова ваши молодчики в участок отволокут.

— Они у меня знают, кого волочить, а кому благодарность принести за скорбь по государеву делу... Давайте от души...

— Ах, милый Павел Григорьевич, когда шеф российских жандармов предлагает высказаться от души, сразу начинаешь вспоминать знакомых в Восточной Сибири... — Беляев поманил лакея, тот сразу же подлетел с джином, наполнил высокий стакан, принес льда, лимона и содовой, намешал *пойла*, отпорхнул бесшумно. — Биржа пока стоит, — попробовав лесной влаги, продолжил он, — и вроде бы ничего трагического нет, но коли влезть в толщу проблемы, страшно делается...

— Что вы хотите, аграрная страна, — вздохнул Курлов, — некое врожденное отталкивание всего, что связано с машинной техникой...

И не хитрите, Дмитрий Георгиевич, не стесняйтесь называть вещи своими именами. Мы во всем повинны, мы! Санкт-Петербург! Кабинет министров! Мы боимся поломать привычное, обидеть губернаторов, потерять опору на местах, мы, Дмитрий Георгиевич, норовим удержаться все, как было, да невозможно сие, никак невозможно!

— Это вы говорите, Павел Григорьевич, а не я! — улыбнулся Беляев. — Я лишь так думаю, а вот революционеры на этом строят свою пропаганду! Неужели и дальше так будет, неужели мы и впредь будем жить по-азиатски?!

— Именно так и будем жить! Именно так!

— Тогда ждите краха. Биржу не обманешь, цена — она и есть цена, приказом ее не поправишь! Объясните мне, отчего все так?! Отчего?

— Будто сами не понимаете...

— Понимал бы — не спрашивал, Павел Григорьевич!

— До тех пор, — скрипуче сказал Курлов, — пока кабинет возглавляет человек, сделавший ставку жизни на представителей одного лишь аграрного класса, не ждите никаких изменений... А вы только по углам шепчетесь, а мне секретная информация о вашем недовольстве приходится, и оседает эта информация в пыльных шкафах, наверх не идет, кто ж на самого себя станет бочку катить?!

Беляев невольно оглянулся; Курлов захохотал:

— Нашего уха боитесь? Пока я в *лавке* — не беспокойтесь, но я там невечен. Мой патронаж промышленному делу известен. Пока могу — оберегаю вас, но ведь невечен я, Дмитрий Георгиевич, невечен и бесправен, коли называть вещи своими именами.

— А мы? Задавлены министерствами, беззаконием, инерцией страха, дремучими традициями... Что мы можем, Павел Григорьевич?

Курлов молчал, но не глухо или неприязненно, а будто приглашая, подкаказывая: «А ты спроси совета, спроси, я отвечу».

И Беляев спросил:

— Как надо поступать нам, пока еще можем, дабы помочь делу в империи?

— Газеты в ваших руках, Дмитрий Георгиевич, они — сила. Неужели нет у вас толковых людей, которые так же, как мы с вами, радуют о судьбе державы? Пусть бабахнут от души! По мне, по министерству промышленности пусть, по...

Беляев понял сразу.

— Вот, вот... Его-то трогать ни-ни! Цензура не пустит.

— А ум зачем? У нас все между строк читать горазды, мы не Англия, где премьера допустимо в статье ослом называть. И не медлите! Иначе вскорости стукнет, да так, костей не соберете!

— Славный разговор получился, — посетовал Беляев. — Только вот беда: когда в другой раз поговорить?

— Понадобится, звоните к доктору Вадмаеву, я у него лечусь, сведет... И не ведите вы все, бога ради, разговоров при секретарях, они ж на содержании у нас! Мало вам клубов?

— Там тоже, — вздохнул Беляев. — Гучков сказал, в Английском клубе все лакеи — от вас, *освещают* октябристов, меня в том числе.



— Ну уж и «все!» — улыбнулся Курлов. — Вы нашу мощь не преувеличивайте, себя особенно не пугайте, мы тоже по смете живем, она не бездонна... Но вообще-то верно, освещают октябристов. Указание премьера! Составьте-ка вы, покуда еще не поздно, записку о положении в промышленности на высочайшее имя. И называйте вещи своими именами: да, именно правительство совершенно не радеет об индустриальном деле, да, именно исполнительная власть никак не думает о стратегии промышленного развития империи, до сих пор своих рельсов не жвзает, станки волочим из-за моря, швейную машинку и ту не умеем произвести...

...Через два дня Вадмаев сообщил: зашевелились; Беляев, будучи человеком высокотогровым, никому и ни словом не обмолвился, от кого пришла идея; готовит бочку против кабинета министров; пошел шорох: «Столыпин засиделся, помердик, не понимает нужд промышленности. Урок японской войны доказал — без стали и железных дорог армия обречена на разгром. Пора менять. Называют фамилию преемника — Александр Иванович Гучков. После столыпинского ультиматума ушел в отставку с поста председателя Государственной думы. Затаил обиду на бывшего друга, а человек большой силы и мужества. Этот может повести за собою кабинет...»

«Ну и хитер, проказник!»

Ощущая кожей, что Спиридович и Кулябко могут вести свою игру, не посвящая его в тонкости дела (чему Курлов был отчасти и рад), понимая, что задуманное, видимо, невероятно рискованней, чем все покушения, совершенные до сих пор на политических деятелей России (не без ведома, а порою и не без помощи охраны), генерал пришел к выводу, что в данном эпизоде необходимо обеспечить себе такого рода страховку, которая стала бы в случае нужды абсолютным для него, именно для него, вислоном.

Поэтому, тщательно просмотрев материалы, связанные с исследованием обстоятельств убийства великого князя Сергея Александровича и Плеве, в которых был замешан сотрудник охраны Азеф, с экспроприациями, проведенными Рыссом-старшим, агентом киевской охраны, человеком Кулябки; с взрывом на конспиративной квартире петербургского охранного отделения, во время которого агентом охраны Петровым был подорван полковник Карпов, генерал написал строго доверительное и сугубо личное письмо Столыпину, передав при этом одну копию Дедюлину, а вторую — заложил в дела Особого отдела под грифом «совершенно секретно».

Смысл этой записки сводился к тому, что следует е-

мым серьезным образом ревизовать агентуру охранных отделений, рекрутированную из числа бывших политических преступников.

Нападки на полицию, звучавшие даже в Государственной думе, злобная клевета, публикуемая в эмигрантской революционной прессе, — писал Курлов, — не могут, милостивый государь Петр Аркадьевич, не вынудить нас к тому, чтобы в самое же ближайшее время, во всяком случае до поездки венценосной семьи на торжества в Киев, напечатать в тех газетах, которые получают средства из нашего секретного, рептильного фонда, ряд материалов про то, что отныне чинам полиции предписано руководствоваться качественно новыми мерками при привлечении сотрудников для борьбы с революционным движением. Лишь люди, искренно преданные делу Престола, могут быть сотрудниками охраны; лица, доказавшие делом, всюю своей нравственной структурой, верность незлыблемым принципам Православия, Самодержавия и Народности».

Засадив такого рода пассаж, Курлов не сомневался, что Столыпин, вызвав его, не преминет заметить, что он, мол, не намерен бороться с революцией в белых перчатках...

Курлов помнил, с каким обостренным интересом премьер читал рапорты Азефа; он, Курлов, помнил, как Столыпин, прихлопнув ладонью папку с рапортом сотрудницы Петроградской охраны Шорниковой, сделавшей провокацию на квартире депутата Озола, отвалился на спинку кресла и сказал:

— Конец Второй думе! Хорошая работа!

Курлов помнил, как сыграл Столыпин в Думе после этой провокации. Поднявшись на кафедру дворца, бледный до синевы, он говорил с верою, прочувствованно, от всего сердца, несмотря на то, что знал всю правду о провокации Шорниковой, сам ее задумал и санкционировал:

— Господа члены Государственной думы! Я считаю своей обязанностью, как начальник полиции в государстве, выступить с несколькими словами в защиту действий лиц, мне подчиненных. Насколько мне известно, полиция получила сведения, что на Невском собираются центральные революционные комитеты, которые имеют сношения с военной организацией. В данном случае полиция не могла поступить иначе как войти в эту квартиру и в силу власти, предоставленной ей, произвести обыск. Не забудьте, что Петербург находится на положении чрезвычайной охраны и что в этом городе происходили события чрезвычайные. Таким образом, полиция должна была, имела право и правильно сделала, что в эту квартиру вошла.

Рисунки Валерия Чумакова

Продолжение на стр. 28.

Лауреат премии Ленинского комсомола поэт Николай Дмитриев вырос в деревне, отсюда ушел служить в армию, а после вернулся в сельскую школу учителем. Вот почему поэзия



Н. Дмитриева так органично связана с тихим среднерусским пейзажем, неспешным деревенским бытом, вот почему так слышны в ней отголоски протяжной крестьянской песни.

**Николай Дмитриев,
лауреат премии Ленинского
комсомола**

*

Успокойся, трудное сердечко,
Вспомни в толкотне и суете:
Ножиком скобленное крылечко
Дождиком пропахло в темноте.

Я расту, как надо, — по спирали,
Но в минуту эту или ту
Тихо улыбнусь, что не украли,
Ни крыльцо, ни дождь, ни темноту.

Ничего года не умыкнули,
И туда лишь только загляну —
Словно у гитары ущипнули
Самую вечернюю струну.

И Земля, наверно, не взорвется
И продолжит величавый путь,
Ибо каждый под луной и солнцем
Из такого помнит что-нибудь.

*

Худо мне. Вспомню далекое, хрупкое:
Непогодь. Сани, солома дворов.
Кроет зима то дождями, то крупкою
Шесть кубометров учительских дров.

Ходит техничка по дворику
школьному
С даром Валдая в озябшей руке,
Значит, последний окурку
подпольному
Я поцелуй подарю в закутке.

Дальше — привычное дело артельное,
Падают кляксы, и крошится мел,
Тянется в форточку небо कुдельное,
Я восхищаться тогда не умел.

Просто под этой ненастной поневою
Многого я для себя не просил,
Были мне счастьем стволы окуневые
Пахнувших тающим снегом осин.

Трудно вбивали в нас чувство
прекрасного,
Только само прорастало оно
Даром Валдая ли, строчкой
Некрасова,
Низким ли небом — не все ли
равно?

Масленица

Золотые, нежные,
В масло влюблены,
С колесо тележное
На столе блины.

Кочерга старинная
Прыгает в огне,
Папоротник инея
Тает на окне.

Птицами над пламенем,
Очертив уют,

Ходят руки, плавают,
Солышки пекут.

Печка светит кафелем.
Вот и сам. Хорош!
Снеговые вафельки
Тают от подошв.

Ах подсесть бы близенько,
Взять хоть тот — комком,
С отстрелившим, сизеньким,
Горьким угольком.

Вот весну бы встретили
Вместе у огня!
Сел, да не заметили —
Ходят сквозь меня.



Рис. В. Мурзина

*

Не хочу я на века прославиться,
Не хочу я молодость вернуть —
Только с этой женщиной состариться
Дай на этом свете кто-нибудь.

Одолжи на час мне сил атлантовых,
Чтобы все-таки пробиться к ней
Сквозь толпу родимых, и заплаканных,
И добра желающих людей.

Неземное подари мне мужество
Взгляд от взглядов этих отвести,
Расколоть их горькое содружество
И аллеей вздохов проползти.

Странно обернутся им их тяготы,
Если вдруг увидят на беду,
Как я рву заснеженные ягоды
Той любви в завьюженном саду.

Как целую мерзлое мгновение,
Прошлое клянчу житье-бытье.
Я б дождался их благословения,
Но уже старею без нее.

А она вовеки не состарится,
Молодость свою во мне храня.
Так пускай любимая останется
Юной за себя и за меня.

Под утро

Простите, Стожары, Капелла
и Вега, —
Все то, что на поле и в небе горит,
Я не был готов к появлению снега —
Проснулся несобран, несвеж и небрит.

А надо бы с вечера верить и чужая,
Учуяла ж в сумерках белая пещь,
Что миг этот скоро, что мир этот
чужден,
Но в сердце простое непросто сберечь.

Светло, хоть луна за холмы
закатилась,
Стою на крылечке, а поле сплит,
А вдруг это детство ко мне
закатилось,
А я не готов — и несвеж, и небрит!

Пустая надежда! Мне хочется
плакать —
Таким незабытым наносит сюда.
Ты что же так влезала, осенняя
слякоть,
Да нет, не поверю, что ты навсегда!

Поэт

Погиб поэт не на дуэли,
Не критики его доели —
Покой, довольство и уют
Поэтов издавна жуют.

Его совсем легко обидеть,
Ему пришлось так долго ждать:
Терпеть, зависеть, ненавидеть,
Чтобы потом — держать и гнать.

Он продолжает издаваться —
Смотреть, дышать и обонять,
Преобладать, мелькать, являться,
И надо бедного понять.

Ему непросто и неловко,
И часто хочется курить —
Ему осталось, как издевка,
Уменье в рифму говорить.

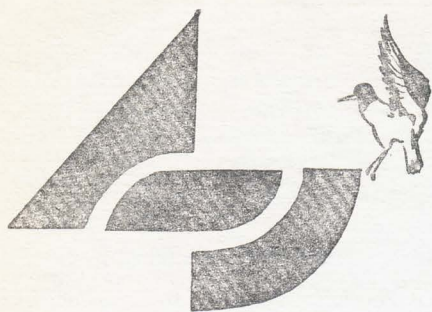
*

«Пиши о главном», — говорят.
Пишу о главном.
Пишу который год подряд
О снеге плавном.

О желтых окнах наших сел,
О следе санном,
Считая так, что это все —
О самом-самом.

Пишу о близких, дорогих
Вечерней темью,
Не почитая судьбы их
За мелкотемье.

Иду тропинкою своей
По всей планете,
И где больней, там и главней
Всего на свете.



СОВЕРШЕНСТВО

Ничто так не украшает женщину, как мужчина.

К. Мелихан.

Когда я вижу ее, во мне все замирает. Она — само совершенство. Все, до последнего штриха красиво и рационально.

Посмотрите на ее походку! На ее фигуру! Это тоже нелегко далось. Утренние пробежки зимой по парку, летом по набережной. Чтобы бежать зимой, нужна дорожка, очищенная от снега, а летом — политая водой, чтобы не было пыли. Все это так трудно!

Посмотрите, как она одета! Чтобы купить такие сапоги, нужно зарабатывать втрое больше, чем обычный конструктор. Для этого надо брать работу на дом, делать расчеты курсовых для нерадивых студентов, а утром, в роли дворника, разгребать снег. Вот что нужно сделать, чтобы купить такие сапоги. И она их носит!

Оцените ее дубленку! Вы видели когда-нибудь что-либо подобное? Чтобы иметь такую дубленку, надо в отпуск поехать в горы, устроиться там чабаном, получить за работу овечью шкуру, научиться ее выделывать, красить, шить, украшать орнаментом. Лишь так создаются подобные произведения.

Взгляните на ее шапку! Песец? Ну что вы! Это волк. Волк из тундры, убитый в тот период, когда у него самый красивый мех. Чтобы получить такую шапку, надо поехать в командировку на Север, научиться охотиться на волков, получить разрешение на отстрел, пройти по тундре пятьдесят километров за раненым зверем.

Заметьте, какой глубокий и умный у нее взгляд! Это тоже далось не сразу. Трудно, ох трудно поднимать интеллектуальный уровень. Пришлось

по ночам вслух читать классиков, а затем и современников. Это очень тяжело.

И вот теперь она такая, какой вы ее видите. Само совершенство! Порчу впечатление только я, идущий рядом в своем куцем осеннем пальто, несмотря на холодную зиму. Конечно, она могла бы бросить меня, но... кто тогда расчитит зимой и польет водой летом дорожку для ее утренней пробежки? Кто поработает чабаном? Кто сразится с матерым волком? Кто каждую ночь будет читать ей классиков вслух? Кто? Нет. Меня бросить нельзя. Потому что, несмотря на свой неказистый вид, эту женщину украшаю я! Поэтому она со мной не расстанется. Если, конечно, я сам от нее не уйду, чтобы создать новое совершенство.



Рис. Б. Софрина

Конкурс «Сочинение на свободную тему»

Совет «Параллели», начиная конкурс «Сочинение на свободную тему», даже не предполагал, что любителей писать сочинения окажется так много. Невидимая невооруженному глазу борьба началась сразу же после объявления конкурса (№ 9 за 1983 год) и до сих пор не ослабевает.

Тактику каждый участник конкурса выбрал свою и строго ее придерживается. Одни присылают нам по 3—4 сочинения в неделю, другие ежемесячно шлют нам бандероли по 20—25 рассказов в каждой, да еще с уведомлением. Темисты тоже не дают о себе забыть, присылая целые рукописи собственной мудрости.

Тем не менее совет «Параллели» вынужден отметить, что количество материала пока не спешит перейти в качество. Мало кто из участников конкурса на сегодняшний день имеет больше 10 зачетных очков.

Поэтому, для того чтобы поставить лидеров в еще более сложное положение и, подчиняясь письменным требованиям большинства сочинителей, которым явобы времени не хватило, мы продлеваем конкурс еще на один год. Это означает, что последние материалы должны быть отправлены в редакцию не позднее 1 СЕНТЯБРЯ 1985 года.

Итак, совет «Параллели» от всей души желает всем участникам конкурса ни пуха ни пера!

Темы сочинений

Найти свое место в жизни легче, чем занять его.

Есть люди, которые всегда стоят на правильном пути, но поперек.

Г. Маинов

Нет такой силы, которая заставила бы меня отказаться от своих слабостей.

Жаловаться на нехватку времени — только время терять.

А. Анисенко

Олег Сосницкий

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Место ли в проблемной лаборатории тому, кто из всего делает проблему.

В. Воронцов

— Я согласен стать начальником нашей лаборатории, — выпалил прямо с порога младший научный сотрудник Розовенький, входя в кабинет директора.

— Вы это насчет вакансии намекаете? — удивился директор НИИ, взглянув на вошедшего.

— Да. Так и быть — назначайте! Все равно ведь больше некого.

— Как некого?! Я, честно говоря, рассчитывал на доцента Красикова — большой опыт, хороший специалист...

— Он все равно не согласится и найдет себе стопроцентное алиби. Сами посудите, до научных ли проблем человеку, когда он гараж строит?!

Директор призадумался, вспомнив собственную эпопею с гаражом:

— Допустим. А старший инженер Зеленухина? Чем она не подойдет — тоже достаточно опытна, машина есть, гараж тоже...

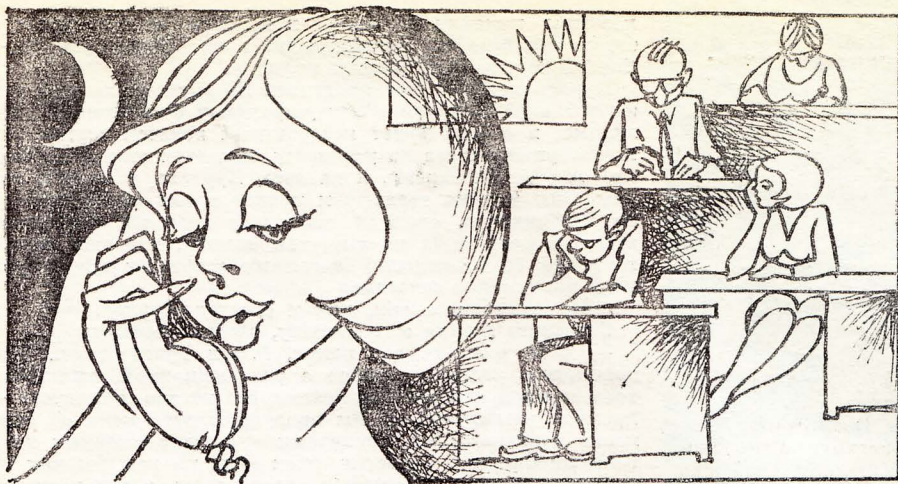
— Гараж-то есть, а вот мужа... Она в клубе «Кому за 30» уже ветераном считается.

Директор заволновался:

— Хорошо. А Чернопяттов?! Он, кажется, уже 25 лет как женат?

— Вы правы. Но у него защита на носу — ему сейчас подбросить руководство лабораторией все равно что кинуть гирию утопающему.

Директор разгорячился:



Лев Лайнер

ДОВЕРИЕ

Публика была разношерстная, по с интеллектом. Ну, знаете, такая, где не принято говорить Лейпциг, а принято говорить Ляйпциг.

Речь зашла о телефонах доверия.

И тут Сивцев вдруг говорит, что у него есть телефончик для особо избранных, и диктует номер.

Откровенно говоря, слова Сивцева были шуткой. Розыгршем, если хотите. Сивцев дал телефон своего бывшего школьного товарища Вити Канарева — человека робкого и, как теперь говорят в народе, некоммуникабельного!

На следующий день вечером девушка по имени Вера, которая была накануне в компании, решила позвонить по телефону, продиктованному Сивцевым, и услышала то, что слышат в подобных случаях:

— Алло?

— Ну а Баровкова? Чем она-то не подойдет?!

— У нее ремонт квартиры. Она хоть на работе имитирует бурную научную деятельность, а сама вся в кафеле, в голове финские обои, дубовый паркет, чешский «компакт».

— А ваш приятель Соловков?

— У него двойня родилась, капризничают посменно. У него сейчас каждая ночь хуже варфоломеевской. Перед ним одна жгучая проблема — как бы выплыть. Где же ему ее решать, как не на работе?

— А что ж у вас?

— У меня проблем нет. Молодой специалист, зарплата 120 — выходит, о машине смешно говорить, тем более о гараже. Живу в общежитии. Холост. Одним словом, в голове никаких вопросов, кроме научных.

Директор немного поразмыслил, потом встал и протянул руку Розовенькому:

— Убедили! Вы действительно

— Здравствуйте! — сказала Вера.
— Здравствуйте! — ответил на том конце провода грустный мужской голос.

— А к вам действительно легко дозвониться, — сказала Вера.

— Легко? Да, легко, — подтвердил Канарев и, набравшись смелости, спросил: — А вы кто?

— Насколько я знаю, вам обязательно называть мое имя и фамилию, — испуганно ответила Вера.

Помолчали.

— Вы хорошо молчите, — сказала Вера. — Сочувственно как-то.

— Спасибо, — поблагодарил Канарев.

— А у меня неприятности, — сказала Вера. — Дома, на работе и в любви...

— Вот как... — ответил Канарев. А что ему еще оставалось делать?

И Вера стала рассказывать, а Канарев слушать. Даю вам честное слово, что другое, а это он хорошо умел делать! Поэтому Вера рассказывала ему о себе до четырех часов утра. И так ей понравилось беседовать с Канаревым, что в заключение она даже спросила его:

— А можно, я вам завтра позвоню?

— Конечно, конечно, — торопливо ответил Канарев. Он был не просто человек робкий и некоммуникабельный, но еще и добрый.

А Вера подумала: «В самом деле, почему же нельзя? В конце концов он же на службе. Это его обязанность».

И что вы думаете? Вера стала звонить Канареву каждый вечер. И что интересно: не почти каждый вечер, а именно каждый вечер. Канарев слушал, давал советы, а Вера чувствовала, что вот-вот и ее душевный мир будет восстановлен. И вдруг...

...И вдруг Вера встретила Сивцева. И говорит ему, что, мол, спасибо Сивцев за телефон, мол, не знаю, как и благодарить.

А Сивцев отвечает, что не стоит благодарностей, поскольку упомянутый телефон был шутка-розыгрыш.

Вера бледнеет и целый день себе места не находит. А вечером она позвонила Канареву и сказала:

— Вы... вы обманули меня! Вы не телефон доверия. Я потеряла в вас веру!

— Но позвольте... — начал было робкий Канарев.

— Не позволю! — отрезала Вера.

И бросила трубку. Понятно, больше она Канареву решила не звонить.

Утром на работу Вера пришла невыспавшаяся. Как, впрочем, и в предыдущие две недели, что она разговаривала с Канаревым. Она села за стол и подумала, что, конечно, же, ее телефонный собеседник — бесцельный человек, но все-таки ей будет его недоставать. Кому она теперь доверит свои сокровенные тайны? Кому?

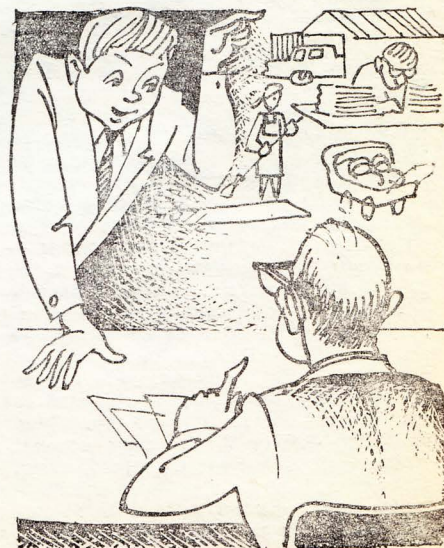
Она критически оглядела коллег. Марье Ивановне, которая заметно оживает только тогда, когда рассказывает о своем внуке? Павлу Степановичу, который считает серьезными неприятностями только поражения нашей сборной по футболу? Или этому печальному, робкому, некоммуникабельному субъекту по фамилии Канарев, который сидит напротив нее и вот уже две недели почему-то приходит на работу поматым и невыспавшимся?..

единственная кандидатура для проблемной лаборатории! Поздравляю! Сегодня же будет приказ...

Когда Розовенький возвращался в лабораторию, в нем уже трудно было узнать прежнего беззаботного молодого человека.

«Ну вот и кончилась моя спокойная жизнь, — подумал он. — Раньше только дела лаборатории были на уме, а теперь проблема кандидатскую готовить — на моей должности уже без нее нельзя. Потом все захотят меня женить, уверяя, что начальнику быть холостым неприлично, — еще проблема. Сразу же проблема квартиры появится, а за ней мебели, обоев, «компактов». А там «Жигули» захочется, опять-таки гараж — престиж надо поддерживать, быть на уровне...»

Он грустно вздохнул, взял авторучку и начал писать заявку завхозу на новый большой рабочий стол — это была первая проблема на новом месте.



ВЕРСИЯ-II



Продолжение. Начало на стр. 18.

В квартире оказались действительно члены Государственной думы, но, кроме них, были и посторонние лица: в числе тридцати одного эти лица были задержаны, и при них найдены документы, некоторые из которых оказались компрометирующими. Всем членам Думы было предложено, не желают ли они тоже обнаружить то, что при них находится. Из них несколько лиц подчинились, а другие лица отказались. Никакого насилия над ними не происходило, и до окончания обыска все они оставались в квартире, в которую вошла полиция.

На следующий день были произведены дополнительные действия не только полицейской, но и следственной властью, и обнаружено отношение квартиры депутата Озола к военно-революционной организации, поставившей своей целью вызвать восстание в войсках. В этом случае, господа, я должен сказать и заявляю открыто, что полиция впредь будет так же действовать, как она действовала.

...Поди не поверь таким словам премьера, пойдй выскажи сомнение, пойдй заподозри, что Петр Аркадьевич самолично читал подстрекательское воззвание к войскам, написанное под диктовку охраны ее провокатором и специально занесенное на квартиру депутата, обличенного правами «парламентской неприкосновенности»!

Все было разыграно как по нотам, Столыпин утвердил план провокации, в кармане уже лежал приказ на роспуск второй Государственной думы — как же иначе, коли депутаты «подметные письма» к войскам составляют?! Иначе никак нельзя, иначе поддавок, а не политика!

...Курлов, постоянно думая о версии своей защиты, сделал так, чтобы провокатор Екатерина Николаевна Шорникова, сработавшая эту операцию для Столыпина, была засвечена. Он посчитал, что сейчас еще рано начинать скандал, нужно определить точное время, это будет козырная карта против Столыпина. Мало ли что может произойти, — Петр Аркадьевич человек талантливый, глядь, снова войдет в фавор, выскользнет, — но будь он хоть семи пядей во лбу, общественность не сможет ему простить того, как он депутатов второй Государственной думы закатал в каторгу, заранее зная, что они ни в чем не

повинны, никаких воззваний к войскам не составляли, а то, что им клеили, сфабриковано в его святая святых — Особом отделе департамента полиции.

Курлов полагал, что провалить Шорникову следует также и в случае *нужного* ему устранения Столыпина. Тогда, видимо, в стране будет невероятный всплеск торжественно-траурных чувств по усопшему, кидаться станут на всех, кто отвечал за охрану, и на него, Курлова, в первую очередь. Вот именно тогда-то и придет время раскрутить дело Шорниковой, скандал получится громкий, Столыпину вряд ли простят (а не ему, так памяти, что еще лучше) того, как он совершенно безвинных депутатов хладнокровно и продуманно запеленал в каземат.

...Все получилось так, как и ожидал Курлов.

Столыпин вернул ему записку, пожав плечами:

— Я не очень-то вас понял, Павел Григорьевич... Или постоянное соприкосновение с революционной, антиправительственной прессой так прискорбно на вас действует? — премьер улыбнулся. — Вы предупреждаете меня об опасности использования офицерами охраны сломанных нами революционеров... Согласен, риск есть, но как без них работать? Крушить заведенное все гораздо, а где реальные предложения на будущее? Кого использовать в охранительной работе против революции?

Курлов вздохнул, скорбно улыбнулся:

— Значит, в архив?

— Не гневайтесь.

...Курлов радовался, какое там гневаться?! Операция, задуманная им, прошла великолепно, он себя подстраховал, уж он-то подстрахован отныне надежнее, чем кто бы то ни было!

...Дедюлин *ход* оценил, однако в оценку подробностей, как всегда, не вдавался: это так было заведено у них — пожалуйста, обсуждать *идею* я готов, а уж методы — не моего ума дело, это — исполнителям, кто помоложе, пусть себе шары крутят и про закон думают, им расти, а рост только одно гарантирует: результат, время и хороший, красивый шум!

Тем же вечером Курлов провел два легких, *пробрасывающих* разговора с друзьями своих коллег, знавших где сейчас скрывалась Шорникова: как от полиции Петербурга (ибо была внесена в розыскной список, являясь членом Военно-революционного комитета социал-демократов, «убежавшей» от ареста), так и от революционеров, начавших подозревать ее в провокации. Курлов легко и неназойливо порекомендовал передать в прессу, через пятые руки, *компро* на этого «коронного» столыпинского агента (всегда помнил ее псевдо, спрашивал: «Что от «Казанской»?»). Вот потешимся, вот удар, вот защита!

Однако самый свой дорогой документ, полученный прошлой ночью, Курлов даже Дедюлину не открыл.

Документ этого стоил: новые странички из тайного дневника графа Сергея Юльевича Витте:

«Дело о покушении на меня находится в моем архиве и в нескольких экземплярах в различных местах для того, чтобы на случай, если пропадет один экземпляр, остался другой, так как дело это характеризует то положение, в котором очутилась Россия во время управления Столыпина... Дело это, составленное из официальных документов, несомненно, устанавливает следующие факты: Казанцев — гвардейский солдат в отставке — был один из агентов охранного отделения, которых Столыпин именовал «идейными добровольцами», то есть такими лицами, которые занимались делами секретной полиции, охраной или убийствами тех лиц, которых они считали левыми и вообще опасными для реакционного течения.

Казанцев принимал участие в убийстве Герценштейна в Финляндии, совершенном агентами охранного отделения и агентами «Союза русского народа», который в то время слился с охранным отделением так, что трудно было найти, провести черту, где кончаются агенты секретной полиции, охранного отделения и где начинаются деятели так называемого «Союза русского народа», действующего в Петербурге под главным начальством доктора Дубровина, а в Москве — Грингмута, затем, после его смерти, протоиерея Восторгова.

Убийство Герценштейна произведено под главным начальством доктора Дубровина агентами полиции и «союзниками». Затем у главы «Союза русского народа» явилась мысль убить и меня. Об этом вопросе было обсуждение между главными «союзниками»; об этом, вероятно, знал и градоначальник Лауниц. Пресловутый князь М. М. Андронников, конечно, втерся в «Союз русского народа» и к Дубровину, и к Лауницу, и так как он у них узнал, что в случае если я возвращусь в Россию, то меня убьют,

то и дал мне телеграмму в Париж, чтобы я не возвращался*...

Секретарь доктора Дубровина Пруссаков, который затем раскорился с Дубровиным и дал показание судебному следователю, указал, что Дубровин говорил своим сотрудникам о необходимости меня убить и, главное, овладеть документами, которыми я обладал и которые находятся у меня в доме, что будто бы (чему я не верю) на необходимость уничтожить все находящиеся у меня документы имеется высочайшее повеление государя, ему переданное.

Таким образом, Дубровин очень интересовался и наускивал некоторых лиц на то, чтобы меня убить и овладеть моим домом или его разорить. Из следствия видно, что исполнение этой задачи взяли на себя не Дубровин и петербургские «союзники», а почли более удобным поручить это дело московским «союзникам», а Казанцева, который участвовал в убийстве Герценштейна, командировать для этого в Москву.

В Москве Казанцев поступил под главенство графа Буксгевдена, чиновника особых поручений при московском генерал-губернаторе, и сделался как бы управляющим его домом, хотя его домом, собственно, не занимался, а имел какую-то кузницу около Москвы, где, между прочим, и изготовлялись различные снаряды.

Таким образом, ясно, что петербургская боевая дружина, находящаяся в главном распоряжении Дубровина, не решилась совершить на меня покушение, боясь, что сейчас же будет открыта, и для отвода глаз это поручение передала в Москву. В дальнейшем главную роль играли: граф Буксгевден, чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе, и агент охранного отделения и вместе с тем член «Союза русского народа» и монархических крайних московских партий Казанцев.

Казанцев приобрел некоего Федорова; Федоров был искренним революционером, анархистом, хотя рабочим; по умственным способностям полукретин; затем другого рабочего, тоже крайне левого направления, Степанова.

Из Москвы экспедиция, состоящая из этих трех лиц, приехала в Петербург, остановилась в меблированных комнатах, находящихся близ Невского проспекта, в самом центре города. Затем, очевидно, Казанцев имел сношения и с здешними крайними правыми группами, а именно с Дубровиным, а также и с группой «Михаила Архангела»...

Эти лица, вероятно, адские машины получили от некоего Казаринова, поэтому Казаринов, интересуясь, какое разрушение произведут эти машины, и поселился против моего дома в меблированных комнатах.

29 января они через соседний дом Лидваля прошли, поднялись там на крышу сарая, с этой крыши пролезли на крышу моего дома, где помещаются кухни и людские, а оттуда влезли на крышу моего главного фасада и заложили адские машины; очевидно, они ожидали взрыва в 9 часов вечера, но взрыв не последовал. Так как взрыв не последовал, то из следствия видно, что на другой день тот же самый Федоров был отправлен к моему дому утром и должен был влезть опять тем же путем на крышу и бросить в эти трубы тяжесть, которая должна была разбить адские машины и тем произвести взрыв, но когда он подходил к дому, то его предупредил Казаринов, что все раскрыто, машины из труб вынуты, и эти лица с огорчением возвратились в Москву, причем Федорову и Степанову было внушено, что я должен быть убит по решению главы революционно-анархической партии, как крайний ретроград, который подавал революцию.

Приехавши в Москву, как показывает следствие, тот же самый Федоров под руководством Казанцева убил депутата первой Государственной думы и одного из редакторов «Русских ведомостей» — Иоллоса. Совершив это убийство, они изготовили бомбы и приехали в Петербург для того, чтобы бросить мне бомбу, когда я буду ехать по улице.

Из того же следствия видно, что в Москве всем этим руководил чиновник при московском генерал-губернаторе граф Буксгевден и что он, Буксгевден, когда Казанцев должен был совершить через Федорова мое уничтожение, приезжал в это время в Петербург.

Я Буксгевдена лично не знаю, по рассказу же бывшего

* Видимо, М. М. Андронников дал эту телеграмму с санкции Столыпина, чтобы воспрепятствовать возвращению в Россию графа Витте. — Примеч. авт.

московского генерал-губернатора Дубасова и его супруги, граф Буксгевден представляет собою на вид человека очень скромного, сам он состояния не имеет, но его жена имеет, и человек он более, нежели ограниченный.

Когда вторично приехал сюда Казанцев вместе с Федоровым и Степановым, то тогда уже была вторая Государственная Дума открыта, и Степанов сказал некоторым из членов Думы крайней левой партии о причинах, почему они приехали, и затем, как они убили Иоллоса.

Эта партия, крайняя левая, всполошилась и объяснила Федорову и Степанову, что они являются игрушками в руках черносотенцев, что Иоллос убит по постановлению черносотенной партии их руками. Казанцев уверил Федорова, что Иоллоса нужно было убить, потому что Иоллос похитил значительные суммы денег, которые были собраны на революцию.

Вследствие такого разоблачения Федоров решил убить Казанцева, чтобы отомстить ему за его обман. Поскольку было решено бросить мне бомбу, когда я отправлюсь в Государственный совет, то 29 мая они поехали недалеко от Пороховых начинать взрывчатим веществом бомбу, которую привезли с собою из Москвы. В то время когда Казанцев начинал эту бомбу, Федоров подошел к нему сзади и кинжалом его убил, прободав ему горло. Таким образом, бог спас меня и вторично.

Так как Казанцев был агентом охранного отделения, для меня несомненно, что все, что он делал, было известно и петербургскому охранному отделению, и «Союзу русского народа», и когда он был убит, то полиция сейчас же узнала, кто убит, тем не менее полиция сделала так, как будто убит неизвестный человек, и дала время, чтобы Федоров и Степанов могли скрыться, потому что, очевидно, если бы они были арестованы, то все дела были бы раскрыты, и было бы раскрыто, откуда было направлено покушение на мою жизнь.

Я знал, что правительство будет отказываться, что Казанцев есть агент охранного отделения, и поэтому старался иметь в руках к этому доказательство. Сколько раз я ни обращался к судебному следователю, но он по этому предмету не делал никаких решительных шагов.

Я написал письмо к главе правительства Столыпину 3 мая 1910 года, в котором ему изложил, в чем дело, выставил все безобразие поведения правительственных властей, как судебных, так и административных, указал на то, что при таких условиях естественно, что высшее правительство стремилось к тому, чтобы все это дело привести к нулю, и в заключение выразил надежду, что он примет меры к прекращению террористической и антиконституционной деятельности тайных организаций, служащих одинаково и правительству, и политическим партиям, руководимым лицами, состоящими на государственной службе и снабжаемыми темными деньгами, и этим избавит и других государственных деятелей от того тяжелого положения, в которое я был поставлен.

Как первое письмо, так и ответ Столыпина, и второе письмо, обсуждались в совете министров. Через некоторое время после моего второго письма я получил краткий ответ от главы правительства, в котором он меня уведомляет, что, мол, он докладывает мою просьбу о поручении расследовать дело кому-нибудь из сенаторов, что его величеству благоугодно было самому этим делом заняться и что, рассмотрев все дело, его величество положил резолюцию, что он не усматривает неправильности в действиях ни администрации, ни полиции, ни юстиции и просит переписку эту считать поконченной.

Само собой разумеется, что его величество ни по своей компетенции в судебных делах, ни по времени, которое он имеет в своем распоряжении, не мог рассмотреть и вникнуть в дело, и эта резолюция его величества, которая, очевидно, написана по желанию Столыпина, показывает, как Столыпин мало оберегает государя и в какое удивительное, если не сказать более, положение ставит».

...Это — в поддых: ни Петру Аркадьевичу, — коли даже *выскользнет*, — не опраться, ни тем, кто наверняка станет курить ему фимиами, ежели рука провидения все-таки покарает его...

Курлов документы спрятал в сейф, подумав при этом отчего-то с тихой грустью: «Народ беспамятен; главное — если мы его свалим — продержат спокойствие недели две-три, потом людшкам все надоест, да и другой скандал можно подбросить для куражу... Победителей помнят, проигравшие подвержены безусловному забвению...»

Страна Берингия



Окончание. Начало в № 9.

II. Вода под землей

«Если это не мираж, то мы видим Землю Санникова...»

В. А. Обручев

В 1811 году сибирский промышленник Яков Санников увидел в море к северу от острова Котельный неизвестную землю. Упоминание о ней послужило поводом к продолжительной и острой дискуссии, которая к тому же не всегда велась в академических тонах. Известный полярный исследователь Эдуард Толль в 1886 году подтвердил достоверность слов Санникова, отметив на том же самом месте четыре плоскоконические столбовые горы с примыкавшим к ним низким предгорьем. Загадочная земля была даже приблизительно нанесена на карту под $77^{\circ}30'$ с.ш. и $142^{\circ}20'$ в.д. Позже, в начале нашего столетия, горя желанием доказать свою правоту, Толль организовал в этот район еще одну экспедицию, из которой уже не суждено было вернуться ни ему, ни его спутникам. Все последующие попытки найти Землю Санникова заканчивались безрезультатно. В точке, помеченной Толлем, никаких следов суши обнаружить не удалось.

А следы, между прочим, были: на месте легендарного острова позже, уже в наши дни, была зафиксирована размытая волнами песчаная отмель. Как бы то ни было, суши здесь не оказалось, нанести на карту было нечего, и на Земле Санникова был поставлен крест; вместо департамента географии она стала числиться по департаменту научной фантастики.

Чтобы не бросать тень на авторитет русских полярных исследователей, было решено, что они видели скопления крупных айсбергов, застрявших на морской отмели. К айсбергам были отнесены и другие столь же загадочные исчезнувшие острова — Земля Гиллеса, Земля Андреева.

Казалось бы, проблема исчерпана. Но на проверку вышло, что не так просто были сибирские землепроходцы и полярные мореплаватели, чтобы спутать настоящий остров с айсбергом. Оказалось, что исчезать способны не только «арктические миражи» вроде

Земли Санникова, но и вполне реальные, исследованные по всем правилам топографического искусства острова, в существовании которых никто не сомневался.

В 1915 году Л. М. Старокадомский сделал фотографии, которым суждено было стать уникальными. На них изображен береговой обрыв острова Васильевского, географического объекта, не существующего в современной природе. Васильевский исчез на глазах одного поколения, тоже оставив после себя лишь небольшую песчаную отмель. Нет на сегодняшних картах и островов Фигурина, Меркурия, Семеновского. Пропали некоторые из островов Диомиды, что располагались между Чукоткой и Аляской...

Вы, наверное, уже догадались, что все эти клочки суши лежат, или, точнее, лежали, в пределах арктического мелководья, того самого, которое обнажалось в ледниковые эпохи. Да, теперь все становится на свои места. Острова, исчезнувшие в море, были последними остатками древней страны, занимавшей обширный шельф северо-востока Азии. Вслед за магаданскими геологами, работающими в этих краях, можно назвать ее Арктидой. Строго говоря, Берингия была всего лишь южной окраиной этого огромного массива суши, скрытого сегодня под водой. Поэтому, вероятно, и климат в Берингии был помягче, чем в более северных районах. А о климате Арктиды стоит поговорить особо!

Итак, дано: 15—20 тысячелетий назад, максимум ледниковой эпохи; уровень океана упал более чем на 100 метров. В Европе, Северной Америке и, возможно, на шельфе Западной Сибири лежат огромные ледниковые щиты. Среднегодовые температуры заметно ниже современных.

Требуется построить модель климата на обнажившихся участках шельфа Северо-Восточной Азии. Ну-ка попробуем, как говорил Плунтэканэлан...

Северный Ледовитый океан сильно сокращается в размерах и теряет связь с Тихим океаном (на месте пролива — Берингия). Из-за сильного холода и отступания к северу он превращается в полузамкнутый водоем, зимой и летом закрытый мощной толщей льдов. Открытой воды нет, значит, испарение сильно уменьшается, в воздухе возникает дефицит водяного пара. Как следствие — сухость и отсутствие осадков.

Надо подчеркнуть, что речь идет только о Северо-Востоке. Западнее, ближе к Европе, климат смягчается дыханием незамерзающей Атлантики. Там холод был не столь жесток, а большое количество осадков в виде снега способствовало росту ледниковых покровов. То же самое происходило в Америке, на которую одновременно влияли Атлантический и Тихий океаны. Но вернемся в Арктиду.

Холодный воздух плотен и тяжел — над Ледовитым океаном устанавливается область высокого давления, антициклон, как в наши дни над Антарктикой или в холодные зимние месяцы над Якутией. Естественно, выстуженный воздух из области высокого давления растекается туда, где давление пониже, то есть на юг. Арктический бассейн перестает быть «кухней погоды» в обычном понимании этого термина. Из разнообразных кухонных агрегатов в Арктике остается в рабочем состоянии только один гигантский холодильник-кондиционер, который гонит сухие и очень холодные воздушные массы на континент.

Зимние температуры на севере Арктиды падают до -80°C , а в отдельных случаях, возможно, достигают -100°C . Ныне такого не бывает даже на полюсе холода планеты в Антарктике. Из воздуха вымораживаются остатки водяного пара и конденсируются под землей в виде прослоев грунтового льда. Снежный покров и ледники практически отсутствуют — на поверхности не хватает воды. Студеный ветер раздувает обнаженную поверхность шельфа и несет с собой тучи песка и пыли.

Знаете, на что больше всего похожа эта картина? На то, что происходит сейчас на Марсе. Там тоже средняя температура у поверхности почвы $-70^{\circ}-80^{\circ}$, почти нет свободного водяного пара, основная часть воды погребена в виде грунтового льда, и очень часто случаются мощнейшие пыльные бури. Есть только одно «но» — на Марсе чрезвычайно разреженная атмосфера.

Значит, все-таки Арктида — фантастика? Да в самом деле, мыслимо ли, чтобы любые животные, а тем более люди каменного века с их примитивной культурой могли существовать в подобных условиях? Какой-то уж слишком неуютной представляется колыбель азиатско-американской культуры.

Действительно, странно. Но давайте обратимся к геологическим фактам.

Вдоль крупнейших рек Восточной Сибири — Лены, Алдана, Индигирки — обнаружены следы гигантских коридоров выдувания, достигающих нескольких сотен километров в длину. По ним полярный антициклон задувал свои щупальца в глубь континента. Мощные потоки арктического воздуха текли на юг, неся с собой струи пыли и песка. Геологами найдены груды камней, истертых этой песчаной поземкой, словно наждаком. И, что самое поразительное, среди них обнаружены тысячи (тысячи!) орудий каменного века, точно таким же образом обточенных ледяными ветрами. Значит, в этой дикой пустыне или где-то рядом с ней все-таки жили люди.

Скорее всего они приходили сюда летом, когда страшные рукава гипер-

борейского антициклона временно бездействовали. Кстати, а что за погода была здесь летом? Ведь в той же Якутии июльская жара нередко загоняет столбик термометра за тридцатиградусную отметку. Да и на Марсе, к слову сказать, $+30^{\circ}\text{C}$ летом не редкость (правда, у экватора).

Видимо, нечто подобное было и в Арктиде. Сухость климата и разреженность облачного покрова позволяли солнечным лучам быстро нагревать верхние слои почвы, а ведь солнце во время полярного дня светило круглые сутки. По мнению специалистов, летом здесь было даже жарче, чем сейчас, когда облака и туманы крадут солнечное тепло и уносят его от земной поверхности. Так или иначе, но, судя по находкам ископаемой флоры и фауны, жизнь в Арктиде хотя бы на протяжении 3—4 месяцев в году цвела буйным цветом. Но, конечно, жизнь особенная, торопливая и настоянная.

За короткие светлые месяцы растения должны были завершить весь жизненный цикл, дать семена для будущего и замереть, готовясь к встрече с ревущей аэродинамической трубой полярной ночи. Естественно, в таких условиях травы получали огромное преимущество перед деревьями и кустарниками. В Арктиде возник неповторимый ландшафт сухой полярной степи. Степь давала обильное пропитание для млекопитающих. Даже зимой из-за малоснежья прошлогодняя трава обеспечивала прокорм для травоядных. Значит, пища была, и главной трудностью оставался только почти космический зимний холод. Но зато для животных, сумевших к нему приспособиться, такой ландшафт был землей обетованной. А лучше всех, как известно, сумел приспособиться к холоду мамонт, у которого шерсть достигала метровой длины. Не потому ли именно Восточная Сибирь славится своими запасами мамонтовой кости, которая ценится наравне со слоновой?

Что же касается древнего человека, то, обладая огнем, умением строить жилища и эксплуатируя обильные охотничьи ресурсы мамонтовой степи, он достаточно уверенно чувствовал себя если не во всей Арктиде, то, во всяком случае, в ее южной части. Любопытно, что исследования ископаемых почв этого района показали, что по содержанию полезных компонентов они были в несколько раз богаче современных. Значит, «марсианские» зимы все же не были помехой для жизни, способной гибко реагировать на изменения среды обитания.

Еще несколько слов об исчезающих островах. Конечно, они не были айс-

бергами — теперь это ясно. Но лед все же играл очень большую роль в их строении. Они, по данным мерзлотоведов, примерно на 90 процентов состояли из замерзшей воды. Мертвячий холод Арктиды загонял водяные пары под землю. Постоянный, хотя и очень медленный рост ледяных прожилков в грунте за несколько тысячелетий привел к появлению 20—30-метровых прослоев подпочвенного льда. Сверху эти ледяные тела перекрывались слоем пыли и песка, перенесенных ветрами. Эта теплоизоляционная подушка достигала толщины в 1—2 метра и обеспечивала сохранность льда в теплое время года. В результате ко многим необычным чертам мамонтовой степи прибавилась еще одна — у нее, оказывается, была начинка из замерзшей воды. В принципе возможно, что такие перенесенные ветром почвы распространились даже на морские льды, и, значит, мамонты могли пасть прямо над замерзшим океаном. Но это предположение пока трудно проверить. Что же касается всех прочих соображений о строении Арктиды, то они вполне поддаются проверке, потому что еще не все ледяные острова стерты с лица Земли.

Окончание ледниковой эпохи и быстрое повышение температуры прежде всего привело к таянию ледниковых куполов Европы и Америки. Подпочвенные льды Северо-Востока были защищены слоем земли и реагировали на потепление гораздо медленнее. Но у них был другой враг — океан. Его уровень неотвратимо повышался, и вода развела стенки ледового материка. Арктида распалась на отдельные архипелаги. Четвероногие обитатели гибнущей мамонтовой степи скучивались на островах, которые уменьшались со стремительностью шагреновой кожи и, конечно, уже не могли их прокормить.

В прошлом веке из ледогрунтовых толщ одного острова Большой Ляховский ежегодно вытаскивали бивни по меньшей мере нескольких десятков (а скорее сотен) мамонтов, которые подбирались добытчиками и отвозились в Якутск на ярмарку мамонтовой кости. А сколько бивней бесследно исчезло в море, никому, конечно, не известно. Очевидно, во время гибели Арктиды на этом сравнительно небольшом участке ледовой страны сгрудилось несколько тысяч мамонтов, обреченных на голодную смерть.

Большая часть ледяных островов исчезла в океане еще 5—7 тысячелетий назад. Некоторые из них были разрушены волнами сравнительно недавно, как, например, Васильевский или Семеновский.

Если не нацело, то в значительной степени изо льда построены такие острова, как Столбовой, Новая Сибирь, Большой и Малый Ляховские... Крупный советский океанолог Н. Н. Zubov, описывая еще 40 лет назад берег острова Б. Ляховский, предсказал ему печальную участь: «...Вдоль всего берега тянулись сплошные обвалы. Свежие обвалы были характерны белоснежным цветом ископаемого льда. Несомненно, что с островом Большой Ляховский случится то же, что случилось с островом Васильевский». И с Землей Санникова — добавим мы от себя.

Недавно такие же ледяные обрывы были обнаружены и в континентальной части Восточной Сибири, на берегах Яно-Колымской низменности. Они тоже отступают под натиском морских волн. Остатки великой древней страны тают у нас на глазах, как льдинки в коктейле. И это заставляет задуматься. Прежде всего о том, насколько стремительно текут природные процессы, которые нам по мере краткой нашей жизни кажутся медленными.

Судите сами — к концу столетия прогнозируется общее потепление примерно на 1°C из-за техногенного воздействия на атмосферу. Этого достаточно для того, чтобы растаяла значительная часть льда в Гренландии и Антарктиде. Значит, следует ожидать повышения уровня океана и связанных с этим неприятностей для жителей приморских низин, особенно, скажем, для голландцев. Вероятны и другие, не менее существенные изменения окружающей среды. Обдуманной программы действий, учитывающей все стороны природных и социальных явлений будущего, пока не существует. Между тем нужда в ней становится осязаемой. Возможно, ее предстоит разрабатывать кому-то из читателей.

И еще: эта история заставляет задуматься о том, насколько мало и плохо мы знаем собственную страну. Об Атлантиде, Лохнесском монстре или Бермудском треугольнике говорят что угодно и где угодно, хотя толком никто ничего не знает. А у нас под боском лежат реликты одного из самых загадочных феноменов в истории Земли, и об этом почти никому, кроме узкого круга специалистов, неизвестно. Ледяные земли тают не в тумане или романтической дымке — они исчезают окончательно и бесповоротно, унося с собой так много неоткрытых тайн.

Они еще ждут своих первопроходцев.

Д. Орешкин,
кандидат географических наук

Резонанс

В № 4 за 1984 год прочитал письмо студента Н. Лысенко из Ярославского госуниверситета под названием «Из пушки — по воробьям?» — и удивился: да это же про наш биологический факультет написано!

На наше образование также тратятся огромные средства, и в то время, когда проблема охраны дикой природы и окружающей среды глобальна, наши выпускники вроде бы нигде, кроме школ, не нужны. Тоже нет! Я лично написал 25 (двадцать пять!) запросов в различные точки Советского

Союза — от Пинежского заповедника до Кроноцкого с запада на восток и от острова Врангеля до Баргузинского заповедника с севера на юг. Результат: в худшем случае ответом служит молчание, в лучшем — через 2—3 месяца приходил стандартный ответ: «Ув. товарищ такой-то! Сообщаем, что заповедник (заказник, охотхозяйство) в специальных Вашего профиля не нуждается!»

Возникает ряд вопросов: 1. Насколько высока подготовка кадров в заповедниках, заказниках, охотхозяйствах

страны, если там отказываются от выпускников университетов?

2. Как без притока молодых кадров биологов, желающих заниматься делом охраны природы и диких животных, государственные организации собираются выполнять мероприятия, направленные на улучшение охраны природы?

Пример Н. Лысенко из Ярославского госуниверситета прямое доказательство того, что далеко не все благополучно с распределением спецкадров по охране природы. Кому, как не

нам, молодым биологам, братья за это важное дело?..

Анпиченко Юрий, студент
Карагандинского
госуниверситета

Вопросы в письме поставлены чрезвычайно серьезные. Редакция и читатели «Студенческого меридиана» хотели бы получить на них ответы от руководителей Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров СССР, а также других учреждений и министерств, в чьем ведении находятся проблемы охраны природы.

Алексей Поликовский

«Джорджи Марьянович — с любовью!»

Я видел Марьяновича уже в конце турне, когда он был выжат как лимон. Думал, что у него будет время поговорить, пара свободных часов, чтобы посидеть и пообщаться, но понял, что ошибаюсь, побыв рядом с ним несколько дней. Говорили мы урывками. В конце турне, после десяти тысяч километров и сорока концертов, он мог только спать, если не готовился выйти на сцену и не был на сцене. Стоило ему сесть в кресло автобуса, как он засыпал. Первое впечатление от Марьяновича было ощущение глубокой его усталости и еще более глубокой доброты.

Это было юбилейное турне: двадцать лет назад Марьянович впервые приехал в СССР. Но перед этой поездкой он шесть лет у нас не был, жил дома, делал вылеты на несколько концертов в Европу, не подвергал себя трудностям больших гастрольных поездок. За шесть лет он истосковался по всему тому, что дают эти поездки, по открытым чувствам, по работе на износ, по безудержной, горячей атмосфере любви, что возникала на концертах, и, несмотря на усталость, перешагивая через усталость, скаким-то тайным отчаянием пел и в конце турне по два с половиной часа в вечер, словно бы все хотел отдать именно сейчас, не веря, что будет что-то еще. И твердил на каждом концерте: «Я приеду еще... Я надеюсь, больше не будет таких перерывов... Я приеду к вам, друзья!» Грустный оттого, что гастроли идут к концу, Марьянович шутил: «Вот съезжу в командировку в Югославию и вернусь...»

Перед концертом в очередной артистической уборной Марьянович сам гладит себе брюки и рубашку. Этого он не доверяет никому. В комнате — беспорядок, неуют помещения, куда странствующий мужчина вселился на четыре часа. Все артистические уборные похожи: зеркала, вешалки, перед зеркалами — выброшенные в беспорядке из дорожной сумки флаконы, гримерный карандаш, газета, дорожный кипятивник, пачки сигарет и чая. На тарелке лежат четыре бутерброда (обед). Не пишу, что Марьянович курит, потому что он курит всегда, за исключением тех часов, когда поет. Медленными, старческими движениями он водит утюгом по брюкам и боршочет. Находит на плече рубашки пятнышко, удрученно разглядывает и боршочет. Однообразно и горестно звучит его бормотание, будто он жалуется на что-то. На столе, в хаосе, стоит будильник, изящная вещица с овальным циферблатом, в позолоченном корпусе — кусочек иной, элегантной и изящной жизни в неуют и беспорядке этой, дорожной, смятой, как старая газета, в которую завернуты его белые сапожки для сцены. Вдруг — мне, крик души, реплика в монолог, который он ведет про себя, отчаяние: «Алексей!» — «Да?» — «Напишите, что эстрада —

это... лошадиный труд!» — «Напишу, Джорджи! Обязательно!»

Его музыканты, все седые и благородные, как кельнеры в хорошем отеле, сидят в соседней комнате и плещут что-то друг другу. Гитарист положил ноги на стул и набивает трубочку. Все спокойно, как в субботу вечером.

Марьянович не находит себе места. Зайдет к музыкантам, посидит, пойдет на сцену, походит возле рабочих — всем не до него...

И вот концерт. В один момент я слезы увижу на его щеках: «Не умею я вне любви жить, друзья!» Говорит банальные слова о любви, о юности — и как хорошо это слушать! Его искренность и его самоотдача возвращают этим словам их свежесть. И ощущимо, просто до боли ощущимо в нем желание сделать на эти два часа счастливыми тех людей, что сидят в зале. Он их любит, он излучает любовь, как солнце излучает свет, но солнца много, а он ограничен, уже немолод, он человек всего лишь — и все же!

Вся внутренняя работа, что совершалась в нем, весь раздор его души, где на все голоса шептали, говорили, кричали тоска по дому, невеселые мысли о возрасте, вина перед женой и детьми, которых он оставил надолго, неверие в свои силы и слабость утомленного тела — все это, что в душе его крутилось непрерывно, проворачивалось раз за разом, чудесным образом выливается в любовь, в влечение любви, которая идет от Марьяновича в зал. Его трогательная искренность, выраженная голосом и пластикой — нервной и изящной, — вызывает ответную искренность зала, и не воздух тогда колеблется и светится в свете мощных маленьких юпитеров, а сама любовь. «Теплая атмосфера» на концертах Марьяновича есть не метафора, а факт — от любви, от откровенности в зале тепло, и в какой-то момент, силой своего чувства нагрев зал, растопив лед, — станет Марьянович легок и счастлив. И тогда ему удаются самые странные и удивительные трюки. Нам, привыкшим к тому, что на телеэкране часто показывают организованное общение вместо спонтанного, запланированную «искренность» вместо естественной, удивительно видеть, как Марьянович делает что-то на концерте неотрепетированно, в порыве чувства, и это всегда удается: в нем есть уверенность в эти мгновенья. Я видел, как он в таком удивительном порыве прыгнул со сцены и пошел в глубь зала — но как! — по подлокотникам кресел, с микрофоном на длинном шнуре, рискуя споткнуться, запутаться, свалиться попроску и тем обратить все в конфуз... Или (это было на концерте в Сочи) — вышла к нему трехлетняя девочка с букетом цветов, уже, кажется, само по себе хорошо, уже по-

хлопали все, уже вызвало это у всех необходимые сентиментальные чувства (концерты Марьяновича вообще возбуждают и пробуждают в людях сентиментальные, старомодные, нежные чувства) — но Марьянович, который в эту минуту любит малыша не напоказ, не сценической любовью актера, а просто как человек, у которого «во такое» сердце, рискнет девочку оставить на сцене и не побоялся вместе с ней, включив ее в игру, исполнить свою маленькую пьесу, балладу о солдате, о том, как солдат приходит домой, ослепший, с войны и, вытянув руки, ищет жену свою Мэри и малыша, чтобы обнять... В такие моменты есть в Марьяновиче нераздумывающая, глубже мысли и расчета лежащая точность чувства.

Потом он подписывает открытки со своим изображением. В этом тоже проявляется он: у каждой и каждого спрашивает имя и пишет: «Оле (Коле, Максиму) от Джорджи Марьяновича с любовью». И это «с любовью» вовсе не формула вежливости.

Новости «Дискоteki»

Дорогие друзья! Вы часто просите нас рассказать о последних событиях в мире музыки. Идем вам навстречу.

Обострение международной обстановки, размещение американского оружия первого удара в Западной Европе нашло свое отражение в творчестве рок-групп Германской Демократической Республики. По их инициативе в Берлинском Дворце Республики с 1982 года проводятся митинг-концерты «Рок за мир» с участием исполнителей из ГДР и других стран. В этом году фестиваль проходил в третий раз, сбор от него пошел на профессиональное обучение молодых никарагуанцев.

* * *

Музыкальные спектакли с использованием современных ритмов не редкость в Венгрии. Еще в середине семидесятых годов на сцене будапештского театра «Вигсинхаз» был поставлен мюзикл руководителя группы «Локомотив ГТ» Габора Прессера «Воображаемый репортаж с американского поп-фестиваля» по повести известного писателя Тибора Дери. Популярность подобных спектаклей вызвало и создание под эгидой ВКСМ специального музыкального театра, руководителями которого стали писатель и поэт Тибор Миклош и известный композитор и музыкант Матиас Варкони.

* * *

39-летняя негритянская певица Дайана Росс устроила в Центральном парке в Нью-Йорке бесплатный концерт. 400 тысяч поклонников ее таланта собрались под открытым небом, несмотря на проливной дождь. Дайана Росс объявила, что доход от показа концерта по телевидению пойдет на строительство детской площадки.

Однако из этой затеи ничего не вышло. Организаторы концерта прикарманили всю прибыль.

*Подборку подготовили Эрика Воронова и Михаил Сигалов
Фото В. Палатника*





Помощь друзей не забывается

Самолет с длинным клювом антенны поднялся с хошиминского аэродрома Таншоннят и приблизился к ослепительному в лучах солнца гигантскому облачному нагромождению, которое, подобно снежной вершине, выросло из синего простора океана. Оно выглядело так же, как изображал на своих акварельных картинах Нгуен Суан Зуй. Хотя так близко и со стороны он впервые увидел спираль тайфуна.

На борту специального самолета Ил-18 «Циклон» Нгуен Суан Зуй находится не только для того, чтобы еще раз воссоздать кистью на бумаге величественную красоту грозной стихии. Он содиректор совместной вьетнамо-советской лаборатории тропической метеорологии. Вместе с советским коллегой Виктором Петровичем Кармазиным они сегодня именинники: начался первый этап работы по изучению тропических циклонов с использованием самолета и исследовательского судна АН СССР «Океан».

Сын профессионального революционера из Хюэ встал в ряды первопроходцев на одном из участков большой науки. Но прежде были пять незабываемых лет учебы в Одесском гидрометеорологическом институте. Зуй с благодарностью вспоминает преподавателей и однокурсников, которые окружили его повседневной заботой.

Искренняя помощь настоящих друзей не забывается. И как счастлив был Зуй, когда спустя много лет, во время одной из своих командировок в СССР неожиданно встретил в подмосковном Обнинске бывших однокашников Любу и Эдика Петровых. Слово ожили страницы студенческих конспектов, которые ученый до сих пор как память хранит в шкафу в своей маленькой комнатке в Ханое. Вспомнили о бессонных ночах экзаменационных сессий, о праздничных капустниках, о походах в оперный театр (он мечтает о дне, когда вновь сможет окупнуться в чарующую музыку этого зала).

Красный диплом отличника был заслуженным вознаграждением за упорный труд. Грусть расставания с Одессой, с друзьями смешивалась с радостью возвращения на родину — с радостью, омраченной тревогой. Зуй вернулся в Ханой, погруженный в темноту светомаскировки, оцетинившийся зенитными орудиями.

Вскоре после распределения молодого специалиста вызвали в особый отдел Главного гидрометеорологического управления республики и изложили суть спецзадания, которое ему поручалось. Из донесений разведки стало известно о плане американского командования высадить десант южнее Ханоя, там, где территория страны сужается до 70—80 километров, отрезать от тогдашней Демократической Республики Вьетнам ее южную часть,

Фан Хонг Шон — студент Белорусского политехнического института летом 1983 года работал в городе Якутске в составе интернационального ССО «Надежда».

Кроме вьетнамцев, в отряде работали студенты из ГДР, лаосцы и кубинцы.

Фото С. Панина, Б. Виноградова

примыкающую к демаркационной линии, — непосредственный тыл освободительной борьбы в Южном Вьетнаме. Правительство ДРВ решило создать там автономную систему управления со всеми службами, в том числе и гидрометеорологической.

План американцев не был осуществлен. А Нгуен Суан Зуй проработал около двух лет в этой огненной зоне, перепаханной, как лунная поверхность, кратерами от бомб. Самой большой радостью тогда для армейских транспортников был прогноз непогоды. Под ее прикрытием караваны грузовиков везли на юг оружие, боеприпасы, продовольствие.

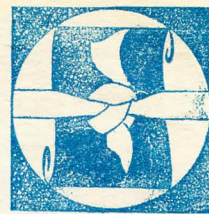
Кандидатскую диссертацию он готовил и защищал в Ленинграде, в ЛеГМИ, под руководством профессора М. И. Юдина. Вторая встреча с родной Октябрем оставила у Зуя такое же неизгладимое впечатление, как и первая.

С тех пор поездки в СССР случались довольно часто.



— Война нанесла Вьетнаму огромные разрушения, причинила огромные страдания вьетнамцам, — говорит Нгуен Суан Зуй. — Теперь моя жизнь посвящена борьбе со стихией. Ежегодно до десятка тайфунов обрушивается на прибрежные провинции страны. А каждый из них выливает на землю за один-два дня до 600 миллиметров осадков. Наши исследования должны помочь точнее прогнозировать разрушительные ураганы, спасти жизни людей и плоды созидательного труда народа.

А. Минеев
Ханой — Хошимин



Друзья по переписке

Kerstin Fleischer 3040 DDR
Magdeburg N. Rathenau str.
66—14, № 244

Керстин — 20 лет. Она студентка педагогического института, увлекается спортом, современной музыкой и литературой. Переписываться может по-русски и по-немецки.

Dahmani Ghania 52, Rue
Mohamed Belkacem, Belle—
vue — el — harrach, Alger

Алжирская девушка Дахмани учится в университете. Хочет наладить переписку с советскими юношами и девушками, чтобы познакомиться с жизнью молодежи нашей страны. Владеет французским языком.

Natasha Ghosh Satbaria,
Pijjanga, Khulna, Bangla—
desh

20-летняя студентка Наташа из Бангладеш просит журнал помочь познакомиться с представителями молодого поколения нашей страны.

Amo K. Francis Post Office
Box 190 Berecum Bia,
Ghana

18-летний юноша из Ганы, владеющий английским языком, обратился в редакцию с просьбой поместить его адрес в рубрике «Друзья по переписке».

M. B. Fernandez Parque
Roma, bloque G, 7E Zaga—
goza, España

Юноша из Испании хочет найти друзей в Советском Союзе. Интересуется фольклором, этнографией и археологией нашей страны. Переписываться может на испанском и английском языках.

Еще раз напоминаем нашим читателям! Мы не имеем возможности высылать адреса зарубежных сверстников или пересылать индивидуальные письма в иностранные издания. По вопросам, связанным с оформлением почтовой корреспонденции, советуем обращаться в отделения связи по месту жительства.

АЛЕКСЕЙ ЛОСЕВ: БОРЬТЯСЯ СО СКУКОЙ

Мы надеемся, что размышления о чтении лекций одного из авторитетнейших советских филологов, лектора с семидесятилетним стажем А. Ф. Лосева послужат хорошим продолжением разговора

журнала с читателем о лекции. (См. также публикацию в № 9.) Напишите нам, что вы думаете о лекциях, которые слушаете в вузовских аудиториях...

— Прежде всего напомним читателю о том, как закончилась прошлая публикация. Разговор шел о типичных ошибках преподавателей во время чтения. Мы вспомнили несколько хрестоматийных лекционных казусов. Размышляя о них, вы, Алексей Федорович, утверждали: «Быть профессором — значит заниматься не только наукой, но и быть педагогом-лектором, отлично представляя, кого и как учить... Совсем не обязательно большому ученому, лишенному дара слова, браться за преподавание. Тогда не будет казусов, не будет лекционной скуки...

— Но эти казусы лишние в студенческой аудитории. В публичной лекции, где зачастую люди приходят услышать знаменитость, авторитет в той или иной области, это еще возможно, хотя и в таком случае мешает восприятию.

Вспоминаю Андрея Белого. Этот поэт с невероятными возможностями словотворчества. Но в своих докладах он бывал настолько подавлен все возникающими новыми и новыми образами, что буквально захлебывался, как бы сам себя перебивал.

И читать его поэтому невозможно. Причем это не пустые образы, нет. Все очень глубоко. Но настолько крепко и сбито, что получается в таком напряженном виде, будто это трудный греческий текст. Чтобы прокомментировать, надо за каждым словом следить, как оно соединяется с другим.

Я считаю, что это редчайший дар. Манера образного нагромождения — одна из особенностей искусства XX века. Вешеная взмытость, воспаленность. Полет сразу во все стороны. Исторически это замечательная вещь.

А вот философ-идеалист Г. Г. Шпет, хоть и не был оратором, блистал и поражал всех своим остроумием. Кроме того, у него была необычайно рассудочная одаренность. Он любую теорию мог разрушить. И часто злоупотреблял этим. Поэтому когда он выступал в прениях, то доводил свою критику до беспощадного смеха. И аудитория считала: «Ну какой же слабак докладчик, против которого выступал Шпет».

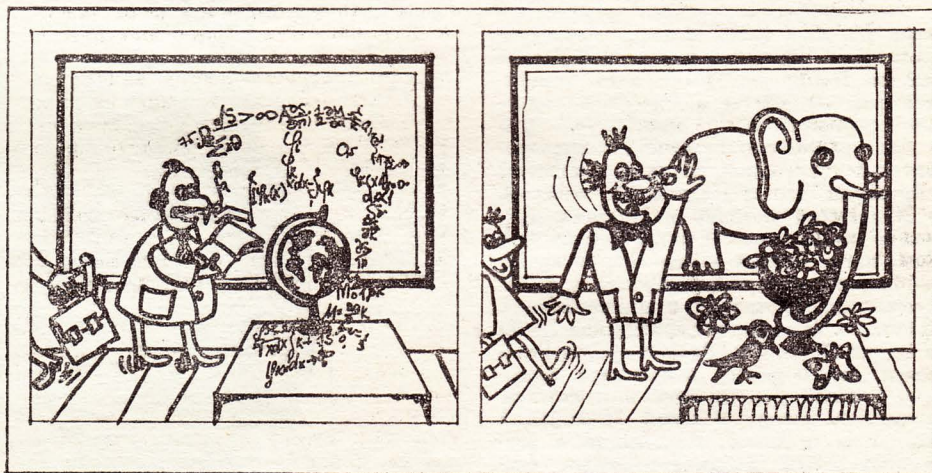
Шпет был для меня отвратителен этим. Обладая незаурядным рассудочным развитием и большим остроумием, он злоупотреблял этим для своего удовольствия.

Был один такой случай. Начинающий ученый Владимир Эйгес выступал с философским сообщением. Оппонент — Шпет — буквально довел его до рыданий. Остроумнейшие и неопровержимейшие доводы, но выда-

валось все это с омерзительным подтекстом. Это выглядело безобразно. Блеск остроумия, применяемый без меры, неуместен и даже безнравственен.

— Я знаю, что вы, Алексей Федорович, отвечая на вопросы анкеты вузовской многотиражки о своих учителях в преподавании, как-то сказали: студенты. Не могли бы вы сейчас пояснить и продолжить этот свой ответ?..

— Кто мои учителя в буквальном смысле, легко узнать. Достаточно взять университетские отчеты за те годы, когда я там находился.



А сейчас я должен сказать о том, что обычно упускается.

Так, со всей ответственностью и прямотой должен признать: главными моими учителями были студенты.

И вот почему. Я готовлю лекции, обдумываю, кручу те или иные положения так и этак. И наконец прихожу в аудиторию, поднимаюсь на кафедру, читаю.

А слушают меня плохо, невнимательно. Спрашиваю: товарищи, в чем дело? Вопросы какие-нибудь есть?

И вдруг слышу такой вопрос, который не только вызывает чувство досады, но и многое мне объясняет. «Как же это я, остолоп, об этом не подумал! Вот почему им скучно! Эту мысль я как раз и должен был развить...»

Так случалось много раз.

Я ведь студенту говорю одно, другое, третье. А самое главное — мне самому понятное и очевидное, — оказывается, упускаю.

И только из встречных вопросов аудитории обнаруживаю свои ошибки. Человеку непонятно, и он задает вопрос.

ли своими актерскими приемами, что это мешало слушать...

— Я уже показал вам на исторических примерах, что всякое доброе начинание можно извратить до того, что оно станет злым делом. Сейчас не буду называть имен тех, кто, поднявшись на кафедру, только актерствовал и, увы, не более того. Расскажите вы.

— Поначалу нас, студентов, артизм нашего лектора увлекло. Потом было интересно, даже забавно уже только следить за ним, потом в конце концов просто раздражало. И мы переставали ходить на такие лекции.

— Но я настаиваю на разумном актерстве. Без этого лектор обойтись не может. Ведь он несет живое слово, живую мысль. А иначе просто бери учебник и читай, там ведь все написано.

Лектор живой человек, а это уже предполагает общение, живой разговор. Значит: вопросы и ответы, да и нет и, конечно же, почему.

Только тогда профессор пробудит сознание слушателя, когда будет не только произносить и изрекать исти-

ны, но и показывать биение научной мысли.

Не нужно бояться живости актерства, в разумных пределах это вещь необходимая.

И если у человека нет способностей к такому показу науки, если он сух или, наоборот, пережимает в театр, тогда лучше не брать за это дело. Есть тысяча других занятий, в конце концов, и сама наука, которой можно заниматься, не преподавая.

Профессор, повторяю, — творческая личность за кафедрой, а не голая таблица логарифмов. Его творческая деятельность в данном случае — образное преподнесение предмета.

— Но вот некоторые лекторы применяют такой прием — умышленно говорят тихо, чтобы таким образом добиться сосредоточенности аудитории...

— Плохо, плохо. Ни тихо, ни слишком громко говорить не надо. Нужно говорить и тихо, и громко, и нормальным голосом... Все зависит от ситуации, от момента изложения вами материала.

Надо знать, где нажать, а где сказать тихо. Может, где-то понадобится и шепот, чтобы еще более заинтриговать слушателя (шепчет):

«Вы знаете ли, в чем тут дело?.. Дело здесь вот в чем...»

Такую интонацию на лекции я допускаю. Шепот в этом случае привлекает внимание аудитории. А вы таким образом проявляете свое искусство владения словом, материалом, аудиторией.

И вас уже слушают с напряженностью. Вот почему настаиваю на известной доле театральности в лекторском деле.

— Но вот еще один случай. Я знаю, что один из ваших коллег с таким явным увлечением читал лекции, что временами плакал. За кафедрой стоит и плачет. На первом курсе это проходило на «ах». Студенты восторгались: как человек глубоко переживает?!

При повторных случаях на втором и третьем курсах они пришли к выводу, что это пафос фальшивый. Не настолько он это переживает, чтобы постоянно плакать. Он и не переживает, а актерствует. В зале даже возникал смех.

— Быть актером не означает актерствовать.

Всякое искусство заключается и в том, чтобы не было видно приемов искусства. Должен быть виден только тот предмет, который ты изображаешь. Если же ты плачешь и один год, и другой, и третий, то такие повторы в лучшем случае вызывают улыбку, если не раздражение.

— А вот из тех лекторов, кого вам приходилось слышать, кого бы вы назвали самым замечательным?

— Пожалуй, это Анатолий Васильевич Луначарский. Именно в том духе, как я говорил.

Как-то слушал его вступительное слово перед одним из скрябинских концертов. Это было потрясение не меньшее, чем сама «Поэма экстаза» Скрябина.

Он говорил о том, что композитор изобразил и предвосхитил в своем произведении тот мировой катаклизм, который свершился на наших глазах.

Это предощущение мировой революции.

А выступал он в Большом театре, среди тысячной публики. И тем не менее слово Луначарского настолько меня зашло, что, вернувшись домой, я тут же начал работать над статьей о Скрябине.

— А еще кто и чем вам запомнился? В чем вы видели своеобразие ораторской речи других своих современников?

— Помню, один из лекторов поража меня неожиданностью суждений. Он буквально опарашивал. Ты сначала с ним не соглашался, а потом, в процессе раздумий, приходил к мысли, что сказанное хотя и необычно, однако верно.

Другой настолько глубоко владел русским языком, что поражаел словотворчеством, неожиданными комбинациями слов. Небывалое, но в то же время убедительно.

Влисал своей речью и Вячеслав Иванов. Он ведь запомнился мне не только своеобразностью поэтического слова. Он был и крупным для своего времени ученым, у него всегда были оригинальные, глубокие идеи в понимании античности. У него напевный, торжественный язык и такие выражения, что в обыденной речи кажутся немыслимыми, даже вычурными. Вместе с тем они резко выделяли его из толпы собратьев-поэтов начала века. Очень жалею, что мне не пришлось у него учиться — в буквальном смысле. Он преподавал только в Баку.

Мы — два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;

Мы — два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двуялала стрела.

У него было такое же ослепительное словотворчество, которое еще в большей степени, пожалуй, было только у Владимира Маяковского. Замечательная способность! Но, конечно же, между ними есть величайшее различие...

— А Ключевского вы слушали?
— К сожалению, не застал. Он умер в тот год, когда я поступал в университет.

Вот, кстати, непревзойденный лектор! Истинный художник, рисовавший перед слушателями целые исторические картины. И вместе с тем он заикался.

Потрашал тысячеголовую аудиторию (он выступал в зале, где ныне Коммунистическая аудитория, в здании МГУ на Моховой), которая дрожала дрожит, а он — заикается. Это уже, можно сказать, редчайшая способность, это оратор высочайшего смысла.

Ключевский, например, говорил: «Императрица Екатерина была не очень грамотным человеком — в слове «еще» она делала четыре ошибки: «исчо»...» Весь пятитомный курс его пересыпан подобными наблюдениями.

Но Ключевский — это недостижимое величие слова...

— Благодарю вас за ваши ценные размышления.

— Очень рад быть полезным.

Беседу вел Юрий Ростовцев

Рис. Е. Мартемьяновой

Ваше решение...

Признаемся, в учебе, общественных делах, в студенческой жизни нередко возникают ситуации, когда надо сделать выбор, принять грамотное решение. Грамотное с точки зрения дальнейших последствий, психологии человеческих отношений, моральных, да нередко и юридических норм. Всегда ли мы готовы к таким решениям, имеем необходимый опыт, знания? Давайте попробуем поучиться вместе, разрешая конкретные ситуации. Их мы будем брать из ваших же писем, из журналистских блокнотов, из рассказов студентов. Итак:

1. Когда студенты не пришли на лекцию. Это произошло во Владимирском политехническом институте...

Лекции старшего преподавателя Сухова* студенты обычно посещали хорошо. Но не оттого, что они были интересными, глубокими, заставляли думать, а скорее всего потому, что проводились строго проверки. Если студент пропустил лекцию, то независимо от причины его приглашали для объяснений. Но однажды на лекцию Сухова явилось менее трети курса. Реакция последовала немедленно. После занятий на кафедру были вызваны старосты групп, где им было объявлено следующее:

во-первых, проверки посещаемости будут проводиться по-прежнему;

во-вторых, они, старосты, должны завести, помимо журнала, специальные тетради и отмечать в них пропуски занятий по всем дисциплинам. А на предстоящем распределении «заслуги» студента будут определяться по системе: суммарный балл зачетки минус сумма пропущенных часов, умноженная на соответствующий коэффициент.

Слабые возражения старосты остались без внимания. На следующей лекции студентов ознакомили с нововведением. Поддержки оно не нашло...

А как поступили бы вы, если бы были деканом факультета, на котором это случилось если бы были секретарем комсомольской организации факультета

* Фамилия преподавателя из мейстера.

ТАМ, НА СЕВЕРЕ...

Мы улетали из весны. Сначала в Надым, затем (на полгода) на Ямал. Там, на Севере, у нас, четверых курсантов Ленинградского Арктического училища, производственная практика...

Ямал встретил нас пургой. Наш будущий дом — вагончик, или, как говорят в этих местах, «балок» — уже полузанесен снегом. Выгрузившись и помахав на прощание летчикам, начинаем «благоустриваться»... Сразу сработала психология робинзонов — ни одного потерянного гвоздя, ни одной выброшенной щепки. Все вещи доставлены сюда вертолетом — от мачты радиостанции до спичечного коробка.

Первая наша работа — снегомерная съемка — измерение высоты и плотности снежного покрова, чтобы по этим данным вычислить запас воды в снеге. Это оказалось не так-то просто, в чем убедил нас первый же овраг глубиной около семи метров и полностью занесенный, спрессованный ветрами, снегом. Тогда мы открыли один парадокс — в тундре иной раз могут пригодиться альпинистские навыки. Дело в том, что для измерения плотности снега пришлось рыть глубокий колодец в не уступающем по твердости камню снегу. А затем почти сутки висеть в этом колодце на страховочной веревке и измерять плотность. Это было наше боевое крещение.

С коллективом нам повезло: начальник экспедиционной партии Бриккин В. П., человек спокойный, уравновешенный, терпеливо раскрывал перед нами премудрости профессии гидролога, поддерживал словом и личным примером. В училище каждый из нас уже получил теоретическую подготовку, но только здесь, в экспедиции, мы поняли, как важно досконально знать и уметь работать с приборами, пользоваться рацией, оказывать первую медицинскую помощь.

Свободного времени практически не было: нужно было улучшать быт, наводить уют в вагончике, оборудовать площадку для вертолета, строить баню, без которой в здешних условиях невозможно жить, ну и, естественно, дежурства по кухне. Каждый из нас должен по очереди вовремя и вкусно накормить семь человек, да к тому же и экономно распорядиться продуктами.

Вертолет из Надыма прилетал раз в две-три недели, привозил продукты, письма, новости с Большой земли. Каждое его появление — целый праздник, но в то же время и немного грустно: острее чувствуешь оторванность от всего мира, расстраиваешься, если нет писем. Но скоро все входит в свою колею... Работа — лучший лекарь.

Полярный день в разгаре. Солнце не заходит и движется по кругу. Еще недавно безжизненное снежное пространство начало оживать многочисленными потоками рек и ручьев: сначала робкие, еле заметные в снегу, через несколько суток они превращались в мощные бурлящие потоки, с

огромной скоростью несущие в своих мутных водах обломки льда и пласты снега, ветки кустарников и пучки прошлогодней травы.

Паводок — самое горячее время для гидролога. Приходилось по два раза в сутки объезжать на моторной лодке наши владения — шесть самых крупных рек. Мы измеряли расходы воды и уровни, следили за каждым подъемом и спадом воды. Работать приходилось с максимальной аккуратностью и точностью, так как паводочные наблюдения дают наибольшее количество информации о характере реки. И для таких новичков, как мы, это очень важно...

Летняя тундра неповторима. Обилие красок и оттенков: дружно цветут жаркие, ярко-синие колокольчики, белоснежный ковер цветущей морозики расстилается до горизонта. Наступают теплые дни, затем — жара, а вместе с ней и враг всего живого — тучи мошки и комаров. Без накомарников и «Дэты» невозможно пробыть и минуты. Изнываем от жары в энцефалитных костюмах и болотных сапогах. Но надо учиться терпеть, не раздражаться.

Гитара оказалась просто необходимой. По вечерам пели песни, пробовали сочинять собственные, пытались рисовать — словом, всеми доступными методами бороться с тоской по Большой земле, о которой очень трудно рассказать, которую нужно пережить самому.

В нескольких километрах от нас вдруг совершенно неожиданно возникло поселение — это, кочуя в поисках лучших пастбищ, остановились оленеводы. Десять чумов на горизонте, слабый дымок над макушкой каждого — все это на фоне непередаваемой красоты ямальского неба создавало картину необычности и полной гармонии. В тундре человеческое жилье, сам человек — необъяснимая радость. Мы с

нашими соседями — изыскателями из экспедиции ТюменьНИИгипрогаз решили отправиться на вездеходе с визитом вежливости к ненцам. Удивительно, как этот народ здорово приспособлен к кочевой жизни в суровых северных условиях. В быту, в жизненном укладе все продуманно, ничего лишнего, но любая вещь является подлинным произведением народного искусства — красивой и вместе с тем очень рациональной. Ненцы очень деликатны в отличие от нас, шумных и раскованных, больше наблюдают, чем говорят, прекрасно знают тундру, в деле своем — мастера необыкновенные.

Однажды они собирали оленей, отлавливали и отделяли некоторых, вроде бы ничем от других не отличавшихся. Водитель вездехода подошел к оленеводу и спросил:

— Как вы их отличаете друг от друга? Ведь их здесь несколько тысяч и все совершенно одинаковые.

Сразу же последовал встречный вопрос:

— А ты в своей машине все детали знаешь?

— Конечно, ведь это моя работа.

— Так разбираться в оленях, всех их знать — это тоже моя работа...

Лето на Ямале короткое. Жара, продолжавшись две недели, внезапно спала. С Ледовитого океана подул холодный ветер, природа начала замирать. Нужно было подготавливать базу к зимовке: утеплять вагончик, переводить наблюдения на зимний лад. Нас осталось четверо: кто уехал в отпуск, кто — сдавать экзамены в институт. И нам тоже уже пора собираться, скоро тут останутся только двое зимовщиков — инженер С. А. Барзов и техник П. Г. Литягин.

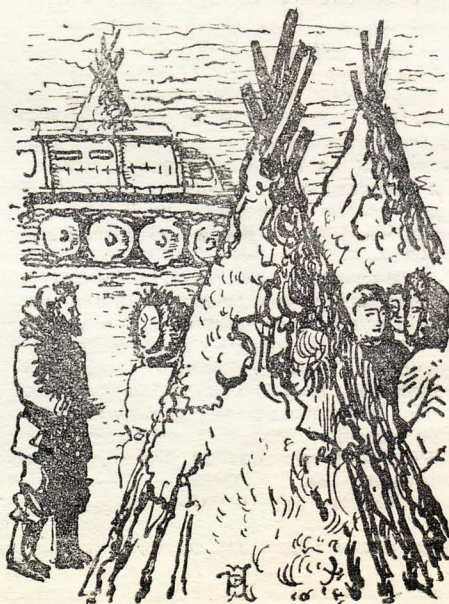
Вот наконец и долгожданный вертолет...

Дорога промелькнула быстро: Новый Порт — Яр-Сале — Надым — Москва — Ленинград. И вот мы вновь в училище. За полгода нашего отсутствия здесь все как будто изменилось, но... оказалось, что изменились мы сами: повзрослели, испытали настоящую мужскую работу. И наши преподаватели, вероятно, уже не раз наблюдавшие такие изменения в своих воспитанниках, стали относиться к нам как к взрослым.

Начальник нашего отделения Н. М. Данилов, преподаватели и студенты — С. И. Лаушкин, В. В. Малышевская и другие поздравили нас с возвращением, детально расспрашивали о жизни, о работе, трудностях. Мы чувствовали, что можем говорить с ними уже почти как специалисты. Рады были встрече друг с другом, обменивались впечатлениями, а курсанты младших курсов с завистью смотрели на нас.

Вперед — выпускные экзамены, получение диплома и новые встречи с Арктикой, куда поедет уже надолго...

Максим Тархов



ГНЕЗДО НА ВЕТРУ

Персональное дело комсомольца... Когда приходится сталкиваться с этой формулировкой, невольно ощущаешь беспокойство: с человеком что-то случилось, произошло нечто, требующее вмешательства товарищей, внимательного разбора всех обстоятельств, серьезного разговора. Рассмотрение персонального дела, пожалуй, одна из самых ответственных форм комсомольской работы. Ошибиться нельзя, за ним — судьба человека.

Резюме персонального дела, о котором пойдет наш рассказ, вместилося в две короткие строчки, затерявшись где-то в конце многостраничного протокола комитета комсомола Украинского института инженеров водного хозяйства: за нанесение тяжких телесных повреждений и привлечение к уголовной ответственности комсомольца Лебеда М. А. исключить из рядов ВЛКСМ. Но что стоит за этой формулировкой?

История одной беды

Примостилось оно в неудобном, по трезвому размышлению, месте — на верхушке деревянного столба линии электропередачи, прочно вросшего в обочину проулка, ведущего от центральной улицы села в сторону школы. И всякий, проходящий тут, примечал еще раз эту странную повадку аистов — устраивать обиталище свое как будто зыбко и хрупко: на верхушках шестов да столбов, на коньках крыш; куда как разумнее строить гнездо в ином, устойчивом месте, так ведь нет, норовят — пусть неудобно, зато на высоте, где просторнее и небо рядом.

Жизнь аистов была видна всякому в селе, равно как и жизнь людей — птицам. Улетали с уходящим теплом, и холодное пустое гнездо чернело на фоне тусклого неба тревогой: вернутся ли?

Они неизменно возвращались с теплом. А люди радовались.

В последнее лето в гнезде обитателей прибавилось. Птенцы родились — трое.

Не к добру. Известное дело, аисты четное число детенышей держат, а к «третьему лишнему» жестоки.

Третьего они с гнезда столкнули, и он, худой, неуклюжий, беспомощным комком полетел — в свой первый и последний раз, — стукнулся о мягкую землю, да так и остался лежать у обочины, не успев за короткий миг падения понять, за что его так.

Ребяты бежалась поглядеть на аистенка, уставившегося неподвижным стекляннным глазом в высоту, где на верхушке столба остались его братцы.

Потом пришли мужики, аистенка забрали и схоронили.

И Светлана среди той ребятни у обочины была, хата их рядышком, в двух шагах. Чудно: сама от горшка два вершка, а всполошилась, домой прибежала и, обнявши мамину коленку, долго и горько редела, за аистенка огорчаясь.

Или почувала, что добром это лето не кончится и быть беде?

А беда уже давно носилась в округе, беда была Светланкина ровесница. И однажды ночью она постучалась в двери двух стоящих поблизости от аистиного гнезда хат, где жили закадычные приятели с детских лет Петр Лизов и Михаил Лебедь.

Скажи еще совсем, кажется, недавно кому на селе, что выйдет промеж друзей такое, так засмеяли бы, пуще того, пуганули: типун тебе на язык...

Однако же вышло.

Прежде жили по-свойски, по-соседски дружно. С Петровым домом жизнь круто распорядилась: рано отец умер, оставив на руках у матери четверых мальчишек. Да и Лебедей бедою не обошла: Мишу, второго ребенка, в семье ждали очень. Появился он на свет с врожденным вывихом тазобедренного сустава, хромота... Не всегда весело и легко, а жили, помогая друг другу чем могли: дрова привезти, сена, в огороде покопаться.

Мишу с малолетства тянуло к железкам: гайки в отцовской технике крутить — Алексей Александрович всю жизнь в колхозе механизатором работал. Помимо железок, была у него еще одна страсть — петь. По собственному почину и без нотной грамоты выучился на гармошке играть, и голос у него по современным понятиям вполне даже ничего.

И Петя хорошим, работающим хлопцем рос, правда, замечалось: парнишкой он был боевым и отчаянным.

Со временем пути их в разные стороны разбежались. Петр в армию ушел. Миша учился в гидромелиоративном техникуме. Петр часто писал про солдатское житье-бытье, спросил как-то между делом адрес старшей Мишиной сестры Нисиньки. Миша выслап.

Лучше б затерялось где-то в дороге то письмо.

Встретились они вновь по дороге в район. Петр, уволившись в запас, на учет ехал становиться, а Миша (к тому времени он уже успел техникум с красным дипломом закончить) за назначением направлялся. Определили его начальником реммастерских, должность хлопотная, машинный парк большой, Миша день и ночь колесил по отделениям колхоза и за сутки наматывал на своем «Восходе» километров по триста. Так что с другом видиться стал реже. А потом и вовсе из виду его потерял, потому что уехал в Ровно, в институт — становиться инженером-механиком.

Разные люди говорили мне: это совсем непонятная история, тут сам черт ногу сломит. В самом деле, чтобы друзья-приятели — и вдруг сцепились не на жизнь, а на смерть?

Евгения Оксентьевна Бокий, доярка, поздно вечером поспешала с фермы домой. Путь ее пролегал через сад, что расположился неподалеку от клуба. И тут, в саду, услышала крик. Хотя и в годах уже, однако не робкого десятка женщина, свернула она с дороги. Недалеко от школы, возле кучи кирпича, увидела людей, признала — свои. Миша лежал, Петр, схватив его за волосы, бил головой о землю.

Она подошла поближе и сказала: «Что вы делаете, хлопцы...» Из темноты показались еще двое, как видно, приятели Петра. Они растащили дерущихся. Миша подняться не мог и пополз к сараю. Петр отошел в сторону, покачнулся и упал. Доярка не на шутку перепугалась и пошла домой.

Мишу нашла мать, отвела домой и полнучи отливала холодной водой, он весь в синяках был. Что случилось с Петром, никто не знал.

А Петр находился в реанимации. Так страшно закончилась эта несерьезная на первый взгляд ссора.

В самом деле, разгорелась она из-за ерунды. В тот день в клубе должна была состояться дискотека. Миша стоял у клуба, когда подъехал «уазик», из которого вылез Петр. От него попахивало спиртным. «А не хочешь ли на этой машине скаты пробить?» — сказал он, указывая на «уазик». Миша догадался, о чем речь. На днях у машины Петра кто-то порезал скаты и повредил тормозную трубку. Но ответить, что он тут ни при чем, что он только из Умани с практики вернулся и машину ту в глаза не видел, не успел — получил удар в лицо. Подошли друзья Петра и стали «помогать». Миша пытался защищаться и повторял: «Не надо меня бить, как я с синяками в институт покажусь...» Его не слушали.

Что было потом, когда выяснение отношений перенеслось в сад, сказать трудно, между глупым началом стычки и трагическим ее концом — пустота. Свидетелей нет, рассказы же непосредственных участников ссоры — это небо и земля; приводить их тут — значит исписать добрый десяток страниц.

Один лишь факт не вызывает сомнения. Уже в саду Миша, оглушенный (потом у него констатировали сотрясение мозга), очумевший от побоев, нащупал в кармане какой-то предмет. Это был перочинный ножик. Когда

драка возобновилась, он ударил. Он помнит, что ударил два раза.

Если бы это было так...

Звонки из горкома комсомола произвели в институте впечатление ошеломляющее.

Впрочем, все по порядку — как последовательность событий отразилась в протоколах и прочих официальных бумагах. Начинается учебный год. Через месяц Миша получает из райцентра, из Киверец, повестку, где сообщается, что он проходит по делу как свидетель. На общественно-политической аттестации в институте всплывает вопрос о драке. Через пару дней группа обсуждает его на комсомольском собрании. Потом следует еще одно собрание, где принимается решение взять Мишу на поруки.

Горком комсомола получает материалы следствия, из которых явствует, что было не два удара, а множество, и ставит в известность институт. Устраивается третье собрание, где группа выделяет общественного защитника. После этого бюро курса исключает Мишу из рядов ВЛКСМ. Комитет комсомола утверждает это решение. Далее следует суд, который приговаривает Мишу к лишению свободы сроком на два года и шесть месяцев.

Сведения, почерпнутые из официальных бумаг... Сухая их беспристрастность вряд ли способна заронить в душу сомнения, тем более что все сделано по правилам, комар носа не подточит: комсомольская организация делом занималась, причем всерьез и неформально, одних групповых собраний было аж три, ну а человеку, привлеченному к уголовной ответственности, да еще «за нанесение тяжких телесных повреждений», в ее рядах не место.

Но меньше всего хотелось бы в этой запутанной истории быть строгим канцеляристом...

Вот штрихи к Мишиному портрету. «За время учебы в институте проявил себя только с положительной стороны. Учился в меру возможностей... Все комсомольские поручения выполнял добросовестно. Принимал активное участие в общественной жизни. За активное участие в сельхозработах, на коммунистических субботниках награждался грамотами. Активно участвует в художественной самодеятельности. Является участником народной хоровой капеллы института...» (Из комсомольской характеристики.)

Но ни эта бумага, ни масса остальных не объясняют главного: что же случилось с этим, в общем и целом неплохим человеком?

Он крепок телом, затаенный в черную добротную тройку, в движении, несмотря на сильную хромоту, проворен, а в глазах вовсе нет потерянности, которую ожидал увидеть, зная его положение, скорее тяжелое какое-то упрямство. И вдруг понимаю: письмо в редакцию писал не он, там между жалостливых строк проглядывает эдакий растерянный юноша с разметавшейся, испуганной душой, а здесь стоит перед тобой здоровый, крепкий парень. Он выглядит старше своих лет, и когда спрашиваю — сколько ему теперь? — он говорит: «За эти пять месяцев я сразу наикнул несколько лет, так что теперь вполне уже в прыгся...» И я тогда не понял — к чему это он.



Бывало, в детстве отец частенько рассказывал ему прапрабабкину притчу. «В старину, едва народившись на земле и не успев понять мудрости жизни, люди спросили у Создателя: сколько лет отлучено на их век? И получили такой ответ: 20 лет но зато без хлопот и тягот. Ах как мало, запричитали люди, еще бы немного. Хорошо, был ответ, заберите еще 20 лет от коня, но это будут для вас трудные годы, и вы будете томиться в тяжелой работе, как тот конь, что тянет по полю плуг. Согласно, ответили люди, и все же это мало. И был им такой ответ: заберите еще 20 лет у собаки; после сорока будет у вас свой дом и будете вы к нему привязаны накрепко, как тот цепной пес, что кружит вокруг теплой конуры, а к шестидесяти, теряя силу и жизненные соки, станете ворчливы и тяжелы характером, как пес, что глупо лает в темноте на луну...»

С той поры притча крепко вбилась в молодую Мишину голову.

Не знал он тогда, что жизнь вовсе не пряма и гладка, как поле, упершееся в горизонт, и не всегда она течет в русле прапрабабушкиного сказа.

Первый обрыв в этом спокойном, закономерном движении принесла даже не стычка с Петром, оглушившая не-

справедливостью и болью, а нечто страшное: скрип притворяющейся двери КПЗ, страшно, шоково поделившей мир на две части; и все, что было прежней жизнью, стало в один миг чем-то нереальным, никчемным, и он сказал себе: все, Миша, поставь на себе крест...

Олеся Николаевна, мать, приехала навестить сына. Увидела его чужое, изменившееся лицо и, слова не успев сказать, упала в обморок.

Через три дня его поместили в больницу. Там навещал его товарищ по группе Вася Гладун. Всерьез о случившемся речи не было, ну драка и драка, мало ли что бывает, тем более что Миша не зачинщик, он только защищался.

А Петр все еще находился в реанимации, особые опасения врачей вызвали два ранения в легкие и касание сердца.

Миша выписался через 18 дней и сразу приехал в институт. Работал в вузе, пока курс находился в колхозе, и, должно быть, неплохо работал, премию дали.

Жизнь входила в нормальное русло. Но на комсомольском собрании пришлось ему вернуться в тот злополучный вечер и говорить о том, что хотел бы вычеркнуть из памяти, похоронить навсегда в себе; в этом, длившемся три часа разговоре люди его поддержали — мысль о том, что Миша может сотворить нечто страшное, казалась совершенно противостественной.

А в Киверецах шло следствие, откуда поступил запрос на характеристику. Группа собирается вновь и выносит решение: «Приняв во внимание то, что за время учебы в институте Лебедь М. А. проявил себя только с хорошей стороны, ходатайствовать о взятии на поруки».

Никто не знает, да и, наверное, не в силах понять до конца, как отозвался в нем звонок из горкома комсомола и попытка осознать то, в чем он обвинялся: предумышленное покушение на убийство.

Он растерялся — до полной беспомощности. И на очередном комсомольском собрании, когда выбирали ему общественного защитника, когда в принципе все было как прежде, но вдруг выскочила у кого-то фраза: «Да что еще от него можно было ожидать!», он чутьем уловил в той настоятельности, с которой смотрели теперь на него люди, что вдруг ушло, отнесенное строгой неумолимостью следственных выводов, нечто для него архиважное: безоговорочность веры в его правду, в то, что не было у него злого умысла... И это ощущение назвал он про себя корявым, но точным определением: «Грунт под ногами стал жидким».

Бюро же, вынесшее решение об исключении его из комсомола, он воспринял скорее просто как эпизод в своей быстро катящейся под откос жизни.

Последнюю точку в этом деле поставил человек, никому из Мишиного окружения не знакомый. Мало кто знал — Лебедь собирался жениться. Его девушка, узнав подробности, почитала, что он бандит. И дала отворот поворот.

Все пошло прахом.

Первый секретарь обкома комсомола

Михаил Федорович Сердюк (он, кстати, в деталях знает эту историю, она тут многих за живое задела), говорил мне: «Жаль парня, но что поделаешь, комсомольская организация права, иного выхода не было...» Да, логическое завершение конфликта представляется в виде тупика: ничего не поделаешь, такова жизнь, остается только смириться с ударом судьбы.

Но дело в том, что история эта на чисто лишена логики.

По логике человек в его положении мог бы сломаться. Но Миша не сломался. Потому что окружающие его люди, соблюдая дух и букву устава, возможно, сами не отдавая себе отчета, по-человечески сопротивлялись этим духу и букве. Трое из членов бюро отказались голосовать за очевидное решение об исключении, и не было в институте человека из близких, а то и вовсе случайных знакомых, который бы, встретив его в коридоре, не хлопнул дружески по плечу: «Как там у тебя? Держись...» И институтская делегация будет буквально «трясти» следственные органы, стремясь до мелочей разобраться в деле, а на суде делает общественный защитник Вася Нетепчук все, чтобы доказать: не мог Миша умышленно сделать такого... А сам Миша в разгар судебной перепалки будет сдавать очень тяжелую сессию — пять экзаменов, три «курсовика» — и не сдюжит бы ему, не будь рядом Саши Ковальчука, Володи Филоноука, Толи Титорчука и других, которые положили все силы, порой в ущерб своей учебе, чтобы он эту сессию сдал. И он сдал без «хвостов».

Так что прапрабабушкина притча лишь отчасти оказалась мудра; миновав двадцатилетний рубеж, он и в самом деле впрягся, вот только груз, который пришлось ему тянуть, оказался сразу куда как тяжел. Настолько, что свезти его в одиночку было бы не под силу.

Но противоречивость всей этой истории даже не в этом. А в том, что Миша, признанный юридически виновным, в этом деле по главному, человеческому счету — посторонний. Потому что к причинам стычки, вспыхнувшей у клуба, он имеет весьма далекое отношение.

...Ну отчего бы в самом деле не затеряться в дороге письму, где сообщал он Петру адрес сестры своей Нионины...

Они стали переписываться. Потом Петр вернулся из армии. Что у них было, тому судьи только они сами. Минул срок, родилась Светлана.

Не принесли аисты счастья, и началась между жившими прежде в понимании и согласии соседскими домами глужая вражда.

Село есть село, тут все всем известно, пошли гулять по его закоулкам пересуды, легшие на дом Лебедей тяжестью: дочка, мол, не в замужестве, а дите нагуляла.

На уговоры Нионины — давай как люди запишемся, чтоб у малой отец законный хотя бы в бумагах значился, а потом будь что будет, пусть даже и разбежимся в разные стороны — Петр отвечал неопределенно, сегодня так, завтра эдак.

Нионила не отставала, а Петра ее активность раздражала.

Пару раз наведывался в гостеприим-

ный прежде, а ныне встречающий холодной настороженностью дом Мишин отец. Потом плюнул и затею наладить между молодыми мир бросил. Ходила и мать...

Неустойчивость, неопределенность этих отношений была у всех как бельмо на глазу, и судачили по этому поводу тут и там, конечно, изрядно. Олеся Николаевна, всю жизнь в деревне прожившей и впитавшей ее неписанные законы прочно, противоестественность эта никак в голову не шла, являясь чем-то чуждым и непонятым; смысл долгих и трудных договоров-переговоров с соседским домом вменялся скорее не в корысть — Светланку они как-нибудь сами поднять сумеют, — а в беспокойное стремление к покою: давай-ка сделаем по чести. Вот уж в Лудке и квартиру подыскали, сняли, да, видно, понапрасну старания.

А малая подрастала, набираясь уму-разуму. Едва выучившись складывать слова, тянулась к наезжавшему нечестно Мише и говорила: «Тато, тато...» — а у того на сердце делалось нехорошо. С Петром говорил, но не складывались эти разговоры. Однажды — помнится, какого-то из парней в армию провожали — вернулся с синяком. Выпили они там, и Миша сказал: «Петро, ты подлец»... Помахали немного кулаками.

Нионила и раньше брату говариала: не встречай ты в это дело, мы сами разберемся, сами виноваты, но как этому совету следовать, коли он мужчина в доме и свою причастность к тому, чтобы все кончилось по чести, чувствовал.

Нионила в тот вечер, когда первая стычка на проводах произошла, Петра сыскала и опять говорила, что, мол, ладно, мы себя сами наказали, но хоть Светланку давай от горя обережем, она ведь все уже понимает...

И то правда. Разыскала на днях среди вороха пожелтевших от времени газет старый журнал и среди прочей иллюстрированной цветной красоты выбрала репортаж про известного теннисиста Фибакка, особенно ту картинку, где звезда кортов изображен был у семейного очага: с красавицей женой и маленькой дочкой. Пришла к бабушке и, тыча пальцем в картинку, сказала: «Я хочу таких папу и маму!» Ну, Олеся Николаевна, понятное дело, в слезы.

Выговорившись, пошла Нионила к Петру в хату, он сам позвал. Петр сказал, что пора, наверное, на бесполокостности их отношений точку поставить, вот наша комната, здесь и будем жить. А вещи завтра перенести можно. Дело в воскресенье было.

А в понедельник собравшаяся переезжать Нионила нашла дверь закрытой. На стук Петр вышел, сказал, что под одной крышей им не жить, в него все пальцем тыкать станут... Шепнул ему кто-то, у кого язык чешется: смотри, хлопчик, а свое ли дитя в дом берешь? И дверь закрыл. Нионила в окно стучала, да так усердно, что стекло и высадила. Петр отворил, в дом пустил, достал стеклорез и, худого слова не говоря, принялась окно налаживать... А про переезд — ни слова больше.

И все началось сызнова. Сдохла у Петра собака — кого виноватить? Конечно, Лебеди отравили...

Плохо жизнь шла, не по-людски.

Чем дальше, тем больше напоминали соседские дома разнозаряженные полюсы. Не дай бог, искра проскочит...

Проскочила. Пробил кто-то скаты на Петровой машине. И случилось бывшим друзьям встретиться в тот вечер.

Андрей Игнатович Сахарчук, следователь РУВД, сказал мне: «Если по-человечески, по совести, не Мишу судить надо было — Нионилу, вот энергичная дивчина, чего ей пейметесь, рбстила бы дите, так ведь нет же, все за Петра цепляется... Я на очной ставке между ней и Петром даже милиционера посадил, как бы чего не вышло...»

И сама она не таится: «Сахарчук толкует, что, мол, тебя, Нила, судить надо. А я что? Да прав он. Судите вы нас с Петром, судите, от Миши только отстаньте, ни при чем он тут...»

Она и в Киев собиралась: в высоких инстанциях за брата воевать. И почерк, которым письмо в редакцию написано было, не Мишин. Ее почерк.

Какой же тоской веет от брошенного гнезда на ветру...

Мишина мать встретит тяжким: «Ой, люди добрые, беда, беда...» — и все плачет, плачет, вяло, едва слышно ругает Петра нажаловой и еще повсякому, а Алексей Александрович устало ее осаживает: «Брось, мать, брось, чего зря слезы лить».

И то верно. Областной суд пересмотрел решение районного, квалифицировав действия Миши как превышение необходимых мер самообороны. Это значит — год. С отсрочкой исполнения приговора на два года. Статья предусматривает, что в случае примерного поведения мера наказания может не применяться.

Странно: жили-были аисты высоко над селом; упал из гнезда аистенок, и в глазах людей это не вменялось в рамки разумного, объяснимого: аист, хотя и смышленная птица, однако не ведает, что творит с ближним своим, оттого и случилось неоправданное — беда... Но отчего же в своем большом гнезде, устойчиво и безопасно сооруженном не на ветру — на земле, не увидели того же самого?

Адвокат Анастасия Васильевна Дейнека, столкнувшаяся за свою активную семилетнюю практику с таким случаем впервые и сразу почувствовавшая, что перед ней не столько дело о преступлении, сколько дело о беде, и потому защищавшая Мишу уже скорее не по профессиональной обязанности, а просто по человеческой, напомню мне сказала: «Я его в суде отстояла, а вы уж как-нибудь — в жизни...»

Это, пожалуй, самое сложное. Здесь все зависит от тех, кто тебя окружает.

Какой же тоской веет от черного безжизненного гнезда. Но есть в ней промельк веры: придет тепло, вернутся аисты.

И что бы там ни было, они по точной житейской примете — все-таки к счастью.

Василий Казаринов,
наш спец. корр.

Рис. В. Попова

О ЛЮБВИ СКАЗАНО МНОГО

Сегодня мы продолжаем разговор, начатый в № 9, о любви как духовной основе семьи. Итак, вы уже должны были разобраться в формуле любви, предложенной психологом Ю. Орловым. Знаете, как не попасть впросак, не спутать лю-

бовь с простым увлечением. Помните, что искусством любить можно овладеть, эта способность воспитывается, и непременным условием взаимопонимания в семье является доверие...

ВОПРОС: А как узнать другого, даже любимого человека?

ОРЛОВ: Познание человека сложно. Мы упрощаем дело, приписывая другому мотивы и устремления, которые нам хорошо знакомы. А может быть, мы ошибаемся? Каждодневное общение, проверка наших предположений о другом человеке, которые постоянно меняются и постепенно углубляются. В любви люди должны стремиться к тому, чтобы быть *знаемым* друг другом. Поэтому любовь невозможна без *доверия*. Мы открываемся тогда, когда уверены в том, что знание о нас не причинит нам вреда, не унижит, не приведет к разочарованию.

Однако если даже мы и сознательно стремимся быть *знаемыми*, то следует помнить, что существуют механизмы психической защиты «я». Они способствуют маскировке и созданию о себе благоприятных впечатлений при полном отсутствии оснований для этого: я могу думать о себе, что тактичен, в то время как чувствую внутреннее раздражение, которое вымещают на близких, могу переоценивать способности, свои успехи и многое иное. Надо стремиться корректировать себя.

ВОПРОС: Но как это делать? Как стать доверчивым?

ОРЛОВ: Нужно принимать другого человека, который любит тебя или которого ты любишь, как единственного и *отказаться от сравнения* с окружающими вас людьми, принимать его каким он есть в совокупности достоинств и недостатков, как мать принимает своего ребенка, порождая в нем чувство любви. Тогда постепенно возрастает доверчивость и уменьшаются механизмы психической самозащиты. Человеку становится беспричинно хорошо, легко и свободно. Нужно стремиться к тому, чтобы и тебя принимали таким. Кто тебя любит, примет тебя. Тот же, кто «приценивается» с точки зрения выгоды, видит твои достоинства и презирает недостатки, он хочет разорвать тебя на две части: хорошую взять себе, а плохую оторвать и отбросить другим, как бы ни было больно при этом тебе.

ВОПРОС: А как же быть с плохими чертами любимого человека? Мириться с ними? Трудно перенести наличие плохих черт у любимого. Если бы я его не любила, то могла бы принять его таким, как он есть, и с плохими качествами. А когда люблю, то он у меня должен быть идеальным, и я этого добьюсь...

ОРЛОВ: Смотри какими методами будете добиваться результата. От это-

го он и будет зависеть. Если будете видеть в супруге только отрицательные черты, то трудно его любить. Возникнет стремление всякий раз, когда эти черты в нем проявляются, наказывать его. Вы сможете подавить в нем эти черты. Но каковы будут последствия? Ваш образ запечатлется в душе мужа в тесной связи с неприятными переживаниями, которые вы причиняете ему. Общий закон психологии: если образ сочетается с неприятными переживаниями, и если это повторяется достаточно часто, то он, образ, сам по себе приобретает способность вызывать неприятные чувства. Так формируются комплексы, фобии и многое другое. Если вы пренебрегаете, то сможете подавить плохую черту в вашем муже, но в ответ получите трудно сдерживаемое состояние страха или отвращения. Слишком дорогая плата за тот ничтожный результат, который получите.

ВОПРОС: А как быть? Спокойно смотреть на его недостатки?

ОРЛОВ: Ждать и любить. Любовь — наилучшая стратегия воспитания. Награждать радостью малейший случай, когда муж будет обнаруживать черты, нравящиеся вам. Быть терпеливой. Все образуется. Принимать его раскаяние. Раскаяние способствует угашению плохих поступков. Это знали давно. Огорчайтесь, когда ваш любимый совершает плохие поступки. Это будет подавлять в нем стремление к ним. Огорчайтесь, но не давайте перерастать огорчение в агрессивное проявление и различного рода вымещения агрессии. Ваше огорчение будет усиливать в нем внутренние силы сдерживания и самодисциплины. Ведь он вас любит и не хочет, чтобы вам было плохо.

ВОПРОС: А как быть, если она (он) не желает выполнять свои обязанности в семье, ленится? Ведь невозможно заставить сделать то, что надо! Посылаешь его за хлебом, а он говорит, что ему некогда!

ОРЛОВ: Видимо, можно сходить и самой, но не превращать это в проблему, которую надо разрешать ценой хороших отношений и настроения. Надо внимательно посмотреть на то, какой ценой мы получаем наши преимущества или выгоды. Иногда за них плата слишком высока. Умение взвешивать последствия желаний важны в совместной жизни.

ВОПРОС: А как быть с ревностью? Если он любит другую, да еще и взаимно, как-то трудно испытывать с ним вместе радость по этому поводу...

ОРЛОВ: Наилучшая стратегия — не обнаруживать ревность. Следует помнить, что проявления ревности

всегда направлены на то, чтобы причинить страдание тому, кого ревнуют. Если много ревности, то много и неприязненности, агрессии и гнева. Это не может не убивать любовь. Обвиняя другого на неверности, мы усиливаем его установку на супружескую измену и уменьшаем его способности любить вас. Если я своей жене не доверяю, пробуждаю в ней чувство вины, то ей трудно, порой просто невозможно меня любить, так как она, смотря на себя моими глазами, видит себя притворщицей или лицемеркой.

ВОПРОС: По-вашему, надо играть роль влюбленного человека и доверчивого, если даже нет любви и нет доверия?

ОРЛОВ: Поведение человека в межличностных отношениях в очень большой степени определяется ожиданиями других. Характер этих ожиданий программирует значительную часть поведения. Поэтому, если я считаю, что ты меня любишь, то тебе трудно меня не любить, тебе легче реагировать в соответствии с моими ожиданиями. Если я считаю и показываю, что ты меня не любишь, то очень трудно меня любить. Для этого надо преодолеть мое мнение. Ведь я существую общественное, и об этом не следует забывать. Моя жена тоже существо общественное, и в ее поведении многое зависит от меня... Может быть, надо не просто играть роль доверия, а просто доверять. Это лучше, чем не доверять. Быть влюбленным в жену всегда лучше, чем сомневаться и не любить.

ВОПРОС: Вы сказали, будьте смелее и переходите из воображаемого плана любовных отношений к реальному. Как это понимать, не следует ли расстаться с идеями полового воздержания и нравственной чистоты и броситься в «реальность» половых отношений?

ОРЛОВ: Каждый понимает в меру своей испорченности... Неправильно противопоставлять любовь в воображении к половым воздержанием. Эротическое воображение, когда человек в мыслях проигрывает эротические ситуации и избегает реальных контактов, отнюдь не свидетельствует о «чистоте», а скорее наоборот. Эротическое воображение, бесплодно возбуждая центральную нервную систему и соответствующие половые центры, приводит к их истощению. Поэтому контроль воображения, избавление от эротических картин, особенно в состоянии одиночества, приводит к нежелательным привычкам или к преждевременным и неразборчивым половым связям, наносящим ущерб нравственно-половому разлиту личности. По-



Фотоконкурс-84

Фото Н. Евстигнеева

этому основным требованием психической гигиены является свобода от эротического воображения, особенно в молодом возрасте, когда оно так сильно... Говоря о том, что любовные отношения человека должны быть в большей степени реализованы, я имел в виду реальную, а не воображаемую жизнь, имел в виду приобретение опыта человеческих отношений. Вы боитесь реальных контактов, а может быть, она вас любит или любит?

ВОПРОС: Почему неразборчивые связи могут привести к ущербу в половом развитии личности? Ведь человек существо социальное, а здесь биология?..

ОРЛОВ: Примерно на одну десятую — биология, а на девять десятых сущность любовных отношений состоит в человеческих, общественных отношениях. Биологизация любовных отношений была свойственна Фрейдю, и в этом он заблуждался, хотя многое он понял правильно в развитии человеческой сексуальности. И вред неразборчивых связей лежит не в биологии, а в их социальной сущности.

Мы, отцы, обычно боимся, что наши дочери могут стать объектом соращения. Они, видите ли, от этого могут забеременеть и создадут проблему. Но мы не боимся соращения наших сыновей. Скорее думаем, что пусть приобретают опыт... А на самом деле соращение мальчиков по своим психологическим последствиям не менее тлетворно влияет на личность будущего мужчины. Дело в том, что вступление в связь ради только полового удовлетворения всегда сопровождается впоследствии неприятными переживаниями. Если это повторяется часто и если объект полового влечения не является любимым, а в некоторых случаях низко оцениваемым и даже презираемым, то образуется конфликт между половым влечением и способностью к любви: объект влечения не может быть любим, а любимый человек любим в воображении и «платонически».

Если это зашло далеко, то развивается пигмалионизм: любовь к недостижимому воображаемому идеальному объекту. Так и появляются люди, любовь которых живет до первого интимного сближения, а потом она немедленно погибает под влиянием накопленного плохого опыта сексуальности, оторванной от любви... Невоздержанность и неразборчивость приводит к неразрешимому конфликту между любовной установкой и половым влечением. Впрочем, этому могут быть подвержены и мужчины и женщины. Все зависит от опыта сексуальности...

ВОПРОС: А как мне теперь быть? Мне двадцать лет, а у меня уже было 28 женщин... Что же будет со мною в 30 или 40 лет?

ОРЛОВ: Это нетрудно представить. Для этого примените арифметику, разделите, перемножьте и получите ответ. Однако подлинный ответ на вопрос удручит вас: если это так будет продолжаться, то с вами будет покончено как с мужем или потенциальным отцом, с жизнью в семье. Прекратите и не вступайте в эти отношения без любви. Вот что можно вам предложить в качестве лекар-

ства. А если не сможете, обратитесь к психотерапевту-сексологу...

ВОПРОС: Он ухаживал за мной полгода. Я влюбилась в него, жила им и предстоящими встречами. Но все это продолжалось до первого интимного сближения. После этого он меня «бросил». Я была в отчаянии, не находила себе места. Думала о том, что, видимо, я настолько непривлекательна физически, что сближение со мною убило в нем любовь. У меня развился комплекс неполноценности. А теперь после вашего ответа мне становится ясным, что дело совсем не во мне, а в нем. Верно ли это мое предположение? Но удивительно, как мужчины могут притворяться: полгода демонстрации любви...

ОРЛОВ: Здесь не было никакого притворства. Он действительно испытывал к вам влечение, любил вас в своем воображении, так как вы еще были недостижимы в определенном смысле. Вы правы. Вам просто повезло, что вы не поженились. Ведь нет большего несчастья, чем жить с человеком, которого любишь и который НЕ МОЖЕТ ВАС ЛЮБИТЬ, и ум которого постоянно устремлен к недостижимому, воображаемому, идеальному человеку. Жить с человеком, который не может быть настоящим отцом для ваших детей.

ВОПРОС: Правильно ли считать, что вы против платонической любви?

ОРЛОВ: Смотря для кого. Для поэтов, композиторов, художников платоническая любовь, представляющая собою сублимацию влечений, оказывается основой творчества. Вспомните Беатриче, Прекрасную незнакомку — они были недоступны, жили в воображении художника. Однако платоническая любовь не может быть духовной основой семьи. Она не желает сталкиваться с реальностью, отрицает ее. Для семьи и для подлинного счастья человеку требуется не платоническая, а реальная любовь к конкретному человеку, в ее полноте. Об этой любви трудно написать роман или стихи, потому что она обыкновенна и не поражает наше воображение и часто не может вдохновить писателя, поскольку эта любовь эффективно разрешает собственные конфликты и ее трудно художественно изображать. А писателю нужны конфликты...

Реальная любовь, лежащая в основе истинно человеческих отношений, является тем, чем мы живем. Она питает личность в ее развитии, способствует возникновению в ней лучших качеств, она лежит в основе терпения и самодисциплины, в основе мудрости матери в отношении к ребенку, порождает отвагу и смелость в защите любимых. Поэтому именно реальную любовь в том смысле, в котором мы ее понимаем, следует культивировать в человеческих отношениях, в семье, в отношениях с близкими и коллегами. Именно она оплодотворяет человеческие отношения и пробуждает дух творчества. Нужно знать любовь и ее проявления, законы, по которым она или растет, или умирает, и применять эти знания к самому себе, к своим отношениям, к близким. В этом заключен подлинный смысл психологического знания любовных отношений, знания любви как сущности и высшей формы человеческих отношений.

Молодой хозяйке

Как составить букет?

От того, как вы составите букет, какую вазу для него предназначите, зависит очень многое. Появится индивидуальность, утонченность, проявится ваш вкус, возможность более красиво подать привычные для всех цветы. Что же для этого нужно? Во-первых, дополнительные к цветам элементы — злаки или их листья, ветки зелени или ветки с ягодами, вьющаяся зелень, сухие или свежие травинки, мох и т. д. Кстати, злаки, камыш, мох, просто красивые веточки надо засушить еще летом.

В искусстве аранжировки цветов есть определенные правила, которым надо следовать. Так, например, ваза с цветами только тогда привлекательна, если выдержаны пропорции: высота букета — высота вазы — 5 : 3; ширина букета — ширина вазы — 5 : 3; общая высота — высота вазы — 8 : 5. Для плоской же вазы подойдет цветы, в два раза превышающие диаметр или длину вазы. Это относится к самому высокому цветку, так как не стоит размещать цветы на одном уровне. Такой букет будет скучен. Впрочем, это пожелание относится ко всем букетам. Как и то, что рыхлые букеты более привлекательны, чем плотные. Поэтому не следует забивать вазу цветами полностью. Каждый цветок, ветка должны хорошо просматриваться, свободно размещаться.

Дополнения к цветам хороши только тогда, когда они соответствуют характеру цветов. Так, к легким, грациозным цветам лучше всего подходят злаки или их листья, а к тяжелым, массивным — облиственные ветки или ветки с ягодами.

Помнить надо еще и о том, что существуют цветы, например, розы, гиацинты и др., которые производят впечатление сами по себе и даже в единственном числе. И существуют цветы, красота которых заключается лишь в группе — астры, луговые цветы...

Как же учесть «характер цветов», подбирая вазу? Для крупных цветов (гладиолусы, хризантемы) подойдет высокий, вытянутый керамический сосуд. В него нельзя ставить букеты округлой, расплывчатой формы. Для них лучше использовать вазу круглой формы. Наружные цветы должны слегка склоняться, это придаст особую прелесть букету.

Для луговых цветов, садовых кустарников можно использовать простые глиняные или деревянные сосуды, плетенки из соломы, корзины, в которых можно поместить любую емкость для воды, тщательно скрыв ее ветками.

Маленькие вазы, естественно, лучше всего подходят для низкорослых растений и цветов (ландыши, фиалки, подснежники и т. д.). А в высокой широкогорлой вазе удачно смотрятся односторонние букеты, у которых переносная сторона тщательно разработана, а обратная — почти равномерно плоская.

Цветы с тонкими стеблями, почти без листьев, изящные, особенно хорошо выглядят в стеклянных или белых вазах.

Ирина Смирнова



Быт: этаж за этажом. Фоторейд

Кое-что о вежливости

Честно говоря, здесь должна быть еще одна фотография, которую, к сожалению, мне сделать так и не удалось, несмотря на все ухищрения. Это портрет вахтерши студенческого общежития тети Маши (Даши, Глаши, Фени) на боевом посту.

Горе тому, кто попытается проникнуть в общежитие! Воистину *недреманное* око тети Маши всегда начеку. Мне, например, было сказано далеко не в мягкой форме, что я могу, конечно, написать заявление на имя декана, и, может быть, — может быть! —

он разрешит мне посетить общежитие в сопровождении кого-нибудь из преподавателей, а вообще-то катилась бы я лучше подальше, а то, как известно, *«ходят тут всякие, а потом...»*.

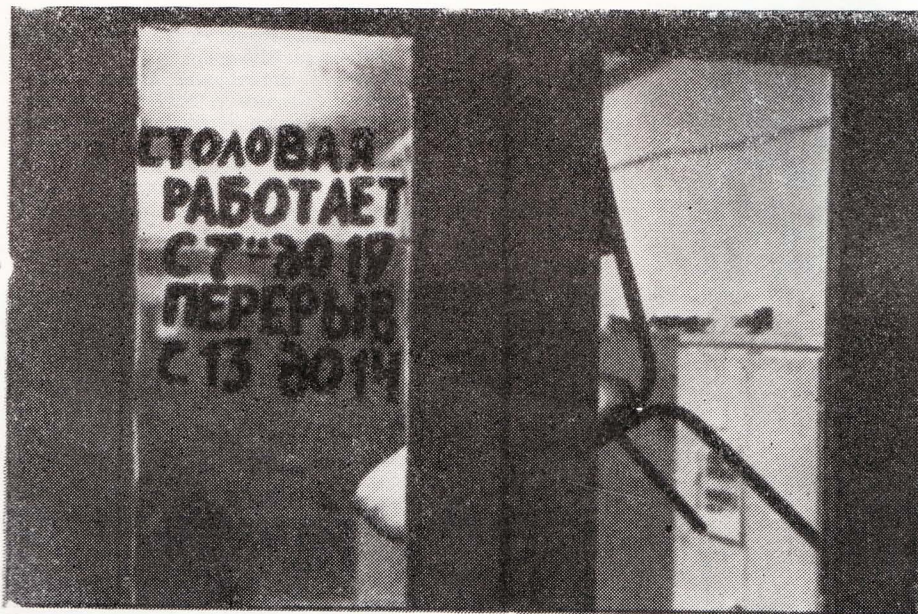
Я специально не называю ни города, ни общежития — это с одинаковым успехом могло быть в Харькове, в Новосибирске, в Ростове. Но меня всегда поражало одно: почему это есть?

А что студенты? Многие ли из них в такой обстановке сочтут общежитие родным домом? Отсюда и отношение к нему — казенное, равнодушное. И уж какой тут тогда уют, какая эстетика! Сколько раз я видела в скромных интерьерах комнат студенческих общежитий то цветастые рекламные плакаты, призывающие купить где «ароматнейшее туалетное мыло», где гигантский прокатный стан, то распятых на стенах и на шкафах «битлов» и «роллингов»... Причем неизбежно действует правило: картинки эти к шкафу приклеиваем (чтобы ненароком гвоздем не попортить *наши собственные* вещи, лежащие в нем), к стене (общежитической, то есть *не нашей собственной*) — прибиваем.

Ну откуда все это берется?! Ведь дома, у родителей, ничего подобного нет. Нет гвоздей в стенах, никому и в голову не придет мыть в раковине грязный венчик, никто никогда не пойдет из одной квартиры в другую в бигуди или тренировочных штанах с пузырями на коленях... Впрочем, там, дома, ни мама, ни бабушка, ни соседка не закроют дверь кухни на ножку стула, если им захочется отдохнуть, не станут непечатно ругаться, если ты и пройдешь по чистому полу в грязных сапогах, не будут угрожать исключением из института, если у тебя гости задержались...

Так, может быть, все-таки стоит почаще вспоминать старую истину, которая гласит, что ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как вежливость, и попробовать стать вежливыми — взаимно.

В. Ивлева, фото автора



Удивительна природа моды!

Дорогие читатели!

В № 1, 2 1985 года мы предполагаем опубликовать наиболее интересные отзывы из книги Любомира Стойкова «Чарующая диктаторша (калейдоскоп моды)».

Да, она диктаторша, но чарующая, снажут одни. Чарующая, но все же диктаторша, отзовутся другие. Едва ли найдется человек, который бы не испытал власти ее магии, не восхитился ее могуществом. Для одних мода — дань человеческой суете, для других — капризное дитя вкуса времени, а для третьих — потребность, без которой и жизнь немислима... Что же, однако, делает ее таким интересным, загадочным и популярным явлением? Ее способность в короткое время преобразить миллионы людей? Или то, что часто она, мода (как внешний вид, одежда, прическа, носетика, поведение), посещала там, где были беспомощны ловкость, умение и даже талант?..

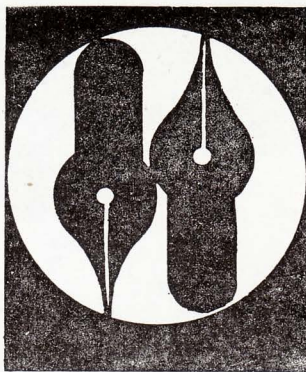
Когда мы говорим о вкусе в одежде и способе оформления внешности, нельзя не отметить гуманистической миссии моды; нельзя забывать ее человекоутверждающей роли. Изящна ли мода или вульгарна, возвышенна или пошла, прекрасна или эксцентрична, зависит не только от обстоятельств, но и от людей. От тех, кто ее создает, и от тех, кто ей следует; от тех, кто зарабатывает на ней, и от тех, кто несет убытки. Справедливо ли думать, что нет красивой и дурной, странной и обыкновенной моды, а есть красивые и дурные, странные и обыкновенные люди? Есть люди со вкусом и культурой, есть люди без вкуса и без культуры.

Молодежь — самый искренний и самодержавный поклонник моды. Молодость обаятельна. Подобно молодости, настоящая мода удостаивает людей своими чарами, когда появляется, а не когда отмирает; когда она нова, а не устаревшая.

Стратеги буржуазной идеологии и пропаганды рассчитывают в значительной степени на экспрессивность и податливость молодежи к модным веяниям. Они мечтают моделировать такой тип юноши, который бы мыслил только о том, как бы принарядиться, каков будет размер лацканов его пиджака, вместо того чтобы обращать внимание на проблемы безработицы, расизма и полицейских репрессий. Цель — сделать моду искупительной жертвой, которая отвлекла бы внимание молодежи от общественно-политических проблем, направить по неверному руслу ее социальную энергию, ослабить ее идейно и эмоционально.

Что является предметом этой книги и что преследует она? Идея написать «Чарующую диктаторшу» проистекает из необходимости систематизировать и изложить в доступном виде некоторые характерные черты моды; чтобы прояснить точки соприкосновения моды с молодым поколением через призму ее истории, теории, классовой направленности, эстетики, социологии и социальной психологии. Это становится необходимым и из-за тревожной тенденции недооценки, а иногда и пренебрежения этими вопросами в семейной, школьной и производственной среде, в формальных и неформальных коллективах, в малых и больших группах и как целое в деле воспитания молодежи.

У книги конкретный и ясный адрес — молодое поколение. Не случайно изложенные факты в значительной степени проистекают от мнения, предложений и впечатлений молодых людей, обобщений, из опросов, которые автор провел со студентами, рабочими, служащими и школьниками. Короче, предмет этой книги — пестрый калейдоскоп из проявлений моды в молодежном стиле одежды и оформления внешности. Критически рассмотрены как буржуазная массовая культура, модный миф и поверхностные явления в западной поп-музыке, так и конформистское подражание и пренебрежение перед заграничной одеждой и субкультуре некоторых наших молодежных групп.



Письма заинтересованных людей

Эрмитаж... или Пассаж?

Общаясь со своими друзьями, я часто обращаю внимание на темы, которые мы обсуждаем. Увы, не часто мы, студенты, делимся впечатлениями о новых книгах, кинофильмах или, тем более, спектаклях. Если такие обсуждения бывают, то проходят как-то односложно, «вскользь». Лишь единицы волнуют проблемы науки и искусства. Но вот уж о том, где и как достать какую-то модную вещь, многие студенты готовы говорить часами с наслаждением и искренней заинтересованностью.

Неужели те, кто готов отстоять километровую очередь, верят в то, что удобства от новой вещи компенсируют затраченные на ее приобретение усилия? Неужели они так интеллектуально богаты, что могут позволить себе попусту растрачивать время? Ведь вместо магазина можно было бы сходить в музей или театр, почитать книгу или побеседовать с интересным человеком. Неужели удовлетворение от обладания модной вещью может быть больше, чем восторг от понимания неизвестного, восхищения прекрасным. По-моему, гонясь за внешним эффектом, многие молодые люди забывают о высоких потребностях человека.

Жаль, но таких немало.

А. Воеводин,
Ленинград

Моя настольная книга

Наверное, в жизни каждого человека есть своя Книга. Книга, без которой он себя уже не мыслит. Книга, ко-

торая помогает жить, открывает что-то новое в окружающем мире и в самом себе. Мне хочется, чтобы читатели рассказали на страницах журнала о своей Книге. Думаю, что эти монологи-размышления будут интересны не только мне. Я же давно хотела рассказать о моей Книге. Это «Маленький принц» Сент-Экзюпери. О чем она? О самом высоком в мире — о Человеке. О человеческой жизни и человеческой душе, многоликой, непонятной и загадочной. И о том, чтобы ни век машин, ракет и самолетов, ни излишняя рациональность не затмили для нас ПОЭЗИИ. Чтобы мы смогли разглядеть в каждом способность к лучшему, доброму и прекрасному, которую можно назвать одним-единственным словом — ДЕТСТВО. Детство, воплощенное Сент-Экзюпери в образе Маленького принца. Детство — открытое и беззащитное, нежное и доверчивое, но сильное своей правотой и верностью.

В тебе тоже живет удивительный мальчик — Маленький принц, способный радоваться окружающему миру, и раскрашивать его страницы смеющимися красками, и видеть его намного шире, чем кажется на первый взгляд. Недаром военный летчик, от имени которого ведется повествование, в детстве тоже умел разглядеть слона в удаве и очень злился на взрослых, видящих просто шляпу. Но и он повзрослел и признается нам без грусти: «Я, к сожалению, не умею увидеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я немного похож на взрослых. Наверное, я старею». Но мы повторяем за Маленьким принцем: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». И разглядываем сквозь стенки ящика барашка и говорим: «Смотри-ка! Он уснул...» И мы всегда в ответе за тех, кого приручили. Мы в ответе за все происходящее на Земле, на то мы и люди.

Добрая сказка Сент-Экзюпери обращена к тебе, мой друг. Она будит чистоту детства и советует: «Посмотри и прислушайся к себе. И ты увидишь, как мир прекрасен, загадочен и непостижим. И тебе будет не все равно, «если где-то в безвестном уголке Вселенной барашек, которого мы никогда не видели, может быть, съел незнакомую нам розу».

Ольга Алексеева,
студентка УПИ

Письмо на контроле

Взятка

Под таким заголовком в № 2 за этот год был опубликован судебный очерк А. Донкова, в котором вскрывались серьезные нарушения в финансово-производственной деятельности ССО «Монолит» Великолукского сельскохозяйственного института.

Редакция получила ответ секретаря Псковского обкома ВЛКСМ В. Ф. Мельникова: «Статья «Взятка» была рассмотрена и обсуждена на заседании секретариата обкома комсомола. Изложенные в ней факты признаны правильными.

В целях улучшения контроля за ведением финансово-хозяйственной деятельности ЛССО области планируется проведение учебы с председателями ревизионных комиссий районных и городских комсомольских организаций, рассматривается возможность создания на базе экономического факультета ВСХИ группы студентов, которые во время трудового семестра будут осуществлять контроль за состоянием финансово-хозяйственной деятельности ЛССО области».

«Романтики и прагматики»

В журнале «Студенческий меридиан» № 4 за 1984 год была напечатана статья «Романтики и прагматики», в которой изложены факты грубых нарушений при формировании, подготовке и организации работы студенческого отряда «Путинец-83» Иркутского института инженеров железнодорожного транспорта, дислоцировавшегося на острове Шикотан.

Негативные факты, изложенные в статье, действительно имели место и были рассмотрены на совместном заседании комитета ВЛКСМ института и областного штаба студенческих отрядов.

В ИИИЖТе состоялось общее собрание отряда «Путинец-83», заседание комитета комсомола института, на которых резкой критике была подвергнута работа штаба отряда и комитета ВЛКСМ по подготовке СПО «Путинец-83». Секретарю комитета ВЛКСМ объявлен строгий выговор.

О результатах работы комиссии в Сахалинской области сообщим дополнительно.

Секретарь ОК ВЛКСМ
В. Ледаев

Патентное бюро «Ст. М.»

Предлагаю организовать в каждом вузовском центре фирму «Студенческий сервис», которая выполняла бы различные услуги, и не только чисто бытовые, но и духовные, скажем, разрабатывала бы сценарии проведения свадеб, молодежных праздников, ритуалов, новых традиций, массовых мероприятий, и сами бы студенты принимали участие в их организации.

Здесь же могли бы разрабатываться новые образцы домашнего, кухонного оборудования, инвентаря для личных подсобных хозяйств, садово-огородных участков. Или, например, фирма может взять под свою опеку один из ресторанов или кафе города, назвать его «Студенческий» и сделать образцовым! И пусть он будет на ее балансе.

Принципы ее работы строятся на хозрасчете, что развивается у будущих специалистов практическое экономическое мышление, которого подчас им очень не хватает на производстве. Подчинить фирму можно было бы областному штабу ССО или соответствующему управлению горисполкома.

А что думают по поводу этой идеи другие читатели? В. Дмитриев, Москва

Уважаемые читатели! Предлагаю создать в вашем вузе студенческий социологический центр (ССЦ), научное руководство которым могла бы взять одна из кафедр общественных наук. Задачей такого центра могло бы стать изучение общественного мнения читателей «Студенческого меридиана», запросов и интересов студенчества в целом. Таким образом, студенты сами могли бы подсказывать редакции журнала (да и не только редакции) наиболее интересные, острые и волнующие их проблемы. Результаты опросов мы могли бы регулярно публиковать.

Такой центр редакция могла бы наделить правами специального корпункта журнала ЦК ВЛКСМ и Минвуза СССР «Студенческий меридиан», а впоследствии провести среди них конкурсе, а с руководителями — специальный семинар в редакции. Ждем от вузов предложения. Заявки на реализацию идеи (после принятия и утверждения ректором и комитетом ВЛКСМ) просим присылать в редакцию.

Доцент Вл. Анин



Клуб Веселых Мыслителей

Предлагаем вам поразмыслить над Гоголовомной историей, в которую попал перед сессией студент Чайников.

Весь семестр он пропускал занятия, а потом оказалось, что не знает даже, каким преподавателям какие экзамены сдавать. Долго он рылся в конспектах, но сумел выяснить только то, что всего преподавателей было трое: Угрюмов, Раздольнов, Постулатов. Еще он только сумел узнать, что самый молодой по возрасту из них — преподаватель по математическому анализу. У него нет ни братьев, ни сестер. А преподаватель по фамилии Угрюмов

женат на сестре преподавателя Раздольнова и намного старше преподавателя по аналитической геометрии. Долго сидел студент, ломая голову. Но все-таки он сумел высчитать, какому из преподавателей нужно идти сдавать экзамен по математическому анализу, какому по аналитической геометрии и какому по молекулярной физике. Как это удалось ему сделать?

Кстати, решив данную задачу, студент без труда сдал на другой день экзамен по логике на «отлично». И еще раз вскоре пришлось призадуматься студенту Чайникову о том, как все-таки лучше готовиться к экзамену. В институт пришла комиссия, которая провела статистическое исследование, в результате которого выяснила, что из 100 опрошенных студентов 78 в эту сессию предпочли готовиться к экзаменам во время сессии. 71 — в последнюю ночь перед экзаменом. А 48 считают, что лучше готовиться и в ночь перед экзаменом, и во время сессии. Правильные ли данные получили исследователи? Думал над этим и студент Чайников. И потом толчил по математике пятерку. А какую бы вы поставили оценку исследователям и почему?

Шахматы

В приведенной ниже партии выдающийся русский шахматист применил защиту, названную впоследствии его именем, но ошибочный план привел к немедленному краху.

Ф. МАРШАЛЛ
М. ЧИГОРИН
Защита Чигорина
1902 г.

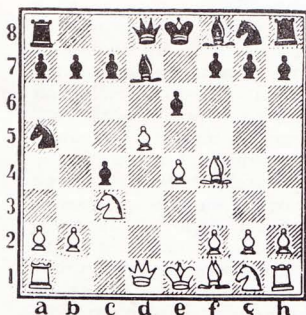
1. d4 d5 2. c4 Kc6 3. Kc3 dc 4. d5 Ka5 5. Cf4.

После 5. Фа4 + с6 6. b4 b5 7. Ф: а5 Ф: а5 8. ба b4 9. Kd1 cd10. e4 e6 у черных достаточная компенсация за фигуру — у белых трудности с развитием фигур, и далеко продвинутые пешки требуют постоянного внимания. Теперь после примерного 5... e6 6. e4 ed 7. K: d5 Cd6 8. C: d6 Ф: d6 9. Фа4 + Kc6 10. C: c4 Kf6 черные благополучно завершили развитие.

5... Cd7?

Защищаясь от угроз 6. Kb5 и 6. Фа4+Чигорин избирает неверный план.

6. e4! e6.



Без хода e7—e6 все равно не обойтись, но здесь это значительно ослабляет позицию черных.

7. ed fe?

Просмотр, после 7... C: e6 8. Ф: d8 + Kp: d8 9. 0—0—0+Kpc8 10. Kb5 с6 белым нужно играть изобретательно, чтобы компенсировать потерянную пешку, теперь же все заканчивается мгновенно — черные теряют коня.

8. Фh5+. Черные сдались.

На 65-м поле

Французский король Людовик XVI через четыре месяца занятий у сильнейшего шахматиста века Филидора пожелал узнать, как маэстро оценивает его игру. «Ваше величество, — ответил Филидор, — всех шахматистов можно разбить на три класса: те, кто совсем не умеет играть, те, кто играет плохо, и те, кто играет хорошо. Вас, ваше величество, я могу уже отнести ко второму классу».

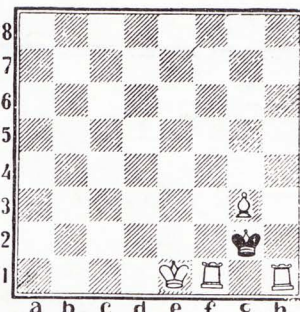
Конкурс решения

Напоминаем участникам конкурса, что решения нужно присылать не позднее чем через месяц после получения журнала, только на почтовых карточках. Не забудьте указать номер задания.

В решении двухходовок можно указывать только первый ход, в трехходовках — первые два хода, в этюдах — основные варианты. Ну а теперь очередные задания.

Второй тур

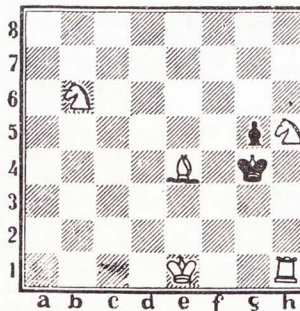
№ 3



(2 очка)

Мат в три хода

№ 4



(2 очка)

Мат в три хода

Двенадцатый чемпион

Напомним: чемпионом мира по шахматам Анатолий Карпов впервые стал в 24 года. С тех пор дважды: через каждые три года, он подтверждал, что тот первый успех был не случайным.

За матчем Карпов — Каспаров с пристальным вниманием следит вся планета. То, что двенадцатый чемпион личность незаурядная, в этом нет сомнений. Чем же он отличается от остальных? Послушаем несколько высказываний о нем коллег-шахматистов.

«Карпов никогда бы не стал Карповым, если с детских лет, умея выслушать советы самых мудрых людей, не выработал бы в себе умения всегда принимать окончательное решение самостоятельно. Именно это качество позволило ему выработать свой неповторимый стиль».

«Наблюдая игру Карпова со стороны и играя с ним, никак не можешь отделаться от ощущения, будто все фигуры сцеплены невидимыми нитями, образующими сеть, которая движется неторопливо, понемножку накрывая неприятельские фигуры и в то же время удивительным образом не уступая свои. Действия его легки и непринужденны, он не делает неловких движений и не рвет связующие нити».

Международный гроссмейстер Игорь Зайцев, тонко чувствующий игру, как-

то заметил: «Вроде бы мы все играем по частям, а один Карпов целиком. Какая-то сплошная векторная диаграмма».

Чемпион мира не любит проигрывать. Много лет назад, завоевав право на участие в матчах претендентов, он признался: «Я всегда хочу быть первым; ну если не первым, так одним из лучших. В шахматах тем более. Иначе не стоит играть серьезно. И кроме того, если не быть первым, то значит терпеть поражения. А кому приятно проигрывать? Звание чемпиона завоевывали всего одиннадцать человек. И вполне возможно, я не повторю их достижений. Но этот вариант я не хочу сейчас анализировать».

...Двенадцатым чемпионом стал Карпов. Он выиграл и два следующих матча (в 1978-м и 1981-м) за шахматную корону. С годами пришла и житейская мудрость. Сейчас Анато-

лий Евгеньевич ведет большую общественную работу. Не случайно эпиграфом к книге «Девятая вертикаль» является фраза: «Шахматы — моя жизнь, но моя жизнь — это не только шахматы».

Встретиться с Карповым довелось в правлении Советского фонда мира, председателем которого он является. В этот день Анатолий Евгеньевич встречался с группой молодых ученых, лауреатами премии Ленинского комсомола, перечисливших денежное вознаграждение в Фонд мира. Беседа получилась на редкость теплой и дружеской. А потом чемпион мира ответил на вопросы любителей шахмат.

— Шахматы вчера и сегодня... Какие изменения произошли в них, что нового привнесло в игру последнее десятилетие?

— Шахматы стали более спортивными, больше стало игровой практики. Сейчас с участием гроссмейстеров проводится от пяти до шести тысяч партий в год. Шахматная теория также шагнула далеко вперед. Естественно, идет испытание различных систем, изменился целый комплекс понятий, оценок некоторых позиций. Неизмеримо выросла техника защиты, даже по сравнению с временами Алехина.

— Шахматы настолько уникальная игра, что порой думаешь, а человек ли создал их. Может быть, это дар человечеству от некой высшей цивилизации?

— Вряд ли, — Карпов засмеялся. — Но тот человек, который их



«Уже не мальчик — муж...»

Начиная этот короткий очерк о Гарри Каспарове, я просмотрел свое журналистское досье и был приятно поражен, когда нашел в первом материале о нем такие пророческие строчки:

«По оценке специалистов, наиболее вероятным соперником чемпиона мира в цикле 1984 года будет Гарри Каспаров». Каспарову тогда шел двенадцатый год, а «специалистом» был московский мастер Александр Никитин.

Никитин обратил внимание на десятилетнего Гарика на одном из детских турниров, рекомендовал его в заочную школу Ботвинника (в ней в разные годы занимались многие ныне известные гроссмейстеры) и сам стал приезжать в Баку, чтобы помочь молодому тренеру Александру Шакарову справиться со всевозрастающей шахматной эрудицией пытливого вундеркинда.

Впрочем, и экс-чемпион мира Михаил Ботвинник постоянно консультировал своего питомца. Он и по сей день духовный наставник Каспарова.

Слух о необыкновенном даровании юного Каспарова заставил меня отправиться в командировку. Сидя с Никитиным в номере бакинской гостиницы, я записывал его удивительный рассказ про двенадцатилетнего мальчика, ко-

торый использовал в своих тренировках ту же шахматную литературу, что и члены сборной команды СССР. Взрослой сборной.

И с каждым годом спортивные успехи Каспарова становились все более значительными, а я при последующих встречах убедился: он наравне со взрослыми изучает не только шахматную литературу, но и читает те же книги, что и они. Тогда уже со всей очевидностью открылся феноменальный аппарат его памяти. Он наизусть мог повторить не только понравившиеся ему стихи, но и страницы любимой прозы. (Гарик обижается, когда ему предлагают записать номер телефона.)

В семнадцать лет Гарри стал международным гроссмейстером. 1980 год в семье Каспаровых называют «годом золотых медалей». С золотой медалью он окончил школу, стал в составе сборной СССР победителем чемпионата Европы и Всемирной шахматной олимпиады (эти звания он завоеует еще

раз в 1982 году), в том же году он победил на юношеском чемпионате мира, прибавив на следующий год к этому «букету» титулов и звание чемпиона СССР. Теперь его уже никто не называл вундеркиндом — Каспаров стал признанным шахматистом, одним из сильнейших в мире, главным оружием которого является острый комбинационный стиль, а слабым местом, как сетовал Никитин, увлечение не столько результатом, сколько самим процессом игры. Но победы следовали одна за другой. Достаточно вспомнить итоги лишь одного года. Осень 1982-го — безоговорочное первое место в межзональном турнире. Весна 1983-го — отличная победа в четвертьфинальном матче над Александром Белявским. Осень 1983-го — блестящий результат на самом представительном турнире того года в Никшице (Югославия) (11 из 14 возможных), победа в двухкруговом блиц-турнире с участием сильнейших гроссмейстеров мира. И это невзирая на психологический стресс, связанный с проблемой проведения полуфинального матча! Наконец, декабрь — полуфинальный матч, в котором Каспаров буквально разгромил Корчного. И как итог прошедшего года — самый высокий рейтинг (шахматный коэффициент) в мире.

Необходимо рассказать, каков этот знаменитый гроссмейстер, обладатель двух шахматных Оскаров (приз лучшему игроку года) вне турниров и шахматных тренировок. Завязанный спор-

изобрел, был действительно гениальным. Ведь пока даже ЭВМ не может просчитать количество ходов в такой достаточно простой игре, как шашки, не говоря уже о шахматах.

— Анатолий Евгеньевич, как, на ваш взгляд, складывались матчи претендентов в Лондоне?

— Ход матчей в двух полуфиналах получился несколько неожиданным. Если закрыть фамилии участников на бланке, то и не догадаешься, кто есть кто. Так, как играли Смыслов — Рибли, должны были играть Каспаров с Корчным. Никто не ожидал, что наш неуязвимый Василий Васильевич победит венгерского гроссмейстера столь легко.

— Что вы ждали от матча Каспаров — Смыслов?

— По моим подсчетам выходило так, что Каспаров должен был победить. Дело даже не в том, что у него на сегодняшний день самый высокий рейтинг в мире. Просто матч из 16 партий слишком «длинный» для Смыслова. Возраст должен был рано или поздно сказаться. В коротком бы матче не все было так ясно. В Вильнюсе Каспаров играл мощно и убедительно победил.

— В каких соревнованиях вам довелось участвовать за минувшие полтора года?

— Наша шахматная дружина в очередной раз доказала, что является сильнейшей, одержав убедительную победу на чемпионате Европы в Болгарии. Потом был также ряд международных турниров. Что касается лично меня, то 83-й год для меня

оказался на редкость насыщенным и, можно сказать, удачным. В двух турнирах занял вторые места, затем в четырех оказывался первым. Матчи, по-моему, прошли на хорошем уровне. Может показаться курьезным, но за один год я стал двукратным чемпионом страны. Дело в том, что одновременно проводился и пропущенный чемпионат позапрошлого года, доба-

Рейтинг сильнейших

Около четырех тысяч шахматистов входят в список Международной шахматной федерации (ФИДЕ). Приводим индивидуальные коэффициенты сильнейших на 1 июля.

Г. Каспаров — 2715, А. Карпов (оба — СССР) — 2705, Я. Тимман (Голландия) — 2650, Л. Портиш (Венгрия) — 2640, В. Корчной (Швейцария) — 2635, Л. Полугаевский и Р. Ваганян (оба — СССР) — по 2625, Л. Любюевич (Югославия) — 2615, Р. Хюбнер (ФРГ) и В. Смыслов (СССР) — по 2610, В. Горт (Чехословакия) и М. Таль (СССР) — по 2605, А. Белявский (СССР) и З. Рибли (Венгрия) — по 2600.

вим еще VIII Спартакиаду народов СССР, на которой сборная Москвы стала сильнейшей. Кстати, после перерыва в шестнадцать лет.

— Как вы готовились к сентябрьскому матчу?

— Как обычно. Правда, с учетом того, что перерыв в игровой практике у меня оказался критическим. Ведь я не участвовал в турнирах с ноября по апрель. Большое внимание уделял психологической подготовке.

— Что вы можете сказать о претенденте?

— Каспаров добился права бороться за шахматную корону как сильнейший. Он молод, полон сил, безусловно интересен. Как я отношусь к тому, что претендентом стал именно он? Нормально. Матч обещает быть интересным. Да и, откровенно говоря, встречаться с одним и тем же претендентом порядком надоело.

До этого нам с Гарри приходилось встречаться трижды. Все партии закончились вничью, но серьезной из них я считаю только одну, на московском международном турнире 81-го года.

— Анатолий Евгеньевич, вы достигли всех шахматных вершин, а что дальше?

— Со спортивной точки — да, но я бы не сказал, что добился в шахматах всего. Звания еще ни о чем не говорят. С творческой стороны в шахматах можно совершенствоваться до бесконечности.

Беседу записал Петр Плиев

щик на любую тему, а при его званиях и памяти заключать пари с ним — дело рискованное. Он отличный рассказчик, но с интересом слушает и истории, которые рассказывают ему. Конечно, сказывается и кавказский темперамент (в свое время говорили, что он помещает Гарри играть на высоком уровне), но он укрощает

его благодаря хорошему чувству юмора.

Вторая его страсть после плавания, а может, и первая — футбол. «Команда Каспарова» во главе с гроссмейстером одна из сильнейших в мини-футболе. Надо знать, как играют на пляжах Баку в футбол, чтобы оценить по достоинству уровень футбольной команды шахматистов.

После смерти Алехина для определения сильнейшего был проведен турнир пяти сильнейших гроссмейстеров. Успех сопутствовал нашему Ботвиннику. Седьмым чемпионом мира стал В. Смыслов, а через год снова Ботвинник. Еще через три года лавровым венком был увенчан М. Таль, но и его постигла участь Смыслова в матче с Ботвинником.

1963 год — год триумфа Т. Петросяна. Потом чемпионами становились следующие шахматисты:

1969 г. — Б. Спасский (СССР)
1972 г. — Р. Фишер (США)
1975 г. — А. Карпов (СССР)
1978 г. — А. Карпов (СССР)
1981 г. — А. Карпов (СССР)
1984 г.??????????????????

Вопрос о тринадцатом чемпионе остается открытым. Ясно только одно — шахматная корона остается в нашей стране.

Кое-что о шахматах

Предполагают, что эта древняя и мудрая игра возникла в Индии около полутора тысяч лет назад. Чемпионаты мира для мужчин проводятся в личном зачете с 1886 года, в командном — с 1927 года.

Первый международный шахматный турнир состоялся в Лондоне в 1851 году. Победил учитель из Бреслава (Вроцлава) А. Андерсен. Через семь лет его обыграл американец П. Морфи.

Впервые звание чемпиона мира выиграл В. Стейниц. В 1894 году Стейница победил молодой немецкий шахматист Эм. Ласкер, который никому не уступал почетного звания в течение двадцати семи лет. В 1921 году на шахматный трон взошел Х. Р. Капабланка. Кубинца сменил русский шахматист А. Алехин в 1927 году. «Смена караула» произошла лишь в 1935 году. Через два года Алехин вновь отобрал корону у голландца М. Эйве.

Каспаров студент третьего курса английского факультета Азербайджанского государственного педагогического института иностранных языков. Книжки — одно из основных его увлечений. В республиканской газете «Шахматы» Каспаров не только член редколлегии, но и сам пишет большие и подробные отчеты, пытается сделать их необычными, используя литературные сравнения и эпитеты при оценке того или иного хода. Газету с его опусами купить в киосках невозможно. Безотказен Каспаров, когда его приглашают выступить, если подобная встреча может хоть как-то служить пропаганде шахмат и спорта. Пример члена ЦК ЛКСМ Азербайджана увлекает многих. Республика переживает настоящую шахматную лихорадку.

К решающему матчу Гарри Каспаров готовился, как всегда, в Загульбе. Прогнозов он, естественно, не делает, но сказал, что борьба будет интересной. Потом добавил:

— Не хочу выглядеть самоуверенным, но считаю свои шансы в предстоящем матче не ниже, чем у чемпиона.

Сколько продлится наш матч? Говорить определенно трудно: и Карпов и я проигрывали чрезвычайно редко. Думаю, в матче будет сыграно около 28 партий. Надеюсь, они доставят истинное удовольствие любителям шахмат.

Виталий Мелик-Карамов

Великолепная пятерка

О своих товарищах по сборной и клубу рассказывает один из сильнейших мастеров мирового хоккея Вячеслав Фетисов.

Корр.: В 1981 году, когда закончилось выступления знаменитое звено Михайлов — Петров — Харламов, старший тренер В. В. Тихонов подобрал на роль лидеров команды молодых ребят. Самым опытным из них считали вас. Расскажите, Вячеслав, как формировалась ваша пятерка.

Фетисов: Сначала Виктор Васильевич поставил меня в защиту в паре с Алексеем Касатоновым, потом соединил в одном звене Сергея Макарова и Владимира Крутова и, наконец, незадолго до поездки в Канаду попробовал их связать центральным нападающим Игорем Ларионовым. С его приходом в армейскую команду из воскресенского «Химика» и стали говорить о нашей пятерке как о чем-то новом в современном хоккее.

Мне тогда, как и С. Макарову, не было еще и 23 лет. А Касатонов, В. Крутов и И. Ларионов на год моложе нас. И вот на наши плечи легла не только большая нагрузка, но и огромная ответственность. С тех пор лично для меня игра приобрела несколько иной смысл. Для лидерства надо иметь прежде всего твердый характер. Талант — это, конечно, неотъемлемая часть в подготовке высококлассного игрока, но сколько было талантливых спортсменов, которые так и не стали лидерами в своей команде!

Корр.: Ваша пятерка была впервые проверена в 1981 году в играх на Кубок Канады, где сразу показала интересную игру.

Фетисов: Это была очень серьезная проверка. И в Канаде и в США публика очень горячо переживает за своих любимцев.

С сильным соперником интересней играть. Тогда проверяешь все, на что ты способен, все свои физические и нравственные возможности, все свое мастерство. В. В. Тихонов постоянно напоминает нам, что канадцев мы все равно не перетолкаем — у них защитники массивные, весят под сто килограммов. Мы стремимся обыгрывать их за счет скорости. В современном хоккее это очень емкое понятие: сюда входит и скорость движения, и скорость мышления, и скорость паса. В этих компонентах хоккея советская школа имеет неоспоримое преимущество.

Корр.: Вам пришлось мобилизовать всю свою волю, чтобы вернуться в большой спорт?

Фетисов: Всю волю и даже немножко больше. В 1979 году в тренировочном матче в Голландии я получил тяжелое повреждение позвоночника. Домой меня привезли на носилках, с самолета сразу на «скорую помощь» и в госпиталь.

Три месяца не вставал с постели. Врачи говорили, что придется бросить хоккей. Но я не мог и не хотел верить, что не смогу вернуться на лед. Прежде чем снова надеть коньки,

пришлось заново учиться ходить — сначала в вольере, потом на костылях. Это был самый трудный, можно сказать, переломный момент в моей жизни. Ведь до этого все мне давалось легко и, казалось, ничто не омрачит мою спортивную карьеру.

Корр.: Расскажите о своих партнерах по пятерке...

Фетисов: Алексей Касатонов пришел к нам из ленинградского СКА, когда в нашей команде был очень сильный подбор защитников, и ему пришлось побиться за место в основном составе. Сейчас Алексей — один из лучших защитников в мире. Он обладает огромной физической силой, техничен и пластичен, несмотря на вес 94 кг. Ну а в жизни Касатонов, как и все сильные люди, добродушный, общительный человек.

В тройке нападения лидер — Сергей Макаров. Я выступал вместе с ним еще в юношеской и молодежной сборных страны. У него упрямый уральский характер, упрямый он и в труде. Это виртуоз на ледовом поле — на одном квадратном метре Сергей может обыграть двух-трех соперников. Поначалу он только этим и занимался, но теперь стал очень хорошо видеть поле и может выдать такой пас, что трибуны охают с не меньшим восторгом, чем когда он сам забьет гол.

В 1982 году Макарову сделали тяжелую операцию, чтобы устранить привычный вывих плеча. Врачи дали ему четыре месяца на восстановление, но уже через два он блестяще сыграл на чемпионате мира и снова был признан одним из лучших хоккеистов.

Владимир Крутов — это хоккейный

боец. Он смело идет на обострение, нигде никому не уступает и вовремя приходит на помощь партнеру. Соперники особенно побаиваются его на пятке перед воротами. Здесь всегда бывает жарко, но Володя плотный, сбитый парень, и его очень трудно сдвинуть с места в силовых единоборствах. Ему нет равных и в острой обводке, и в неожиданных решениях. А за пределами хоккейной площадки Крутов, наверно, самый мягкий и безобидный в нашей команде. И своей импровизацией на льду, и своей добротой чем-то напоминает Харламова.

Игорь Ларионов — диспетчер в нашей пятерке, через него проходят все нити игры. Просто поразительно, как, не обладая в общем-то внушительными физическими данными, он успевает вовремя сыграть и в нападении, и в защите. Игорь цепко ведет борьбу с мощными защитниками, обыгрывая их, как мы говорим, «за счет своей умной головки». У Ларионова тонкое комбинационное чутье. Почти половину голов наша пятерка забивает с его подачи. А за пределами ледового поля у него нет соперников. Это симпатичный, обаятельный парень. На любой стадион, в любую страну приезжаешь — все его любят, на всех языках к нему обращаются с улыбкой.

Корр.: Спорт невозможен без неудач и срывов. Как вам удается преодолевать их?

Фетисов: У каждого, даже великого спортсмена, бывают дни, когда игра не идет, когда накапливается такая психологическая усталость, что хочется даже бросить хоккей, хотя знаешь, что завтра тебе снова выходить на лед. Это самое трудное — переломить себя в такие моменты. А приходится! Иначе, если раз-другой дашь себе поблажку, может выработаться привычка садить себя, и тогда ты постепенно скатишься вниз. Слабохарактерным людям в хоккее делать нечего. Чтобы добиться высокой цели, нужно быть подвижником и жертвовать многим. Да и зрители все время ждут от нас хорошей игры.

Но это не значит, что, кроме хоккея, наша жизнь не заполнена ничем. Учимся. Почти половина команды уже с высшим образованием. Среди недавних выпускников вузов — В. Третьяк, С. Макаров, И. Ларионов.

Корр.: Тот заряд радости, который получают от удачной игры сами хоккеисты, передается зрителям...

Фетисов: Хоккей без зрителей вообще ничто! Это прекрасное массовое зрелище! И мы работаем, тренируемся. Команда постоянно в поиске. Она не только трудится, но еще и творит!

Беседу вел Олег Чечин

Фото С. Киврина.

В. Фетисов, И. Ларионов

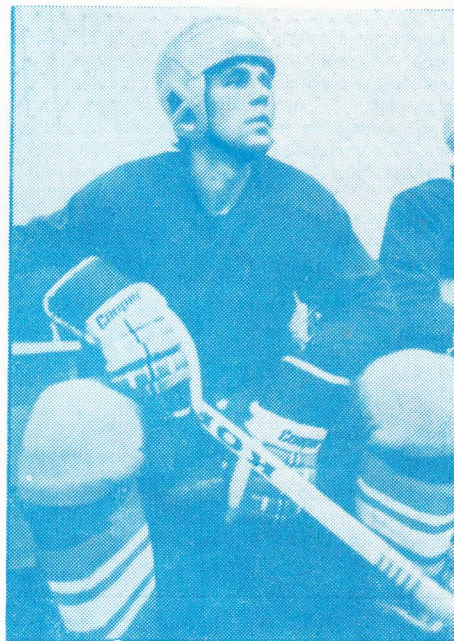
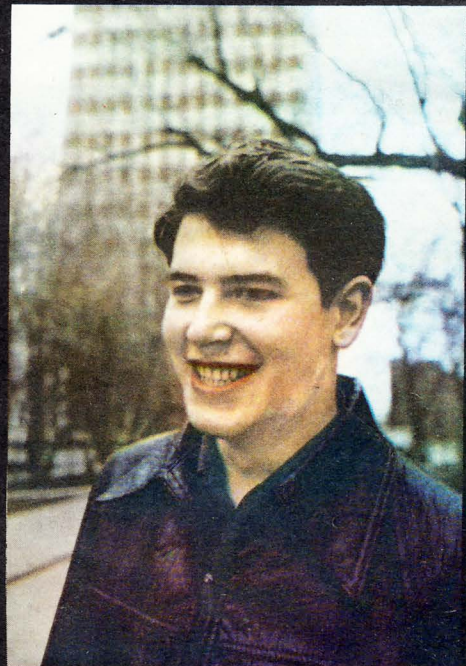
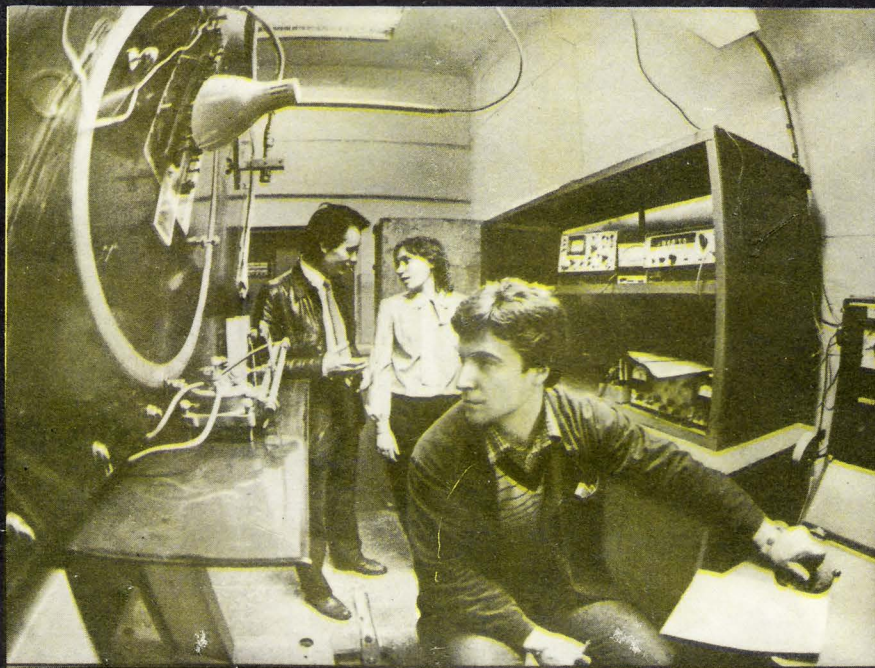
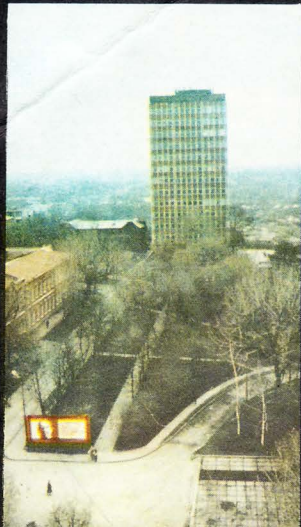




Фото В. Карева



Alma mater

Харьковский политехнический институт основан в 1885 году как технологический вуз. В 1923 году институту присвоено имя В. И. Ленина. За годы Советской власти институт подготовил около 80 тысяч специалистов. На всех отделениях и в филиалах вуза учатся сегодня 23 тысячи студентов. 1588 преподавателей, многие из ко-

торых имеют докторские и кандидатские степени, обучают будущих инженеров. Институт ведет большую научно-исследовательскую работу на крупнейших предприятиях. Им созданы богатые научные школы в области разработки теоретических проблем турбиностроения, динамики и прочности машин, полупроводников и т. д. К услугам студентов удобные общежития, библиотека, в которой свыше одного миллиона томов, спортивные залы, профилактории.